

ЯНИНА
ПЕРВОЗВАННАЯ

« Я ХОЧУ СТАТЬ
ВАМПИРОМ... »

УЧЕБНИК ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ (В)
ВАМПИРОВ. НАИДЕННЫЙ В ПУСТОЙ
ГРОБНИЦЕ АВТОРА

18+

Янина Первозванная Я хочу стать Вампиром...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70060564

SelfPub; 2023

Аннотация

Знакомьтесь, Эфрат, модель, поп-дива и звезда Берлинских клубов. Ей девятнадцать и в ее жизни сбылись все ваши мечты. Благодаря соц. сетям вы знаете о ней все, кроме одного, она – вампир. Эфрат купается в крови и славе пока не встречает Рахмиэля, молодого наследника старинного аристократического рода. Древняя магия и древняя кровь, смогут ли они создать союз и доказать, что любовь сильнее смерти?

Содержание

Глава первая. Встреча	5
Глава вторая. Открытия	46
Глава третья. Дорога	106
Глава четвертая. Перед разлукой	164
Глава пятая. Ты должен уйти	196
Глава шестая. Столкновение	229
Глава седьмая. Выбор	276
Глава восьмая. Вместе	303
Глава девятая. Навстречу ночи	368
Глава десятая. В крови и пламени	403

Янина Первозванная Я хочу стать Вампиром...

Тайна любви больше, чем тайна смерти.

О. Уайльд, Саломея

Глава первая. Встреча

Их было двое.

И один из них очень любил крек...

А точнее – одна. И это было не самым пагубным из ее страстей. Она также предпочитала науку досужим разговорам, успешно справлялась с подбором гардероба без помощи стилиста и регулярно появлялась на обложках тех одноразовых журналов, которые многим заменили настоящую литературу. Кроме того, ее величество поп-дива была стройной, высокой, сильной и счастливой в своем безраздельном одиночестве. За это и многое другое ее ненавидели практически все, особенно мужчины. Впрочем, ей это было только на руку. Ей чертовски редко бывало интересно с мужчинами и еще реже с женщинами, люди вообще не производили на нее впечатления. И их искренняя убежденность в обратном всегда вызывала недоумение, ведь она никогда не выказывала ни малейших признаков интереса к ним или к их сомнительной ценности жизни. Сами же люди со свойственной им беспардонностью не оставляли попыток войти в ее жизнь, ни на секунду не сомневаясь, что вот их-то ей как раз и не хватает, что она будет бесконечно счастлива составить им компанию, ведь именно для этого она родилась. Людям, как вы понима-

ете, так и не удалось впечатлить ее достижениями своего разума. Впрочем, до определенного момента люди в ее жизни присутствовали только для декорации. И для еды.

– Я любить крек! У вас есть крек? – эта парочка была туговата не то на ухо, не то на голову, а потому объяснять приходилось жестикулируя. Грохот музыки добавлял ее жестам выразительности, и вскоре незадачливые слушатели поспешили раствориться во тьме галереи и толпе танцующих.

Это был ее любимый клуб. Отличное расположение, центр города, разумеется, строгие фейс-контроль и дресс-код, известные своей избирательностью далеко за пределами столицы. Множество этажей и толпы посетителей, что означало огромное меню, в котором числились все от почти невинных студенток до ублюдков всех пород. Эфрат предпочитала ублюдков. Они никогда не понимали, что не так, потому никогда не задавали вопросов. Ей тут нравилось. Она вообще любила нелепо переоцененную поп-культуру, идолам которой поклонялись в неоновых храмах эпохи одноразовых ценностей.

– Отлично. Я так и уйду домой «счастливой», – она недовольно затопала туфелькой по блестящему черному полу и уже посмотрела было в сторону выхода, как тут ее окликнул кто-то. Этому человеку будто бы удалось заглушить громкую музыку или подойти так близко, что этот голос заполнил все пространство.

– Простите, вы что-то сказали? – в шаге от нее стояла

невысокая женщина, казалось, она сливается с окружающей темнотой, и только мечущиеся по залу цветные огни помогали ее разглядеть. Хотя это мало что меняло, ведь ничто так не притягивало внимание, как глаза незнакомки. Никогда раньше ей не доводилось сталкиваться со взглядом настолько поглощающим, обездвиживающим и абсолютно пустым. Она ничего не могла прочесть в этих глазах. Как будто за ним нельзя было обнаружить ничего из ранее ей известного. Но к черту эти домыслы, она очень устала.

– Я говорю, я люблю крек! У Вас есть крек?

– Крека нет, но мы могли бы найти кое-что получше, – не сказав больше ни слова, незнакомка взяла ее за руку и повела по галерее клуба, которую в приглушенном свете можно было принять за пошлую роскошь: бархатные алые стены, золотые рамы зеркал. Дальше откуда было два пути, один вел к выходу, а другой – к чилауту на верхнем этаже.

Она решила довериться новому приключению и беззастенчиво рассматривала свою новую подругу, пока та шла впереди нее. Роскошные черные кудри лежали на узких плечах, пышная грудь, которую владелица не стремилась прятать, узкая талия и округлые бедра, тоже весьма условно скрытые блестящей черной юбкой. Каждый ее шаг вверх по лестнице дарил надежду, что вот-вот завеса тайны приподнимется и идущий следом сможет насладиться видом, которого удостоивается не каждый. Но нет, темнота ночного клуба и мерное покачивание бедер незнакомки лишали малей-

шего шанса на бесплатные радости.

Как только они прошли сквозь тяжелые тканевые шторы, отделяющие лестницу от укутанного сладким туманом чилаута, она тут же вдохнула облако ароматного дыма – у кого-то имелся крек. Но пойти на его зов означало выпустить из рук тайну, которая обещала что-то получше пресловутого крека. Об этом безмолвно говорили ее слегка приоткрывшиеся губы, и легкое волнение, и чувство предвкушения. Все эти переживания будоражили и воскрешали покинувшие было ее силы. Дойдя до конца комнаты, незнакомка остановилась.

Там, в дальнем углу, в почти полном отсутствии света стоял обитый черным бархатом диван, на котором кто-то неподвижно сидел. Они подошли ближе. В полутьме и клубах сигаретного дыма ей удалось разглядеть молодого парня. На вид ему было чуть больше двадцати. Длинные вьющиеся волосы лежали на плечах, укрытых черным шелком, и даже для такого плохого освещения было очевидно, насколько бледна его кожа.

– Присаживайся, – произнесла незнакомка и жестом пригласила ее сесть рядом с неподвижным юношей. Сама она села по другую сторону от него и закинула ноги на его колени.

Способность этого голоса перекрывать шум музыки и других голосов ее уже не удивляла. Наоборот, хотелось услышать его еще раз, было в нем что-то такое, что затрагивало ее глубоко внутри. Без малейших колебаний она приняла приглашение и села на диван, прижавшись к предложен-

ному угощению, не сильно, просто чтобы почувствовать, захочет ли она его попробовать. Ее глаза оказались на одном уровне с черными и сверкающими глазами этой таинственной ночной гостью, которую она никогда раньше не видела, хотя приходила в клуб с пугающей регулярностью.

Оказавшийся между ними юноша так и не пошевелился, будто едва дышал. Ей показалось это странным, таким же странным, как и то, какой холодной была его кожа. Но, если подумать, это даже интересно.

– Я умею читать мысли людей. А ты умеешь? – влажный блеск губной помады только сейчас привлек ее внимание. Может ли быть такое, что прежде эти губы вообще не шевелились? – Знаешь, чего он сейчас хочет?

Мягким касанием она отвела в сторону кудри, что закрывали шею разделявшего их юноши, которой наконец начал дышать, как если бы с этим ее движением он вдруг вспомнил, что жив. Мгновение – и его тело изогнулось, рот слегка приоткрылся, и ей почудилось, что она услышала его тихий стон, говорящий не то об удовольствии, не то о боли. Прижав ладонь к его груди, она медленно начала двигаться вниз, как тут незнакомка оторвалась от его шеи. Даже того приглушенного света, которому удалось добраться до этого угла, хватило, чтобы увидеть, как с ее губ падают сияющие густые капли. Теперь ее черные глаза сияли, а улыбка обнажала тонкие клыки, наполовину скрытые под темной вуалью, которая, распадаясь на густые капли, начала укрывать ее грудь.

– Угощайся, – произнесли эти губы, едва дав себе труд пошевелиться. И мраморно-белые руки развернули голову юноши в ее сторону, открыв взгляду поток густого и пьянящего одним своим видом лакомства, льющегося из гостеприимно раскрытой раны. Дважды повторять не пришлось. Нет ни в этом мире, ни по другую его сторону ничего подобного этому нектару, в котором можно было раствориться всем своим существом, чтобы потом вернуться назад иной, новой, спокойной и счастливой тем счастьем, которое может подарить лишь долгий взгляд в вечность. И сейчас, пока она, утопив клыки в нежной коже, глоток за глотком поглощала этот эликсир жизни, толчок за толчком выплескивающийся прямо в нее, в такт еще бьющемуся под ее ладонью сердцу, вечность наблюдала за ними с нежностью и спокойствием.

– Неправда ли, лучше, чем крек? – догонял ее ускользающее сознание голос, снова заглушивший все вокруг. Но она уже почти ничего не слышала, только почувствовала, как чья-то мягкая ладонь легла на ее колено.

Музыка продолжала играть, но сейчас она превратилась из сотрясающих все вокруг ударов в мягкое покрывало. Ее глаза были закрыты, и сама она плыла в потоке той неги, которую испытываешь, когда ничто вокруг не может потревожить движения звездного неба у тебя над головой. Где-то на периферии ощущений были шелк рубашки, что укрывала плечи ее недавнего угощения, холод его кожи, вспышки света, то и дело проносящиеся перед глазами. Так можно было

лежать целую вечность, слушая слабое сердцебиение и наслаждаясь новой жизнью, растекающейся по каждой клеточке твоего тела. Обновление тела, памяти и сознания – вот что нес в себе тот живительный эликсир, поступающий вместе с густыми багряными каплями, которые всякий раз казались ей сладкими, с чем многие могли бы поспорить. Среди людей ходили легенды, что помимо этого он приносит силу. Да, это так, только для этого вам нужно стать вампиром. Может быть, именно об этом мечтал тот, на чьем едва живом теле она сейчас лежала?

– Да, я обещала его обратить, когда придет время. – Снова раздался голос, способности которого оставаться единственным среди всех прочих она уже не удивлялась. – Меня зовут Шири. А тебя?

– Эфрат, меня зовут Эфрат.

– Древнее имя? Ты решила оставить его?

– Да, пусть люди знают, с чем имеют дело.

– И как? Помогает?

Эфрат рассмеялась, и засохшая кровь потрескалась на ее губах.

– Шутишь? Они же просто безнадежны. Необразованны и самонадеянны, а тупы настолько, что даже не подозревают об этом. Особенно мужики. Они же думают, что я им вызов бросаю, типа я такая вся недоступная, докажи мне, что ты крутой. Челлендж прямо во всех легкодоступных местах у них возникает.

– Да, люди – это настоящая патология создателя, не могут пережить, что вообще-то всем глубоко плевать на их существование. Снеки болтливые.

– Ты что! Мы же тут буквально живем ради них. И гардероб для них выбираем и на улицу ради них, болезных, выходим.

– Да жить вообще ради них начали! Что ни платье, так беспокойство, а что же они, венец творения, подумают.

– Там вместо «венец» другое слово должно быть...

Они еще какое-то время лениво смеялись и обмениваясь скабресными остротами на тему человечества и его достижений, скрываясь за завесой дыма и общей атмосферы безразличия посетителей по отношению друг к другу. Но вскоре пришло время собираться.

Говорят, если осушить человека до последней капли крови, душа оставит тело, потому что кровь – это седалище души. Всякий раз поглощая чью-то жизнь, она тщательно выбирала объект, ведь он становился тем материалом, из которого она вновь и вновь воссоздавала себя, приобретая все новые и новые качества, знания и навыки, будто растворявшиеся в ней вместе с кровью бывшего хозяина или хозяйки. Она не знала, куда отправляются души после внезапной смерти тела, но знала, что каждое существо создало в своем сознании как свою жизнь в этом мире, так и ту, которая последует за ней. И она предпочитала тех, кто был способен на оригинальные идеи.

– Нам придется довести его до машины. – Голос Шири прервал сладостные размышления.

– Зачем? Ты что, их коллекционируешь?

– Нет, просто это мой постоянный донор. Чистая голова, чистая кровь, к тому же, редкой группы, потому так вкусно.

А ведь и правда, вкус был такой нежный, он буквально за секунды уносил в путешествие по тем волнам, которые удерживают человека над бездной, в которую падает всякий, чей час пришел. Иногда, когда их полет подходит к концу, они видят свет. А иногда им везет меньше.

– Хорошо, идем. Вы оба можете остаться у меня. На столько, на сколько потребуется.

– Есть пара лишних гробов?

– Есть гостевая комната без окон.

Нет, она не была настолько чувствительна к свету, чтобы совсем не появляться на дневном солнце, но предпочитала его избегать. Если сил было достаточно, такие встречи казались просто не самым приятным событием в жизни, но если сил хватало едва-едва, то несколько дней пребывания в постели в отвратительном настроении, а нередко и с тошнотой ей обеспечены. Не совсем та компания, которую она хотела бы иметь в своей постели.

Их путь лежал за пределы города, сомкнувшего в своем кольце сердце Европы. Дороги в этих местах были просторными и безлюдными, можно было ехать, не опасаясь столкнуться с кем-то, в том числе и с не в меру бдительной поли-

цией. Это не было решающим критерием при выборе дома, но в конечном итоге стало приятным бонусом. И сегодня пустынные дороги стали для нее залогом спокойного возвращения домой, где можно восстановить силы и подготовиться к следующему дню. Или же взять небольшой перерыв и позволить себе роскошь быть собой. Тем более, что подобралась такая приятная компания.

– Отличная идея. Давай зависнем на пару дней. Ну, то есть ночей.

– Эй! Это мои мысли. Соблюдай границы.

– Брось. Это просто удачное совпадение.

Шири сидела рядом с ней на пассажирском сиденье, закинув ноги на приборную панель, так что каблучки ее туфель иногда стучали о лобовое стекло. Не без удовольствия Эфрат наблюдала за ее движениями, то ли наполненными негой от недавно пережитого совместного наслаждения, то ли по природе своей столь медленными и манящими. Да, притягательность была свойственна их породе. По дороге в пасть хищника пища должна быть спокойной и счастливой, преисполненной радости и блаженства. Можно сказать, чем ты притягательнее, тем проще тебе живется, зверь сам бежит на ловца, как в той поговорке. Зверь, предвкушающий самые изысканные удовольствия. В каком-то смысле эти ожидания оправдываются.

Размышляя о пище, Эфрат невольно облизывала губы. В

уголках рта все еще можно было почувствовать насыщенные металлический вкус недавней трапезы.

– Куда ты смотришь? Смотри на дорогу... – пробормотала Шири, лукаво улыбаясь.

– У меня отлично развито боковое зрение, можешь не беспокоиться.

– Тогда ты ничего не упустишь, если будешь следить за дорогой.

– Нет необходимости, мы приехали.

Машина замедлила ход и вскоре они остановились у решетчатых ворот, за которыми угадывались очертания небольшого дома. Было темно, но можно было разглядеть архитектуру, характерную для загородных домов Европы. Той самой Европы, которую Эфрат знала с начала девятнадцатого века. Этот дом принадлежал ей, сколько она себя помнила. С ее точки зрения, этот срок был не таким уж долгим, но многие бы с ней не согласились. Ведь люди не всегда знают, куда девать даже те короткие десятки лет, которые их тело способно прожить без надлежащей поддержки, что уж говорить о сотнях лет, и уж точно ничего тут не скажешь о тысячах.

– Мне нужно достать пульт, убери ноги, пожалуйста.

– Разве я тебе мешаю?

– Как скажешь. – Эфрат потянулась к ящику под приборной доской и не смогла сразу найти пульт, ведь действовать приходилось наощупь. Эфрат подвинулась ближе к ящику,

но это не сильно помогло – видимо, пульт оказался где-то в глубине. Пришлось потянуться еще дальше, и так она прислонилась щекой к холодной коже Шири, к которой ей тут же захотелось прижаться еще плотнее, позволив магии вампирского очарования унести себя в страну иллюзий и тех фантазий, которые эти существа провоцировали в сознании всех, кто их когда-либо встречал.

Но Эфрат быстро вернулась к реальности, нащупав пальцами пульт где-то в углу ящика.

– Добро пожаловать. – Она нажала кнопку пульта, и ворота перед ними начали медленно открываться, приглашая проложить себе дорогу сквозь тьму, окружавшую особняк. Для обычных людей это было путешествие в одну сторону, но сегодня все было иначе. Ей с гостями предстояло приятно провести время, к тому же, в эти выходные она ждала и других визитеров.

– Ты приготовила нам угощение?

– Я точно не планирую голодать в выходные.

– Ты уверена в своих поставщиках? Извини, но я должна спросить. Столько всякой заразы вокруг...

– Не волнуйся. – Эфрат прекрасно знала, чем может обернуться употребление зараженной крови – тем же, чем и использование нестерилизованных инструментов. – Мои доноры не только проверены, но и имеют особенно утонченный вкус. Лучшие люди мира всегда тянулись к вечности.

– А она – к ним.

– Верно. Некоторые из них ее и в самом деле заслуживают. Нам надо аккуратно подходить к выбору компании на ближайшие сотни лет.

– И к выбору блюд к обеду...

– Да. Съешь не то, потом голова болит от тех мыслей, которые в ней появляются.

– Не говори, как будто болезней тела им было мало, они еще мозги свои решили уничтожить.

– А потому я щедро плачу своим поставщикам за по-настоящему качественный... ммм, круг общения.

– Так ты планируешь светский прием? Мне стоило взять платья подлиннее?

– Пожалуй, нет. Гости бы мне этого не простили. – Эфрат рассмеялась и нажала на педаль газа. Машина медленно проплыла сквозь ворота, которые закрылись за ней так же бесшумно, как открылись.

Дом Эфрат не выделялся ничем примечательным на фоне других таких же, построенных в середине девятнадцатого века. Светлый двухэтажный фасад в стиле классицизм, окруженный садом. Традиция разделять жизнь на два крыла также была соблюдена: направо – принимаем гостей, налево – живем и процветаем сами. Гостевое крыло прилагало все усилия, чтобы казаться усредненной версией особняка молодой и эксцентричной особы: в меру антиквариата, в меру дизайнерской мебели, щедро собранной по каталогам обеспечивавших половину современной Европы. Именно так Эф-

рат завела себе новый круг общения, скопировав все те черты, которые объединяли людей одного уровня и помогали им забыть про бдительность. Регулярные обсуждения нового аукциона или обложки свежего журнала светской хроники, на которой появилась Эфрат, казались настолько естественными, что со временем она начала забывать, что все ее друзья – люди. Однажды их не станет, ей снова придется пережить, и сделать это придется быстрее, чем хотелось бы. Да, сомнительные достижения современной медицины позволяли прожить на одном месте до двадцати лет без особых забот, рассказывая о чудесах пластики и новых инъекциях, но рано или поздно находился тот, кто переставал верить. И тогда приходилось выбирать новое место для жизни.

В этом доме Эфрат только начала жить, а потому его жилая часть никак не изменилась со времен прежних хозяев. В городе ходили слухи, что хозяева промышляют недобрым, ведь их мало кто видел при свете дня, а если они все-таки показывались в городе, то были неразговорчивы и избегали света. Проще говоря, Эфрат купила дом у хороших знакомых, но их ошибок предпочла не совершать. Ведь куда проще творить все, что тебе вздумается, когда ты такая милая и популярная девочка.

Миновав парадный холл, они поднимались по лестнице на второй этаж, где находились личные комнаты Эфрат.

– Настоящее ретро! – произнесла Шири, оказавшись в

комнате, способной запросто перенести посетителя в середину двадцатого века. – Как будто ты откусила кусочек от довоенной Германии и привезла его сюда.

– Если бы только кусочек! А вообще да, я люблю вещи с историей. – Эфрат прошла в комнату следом за ней, помогая занести тело третьего участника поездки, который так и оставался безмянным. Он пребывал почти без сознания на протяжении всей поездки. Лишь иногда Эфрат замечала, как едва приоткрывались его глаза в поисках Шири и закрывались, когда им удавалось находить ее отражение в зеркале над приборной панелью. – На диван.

– Ты имеешь ввиду эту почти безукоризненную декорацию к фильму о горьких слезах и Петере фон Кант?

– Это снимали не здесь.

– Да, по соседству. Но диван тот самый?

В комнате не было света, а окна полностью закрывали тяжелые шторы. Попади сюда солнце, у него не было решительно никаких шансов, и пришлось бы сгинуть во тьме, как и тысячам других солнц до него. Шири и Эфрат не нуждались в свете, отлично видели при любом освещении, а иногда обходились и вовсе без такового. В случае опасности они могли надолго укрыться в помещении без дверей или окон, но к чему тратить силы и вызывать лишние подозрения, когда в этом нет особой нужды.

Шири склонилась над своим человеком. Убедившись, что он еще жив, она поднесла свое запястье к губам и прокусила

его так глубоко, что густая темная жидкость проступила на поверхности кожи. В следующий миг она прижала окровавленное запястье к губам человека. Какое-то время он оставался неподвижным, потом сделал первый глоток, потом еще один. Постепенно его дыхание становилось глубже, и уже можно было слышать, как с новой силой забилося сердце, как по венам снова побежала кровь. С каждым ударом сердца менялась пульсирующая в его жилах свежая кровь, и что-то новое, неуловимое, появлялось в нем после очередного глотка.

Эфрат наблюдала за этим без особого интереса. Ее никогда не волновали люди с их желаниями, ради исполнения которых они даже готовы принести себя в жертву. Эфрат не любила жертв, она предпочитала охоту. Ей было все равно, кто станет добычей, важно было одно – добыча должна бежать. Нет, в новостях не появлялись потом сообщения о диком звере, растерзавшем кого-то из местных жителей. Если добычу удавалось загнать в лес, самые обычные звери с удовольствием доделывали всю работу за нее. А если приходилось охотиться в условиях города, то все было еще проще, ведь люди давно утратили уважение к собственной или чужой жизни. Никто не удивлялся тому ужасному состоянию, в каком обычно обнаруживали останки ее трапезы, люди просто приписывали убийство кому-то из себе подобных. Чаще всего дела закрывали раньше, чем успевали открыть, в редких случаях придумывали себе развлечение и начинали

розыск нового Джека Потрошителя. Безуспешно, как можно догадаться. Ведь кто может в чем-то заподозрить милую девочку, которая носит Gucci?

– Зачем ты кормишь его своей кровью? Ведь однажды она сделает свое дело.

– Я всегда слежу за тем, сколько он получает. Ровно столько, чтобы восстановиться и чтобы чувствовать себя немного лучше, чем до этого. Нет причин для беспокойства, он еще долго будет человеком.

– А ты планируешь?...

– Не знаю, я пока не уверена... – Шири снова склонилась над приходящим в сознание человеком, наблюдая за тем, как судорожно бегают глазные яблоки под закрытыми веками.

– Ты вкусный. – В этот раз Эфрат обращалась к смертному.

– Спасибо... – Его губы едва шевелились, но у Эфрат, как у любого создания ночи, был очень острый слух. Возможно, именно поэтому среди них было так много успешных музыкантов.

– Как твое имя?

– Гедалья...

– Какое интересное имя! Сам себе его выбрал?

– Нет...

– Имя ему дали родители, – вмешалась Шири. – Они хотели для него лучшего, как большинство родителей.

– Что ж, в каком-то смысле их надежды оправдались. Но

никогда нельзя быть уверенным, кто еще может тебя слышать. – Эфрат сделала шаг от зашторенного окна в их сторону и вскоре уже сидела рядом с Гедальей, который уже открыл глаза. – Тебе повезло с госпожой, Гедалья.

– Не называй меня так, – Шири улыбнулась. – Мы с ним ... друзья.

– Друзья? Мы теперь дружим с едой?

– Он не еда.

– Не еда? Я в замешательстве. – Эфрат и правда не знала, как в таком случае истолковать начало их знакомства. – Те есть, ты хочешь сказать, что все, что было в клубе – не более чем милая беседа?

– А разве нет? – Шири выжидательно посмотрела на нее, и где-то на дне ее бездонных глаз, так далеко, что услышать могла только Эфрат, снова раздался этот заглушающий все вокруг голос: «В любое время».

– Я пойду отдохну. – Эфрат поднялась и направилась к двери, ведущей в следующую комнату.

– В любое время, – уже в дверях догнал ее все тот же голос.

– Он же не еда.

– И тем не менее. В любое время.

– Спасибо, – ответила Эфрат и толкнула двери. Эта комната казалась погруженной, в еще более глубокую тьму, чем первая.

В чередовании света и тьмы, дня и ночи, всегда было что-то завораживающее. Почти любой вампир мог с легкостью наблюдать за красотой этого калейдоскопа без необходимости делать это в разное время. Встречаясь вместе день и ночь рассыпались по небосводу тысячей созвездий, история, которую не прочитать пока не решишь стать ее частью, пока не поймешь, что в мире есть создания света и есть создания тьмы. И только так этот мир может жить и процветать, и если создания света и создания тьмы будут продолжать поддерживать друг друга, то им удастся пережить все, даже такую напасть как люди.

«Вампиры не видят снов. Вместо этого, погружаясь с забвение, мы отправляемся на поиски. Ты можешь искать все что угодно: новый источник пищи, новое место силы, – но чаще всего мы посвящаем это время тому, что невозможно сделать, будучи заключенным в тело. Мы можем встречаться с другими, даже если они находятся на расстоянии тысячи миль. И запомни дитя, вампира вампиром делает Тьма ...» – окончания фразы Эфрат не расслышала, ее тело начало просыпаться.

– Я прерываю интимный момент? – ее щеки коснулась легкая прохлада, исходящая, очевидно, от пальцев того, кто забрался к ней в постель, пока она спала.

– О, боже... – Эфрат нехотя открыла глаза. – Что ты делаешь в моей постели?

– Наслаждаюсь твоим обществом. И твоими снами. Сама я давно не видела снов, – Шири лежала на спине, глядя в потолок, наполовину укрытая волнами золотистых волос Эфрат, в которых та и сама не раз путалась.

– Мы со Старейшинами редко видимся, а потому я так ценю каждое их слово. Ведь не будь их, меня бы тоже давно не было.

– Хватит грустить, у нас ведь сегодня гости. Кроме тех, что уже есть. Поднимайся, давай я расчешу твою гриву.

Грива у Эфрат и правда была впечатляющей, помощь бы тут не помешала. Многие удивлялись, как ей удается справиться с такими длинными и густыми волосами, хоть они и создавали идеальное обрамление ее лицу на обложках музыкальных альбомов и журналов. Обычно она доверяла заботу о них персональному стилисту, и пока та с любовью превращала золото ее волос в настоящий источник солнечного света, Эфрат могла насладиться отдыхом. Обычно она читала книги, что не успела прочесть за прошедшее десятилетие и в которых надеялась найти еще один кусочек мозаики, способной объяснить мироустройство чуть шире, чем это представляло себе большинство. Даже большинство вампиров. Да, далеко не все вампиры гениальные творцы и ученые. Немногие наделены талантом и не всем дано так хорошо ладить с людьми, как Эфрат. Такие вампиры способны создать проблемы, как и в любом другом обществе, часто угрожая раскрытием тайны. В руки людей не должны попасть дока-

зательства существования вампиров, ведь это поставит под удар незыблемый порядок вещей. Вампиры никогда не стремились обнаружить своего присутствия в реке жизни. Пусть даже в любой момент могли перекрыть ее устье.

Но на этой неделе ни съемок, ни студийной работы не намечалось, а потому можно было позволить себе немного расслабиться.

– Хорошо, давай. Только это может быть надолго.

– Сдается мне, мы можем себе это позволить. – Шири рассмеялась, лениво сползая с кровати и наблюдая за тем, как Эфрат укрывает черным шелком рельеф мышц, украшавший ее спину.

Комната была наполнена полумраком, только по углам стояли тусклые лампы, чей свет едва пропускали витражи от Тиффани, ставшие легендарными благодаря своему участию в оригинальном сериале «Семейка Аддамс», впоследствии появившись во множестве цветных лент. Эфрат встала с кровати и подошла к туалетному столику, стоявшему напротив. Ничего необычного, подобных столов с зеркалами в тяжелой раме существовало огромное количество в то время, когда корсеты еще были в моде. Она присела на табурет.

– Как ты думаешь, почему мы отражаемся в зеркалах? Хотя легенды рассказывают обратное? – Ее золотые волосы рассыпались по плечам, отражая и приумножая даже тусклый свет.

– Потому что легенды рассказывают люди, а им свой-

ственно замечать только то, что они могут пережить и понять. Либо то, что уже знают. И, кроме прочего, у нас все-таки есть тела. – Шири погрузила в золотой водопад свои тонкие пальцы, каждый из которых был увенчан острым рубиновым ногтем.

– Ценное замечание. Но ведь не все такие, как мы. Возможно, есть и те, кто не отражается в зеркалах. Я слышала о таких, кто может восстанавливать собственные тела, пусть даже те подвержены гниению и разложению.

– Да, жить в теле, которое досталось тебе неизвестно какими путями и которое почти не связано с тобой, очень неудобно. – Лицо Шири мерцало в отражении и постепенно начало терять очертания, в то время как ее руки продолжали расчесывать волосы Эфрат.

И вот уже Эфрат никого не видела в зеркале, кроме самой себя, а ее локоны шевелились будто сами по себе, подобно змеям на голове какого-нибудь древнего божества, последние упоминания о котором сохранили греки.

– Но ведь наша история куда старше любого из известных письменных или устных преданий, мало ли что еще может быть. – Голос Шири раздавался из ниоткуда, но от этого как будто становился только сильнее. И Эфрат с удовольствием погружалась в эти волны, несущие в далекое прошлое на заре времен, когда народ Дня и народ Ночи сменяли друг друга на посту смотрящих и никто и подумать не мог, что однажды в их мире случатся люди.

Иногда в памяти Эфрат возникали эти картины. Она снова оказывалась под куполом звезд, сиявших ярче любых небесных светил и той луны, которая несла миру перемены. Их свет помогал пережить самые лучшие и самые тяжелые напоминая, что все в этом мире преходяще и только они остаются вечными. Если бы это было так! Эфрат не могла вспомнить деталей, ведь память услужливо ограждала ее от всего, что было связано с этим временем, когда им пришлось уйти как можно дальше, так далеко, чтобы проворные человеческие ножки не смогли туда добраться. Долгие тысячи лет она и ее народ привыкали к новому миру, наблюдая за тем, как эта смешная и неуклюжая раса создает свои первые цивилизации. День ото дня тело Эфрат становилось все слабее, магия почти оставила ее, волны больше не вздымались по единому движению руки, а солнце не спешило скрыться из вида, когда нужно было увидеть мир, живущий под покровом ночи. Все изменилось и становилось только хуже, и быть может, им было предначертано однажды уснуть и не проснуться. Теперь этого никто не узнает, ведь однажды ее клан вышел на Охоту. Эфрат была там и помнила все, что случилось в ту ночь, когда они превратились в легенду.

Шири продолжала мягко прикасаться к Эфрат голове, и собеседницу и ее руки снова можно было увидеть в зеркале:

– В твоих волосах живет много историй, которые стоило бы рассказать.

– Люди довольно успешно справились с пересказом опор-

НЫХ МОМЕНТОВ.

– Да, но нет. История глазами людей всегда предвзята и ограничена их верой, а верят они в то, во что хотят верить. Я закончила. – Шири сделала шаг назад и полюбовалась своей работой.

– Ты им определенно нравишься.

– Конечно, ведь меня никто не укусил. Не люблю, когда больно кусают, – усмехнулась Шири.

– А я люблю. – Гедаля зашел в комнату, не дав себе труда постучать.

– Ох уж мне этот говорящий сэндвич ... – Эфрат встала и пошла к шкафу, стоящему в другом углу комнаты. В комнатах без окон есть свои преимущества, намного больше простора для фантазии. И искусства. Именно благодаря любви к искусству и круговороту денег среди его поклонников Эфрат познакомилась с теми, кого ждала сегодня на ужин.

– Хочешь меня съесть? – Гедаля шагнул ей навстречу и то ли случайно, то ли специально преградил дорогу. Эфрат, будучи ниже ростом, уткнулась лицом в его шею. Ощувив биение живого сердца и запах человека в такой опасной для последнего близости от себя, Эфрат не сочла нужным сдерживать свои инстинкты и вот уже два острых клыка касались пульсирующей артерии на его шее. Но тут к привычно дурманящему запаху бегущего по его венам эликсира жизни, добавился еще один. Это было то, что люди называют многими именами и среди прочих...

– Интересно... – Эфрат отстранилась и взяла его за руку. В смотрящих на нее карих глазах не отражалось спокойствие и чего-то еще, что заставило ее улыбнуться. — Может быть, он и правда не еда.

– Но ты все еще можешь меня съесть, если хочешь. – Гедаля сжал ее руку в своей.

– Сходи лучше дверь открой. – Эфрат чувствовала, когда люди приближаются к границам ее владений, но этих людей она позвала сама. Им предстояло подготовить дом к приходу гостей, зажечь огни вдоль дорожек и всеми прочими способами «очеловечить» ее жилище.

Гедалья вышел из комнаты, оставив милых леди одних.

– Иногда мне кажется, я могу еще одну вечность просидеть в этой комнате. Невольно начинаешь верить историям, которые люди о нас рассказывают, будто мы можем спать вечность, как если бы кроме их мира во всей вселенной не было бы больше ничего.

– Из того, что я успела о тебе узнать, ты довольно неплохо проводишь время среди людей. – Шири бросила взгляд на стопку журналов, лежавшую на туалетном столике. На обложке каждого из них красовалась Эфрат. – Ты если не богиня, то младшее божество точно, особенно в пантеоне тех, кто верит в деньги.

– Человеческая вера вообще довольно избирательна, не находишь? Она выбирает, кому служить, и если человек достаточно силен, то вера прокладывает ему путь в любой из

миров по его выбору, а если нет, то прочно привязывает его к хозяину. – Эфрат открыла шкаф и взяла первое попавшееся под руку платье: короткое, сшитое из усыпанного блестками кружева. Почти прозрачное одеяние не имело цели закрыть собой хозяйку, но показать ее в лучшем виде из возможных.

– Мне нравится твой выбор, – Шири лукаво улыбнулась. – Примеришь?

– Вряд ли мне еще есть, что от тебя скрывать. – С этими словами Эфрат сбросила на пол черный шелковый халат, открыв лучам тусклого света мраморно-белую кожу, которую одни фотографы считали эталоном красоты, а другие называли болезненной бледностью. Последних она считала слабаками, кто не годился даже на аперитив. С методичностью скульптора Эфрат подчеркивала изгибы своего тела гладким шелковым бельем, до времени прятавшим ее от посторонних взоров. Она была высокой, очень высокой по мнению некоторых, и болезненно худой по мнению других. Сама же Эфрат придерживалась мнения, что самое толстой частью ее тела должны быть ресницы. И с высоты чуть больше пяти фунтов ей было абсолютно все равно на чье бы то ни было мнение, кроме собственного.

– Все равно нравится. Я думаю, сегодня это будет преобладающим мнением среди гостей. – Шири подошла к Эфрат, чтобы помочь ей застегнуть пуговицы на спине, – платье не предназначалось для самостоятельных леди.

– У нас есть еще пара часов, чтобы насладиться компани-

ей друг друга, пока мои трудолюбивые помощники готовят все к приезду гостей, – ответила Эфрат. Затем она подошла к туалетному столику, и открыла стоящую на нем шкатулку. По комнате поплыла тихая мелодия. Эфрат достала из шкатулку тонкую нитку жемчуга и этим закончила приготовления.

Держась за руки, девушки прошли комнату, где днем спали Шири и Гедалья. Оттуда они попали к широкой парадной лестнице. При свете дня все выглядело иначе и теперь можно было как следует разглядеть детали. Оказалось, что дом разделен на два крыла, в каждое из которых вел свой лестничный марш, но куда бы вам ни случилось повернуть, вы неизбежно встретитесь со взглядом хозяйки. Она взирала на каждого вошедшего в дом с портрета, что висел ровно по центру между двумя лестницами.

Шири спустилась первой, чтобы рассмотреть портрет и заодно успеть подать руку шедшей за ней Эфрат, которой ввиду невообразимо высоких каблуков требовалось явно больше времени.

– Когда был написан этот портрет?

– Где в середине прошлого века, я не помню точно. Он путешествует со мной все то время, что я живу в центральной Европе.

– А где ты жила до этого?

– Там, где нет переписи населения, – рассмеялась Эфрат, снова вкладывая руку в руку Шири, чтобы сойти с личных

небес на общую землю. – Он был написан в Италии мастером, чье имя никто и никогда не узнает.

– Он стал одним из нас?

– Понятия не имею, но не сказала бы, что его хозяин отличался особой сентиментальностью.

– Мужчина?

– Италия... – пожала плечами Эфрат. – Кому какое дело.

– Если придется, я заберу его с собой, повешу в спальне и буду разговаривать с тобой каждую ночь.

– Главное, не забывай время от времени приводить туда кого-нибудь, а то я поблекну, утрачу всю привлекательность и начну высказывать недовольство.

– Об этом можешь не беспокоиться, лакомства хватит на всех, – Шири улыбнулась.

Еще какое-то время они стояли возле портрета, пока откуда-то из дальних комнат не послышались звуки музыки, тихие валяющиеся один в другой шепот фортепианных клавиш.

Окруженные теплым светом свечей девушки спустились в холл, а оттуда последовали за мелодией, отчего-то казавшейся Эфрат знакомой.

– Я знаю эту музыку, – сказала она.

– Это любимая музыка Гедальи.

Эфрат ничего не ответила на это. Они молча зашли в комнату, где за черным, как и все вокруг, фортепиано сидел Гедалья и, казалось, не замечал их присутствия. Не сразу, но

Эфрат начала узнавать мелодию, и наконец узнала.

With your arms spread on the floor

You try to forget your life of yore

You are waiting for a better day

When you can ignore the things they say

And your fear is taking over again

The fight and struggle was all in vain

And the stars cannot light the way

To the place where you are today¹

Низкий карамельный голос Эфрат звучал очень тихо, но был громче всех прочих звуков. Сама она не знала об этом, как когда-то не ведала о том, что где бы она ни появилась, все взгляды будут прикованы к ней, и всякий, с кем она встретится глазами, будет ждать возможности исполнить любое ее желание. По счастью, желаний у нее было не так много.

– Почему ты так любишь крек? – поинтересовалась Шири.

¹ Solar Fake, “Where are you”.

– Не знаю. – Эфрат и правда не знала. А может быть, хотела так думать. – А у тебя есть крек?

– Вы наверняка это уже обсуждали. – Гедалья наконец отвернулся от фортепиано и теперь смотрел на них.

– Да, было такое. Но на сегодня наше время подошло к концу, пора встречать гостей. Как только Эфрат произнесла последние слова, они услышали звук открывающихся дверей и звонкий смех первых прибывших. Приятного аппетита.

Гостиная наполнялась гудением разговоров с тонкими нотками смеха и звона бокалов. В приглушенном свете свечей Гедалья развлекал гостей фортепианным барокко, пока хозяйка вечера внушала всем ощущение безопасности своей ослепительной улыбкой и сладкими речами.

– У тебя все, как всегда, Эфрат. Теплая компания и хорошее вино. – Гости старались ничуть не меньше хозяйки.

– Прогадает с одним, другое тебя спасет. – Эфрат смеялась вместе с гостями, наблюдая, как в дальнем углу Шири о чем-то вполголоса беседует с молодой парой, мимолетно касаясь то одного, то другого. Такие юные и любознательные, они уже какое-то время украшали собой подобные собрания, а потому чувствовали себя довольно свободно.

Огни свечей отражались в хрустальных гранях канделябров, рассыпали золотые искры по лицам присутствующих, помогая самым светлокожим из них почти ничем не отличаться от других. Природное обаяние Эфрат убеждало

окружающих в естественности происходящего. А тайна, которая окутывала каждый такой прием, привлекала их еще больше.

– Я обожаю твою улыбку, Эфрат. Покупаю каждый журнал с твоими фотографиями, чтобы рассмотреть поближе.

Сегодня среди гостей была и давняя поклонница таланта Эфрат. По какой-то неочевидной причине женщины намного охотнее стремились в ее объятия. Впрочем, зная нравы современных людей, Эфрат не спешила их осуждать. Она вообще не любила спешки, когда перед ней богатое меню, и ждала, пока будущая жертва начнет чують подвох. Тогда начнется сладкая погоня. Долгая или короткая – все зависит от самой жертвы. Обычно та сопротивлялась изо всех сил, убегая и отказываясь верить в свою судьбу. Ведь мужчины сегодняшнего дня привыкли убивать, а не становиться жертвами. Эфрат всегда любила баланс и искренне верила, что с каждой ее трапезой мир становится чуточку спокойнее и свободнее.

– А я любить крек! У тебя есть крек? – Способная учують запах любимого лакомства за милю, Эфрат уже знала, какой будет ответ. Она хотела, чтобы поклонница поняла, что ее интерес не находит взаимности, когда из угла, где стояла Шири, раздался голос.

– У меня есть. – Голос принадлежал одному из собеседников Шири. Одному из тех, чей возраст сложно определить с первого взгляда, по опыту общения с избалованными

наследниками, Эфрат смело предположила, что этому может быть или чуть больше двадцать или немногим меньше. Прежде она никогда его не видела, зато не раз встречалась с предметами его гардероба, когда прогуливалась по магазинам. Тем же отличалась и его подруга блондинка, чье незначительное платье стоило значительную сумму, сравниться с которой могла только ее миниатюрная сверкающая бриллиантами сумочка.

– Что ж, тогда, позвольте вас ненадолго оставить. – Под одобрительные улыбки Эфрат покинула центр комнаты и направилась к компании у окна, зашторенного плотной бархатной портьерой. Высокий напольный канделябр стоял в опасной близости от портьеры, зато достаточно близко к Шири и ее новым друзьям, чтобы их можно было как следует рассмотреть. Эфрат получила этот канделябр в наследство от предыдущих владельцев особняка. За все то время, что она устраивала в этом доме приемы, успела заметить, что именно он притягивал ее будущих жертв.

– Предлагаю вам продолжить в более уединенной обстановке, – произнесла Эфрат, взяв за руку белокурую девушку. И бросила короткий взгляд на Шири, которой не было нужды объяснять, что никакого интереса к креку Эфрат никогда не испытывала.

Тяжелые даже на вид массивные деревянные створки дверей любому другому пришлось бы открывать по одной, а потому гости всегда аплодировали, когда Эфрат распахивала

их легким движением рук. Так произошло и сейчас. Было в этом что-то от духа гедонизма, под общие аплодисменты идти за руку с теми, для кого это двери могут больше не открыться. Так думала Шири, закрывая за собой двери.

Оказавшись отделенными от шумных и пока что счастливых гостей тяжелыми дверьми, которые сохранились здесь еще со времен постройки особняка, довольные собой и друг другом компаньоны парами разошлись в разные стороны. Так Шири увела за собой стройную блондинку в незначительном платье, а Эфрат с неизменной нежной улыбкой обернулась к обещавшему подарить ей наслаждение духа и тела. Сквозь доносящиеся до них голоса можно было слышать, как пальцы Гедальи, чередуя черные клавиши с белыми, пересказывали серенаду Листа в незнакомой последнему манере. Его игра передавала чуть больше горечи, чем планировал автор, и звучала чуть тише, чем стоило бы, но что как не тишина способна подогреть мгновения перед погоней.

Жертва все еще ничего не подозревала, а Эфрат стояла перед ним, не спеша обнажать белоснежные зубы, один вид которых превращал ее из нежной белокурой модели в чудовище со страниц готических романов. Ее лицо постепенно изменялось, приобретая более естественные для древнего существа черты, но всего этого было не разглядеть в полутьме, наполнявшей комнату, а потому жертва продолжала медленно отступать к стене. Эта комната была проходной, а

потому из нее имелось два выхода, один – через который они в нее попали, и второй – к которому приближалась ее добыча. Еще несколько шагов, и лицо Эфрат осветит лунный луч, пробравшийся в комнату через зазор в бархатных партерах. Холодный свет коснулся ее щеки и слегка приоткрытых губ, момент был идеальный, и Эфрат обнажила клыки, позволив улыбке засиять еще ярче. Но ничего не случилось. В комнате было также тихо, как и до этого, а робкие попытки гостей напомнить о себе давно подчинились непреходящему желанию Гедальи приобщить их к прекрасному и наслаждаться музыкой вне зависимости от того, хотят они этого или нет. Эфрат сделала шаг, затем еще один, и вот уже между ней и человеком не осталось места даже для сердцебиения последнего.

Казалось, мгновение превратилось в вечность, и целая вечность могла бы уйти на то, чтобы рассуждать о вопросе тяги смертных к смерти. Не жалея кануть в такой тоске, сохранявшая до этого неподвижность жертва положила руки на бедра Эфрат, чтобы затем медленно подняться к талии, согревая своим теплом ее мраморную кожу, и прижать Эфрат еще ближе к себе. Аппетит пропадал с каждым его движением, ведь ничто так не разочаровывает в пище, как жажда быть съеденной. И когда среди всех утомительно приятных движений ее жертва наклонила голову так, чтобы открыть взгляду пульсирующую вену на шее, Эфрат уже готова была сломать эту шею и начать проклинать современную киноиндустрию.

Почувствовав неладное, он отстранился и попытался уловить темнеющий взгляд этого притягательного древнего существа, манившего его подобно тому, как призрачный шанс уцелеть в неравной схватке манит любую жертву охотника. Сделав шаг назад, он почувствовал, что поверхность за его спиной не может служить надежной опорой. И не напрасно, за его спиной были такие же двустворчатые двери, подобные тем что привели их в эту комнату. И, утратив равновесие, он упал в открывшиеся двери. Эфрат наблюдала за происходящим с утомленной иронией. Ей казалось, что Шири явно повезло больше, раз ни она, ни ее спутница не отвлеклись на шум. Из распахнувшихся дверей вырвался свет. Теперь лежавшая на полу жертва могла разглядеть, как изменилась внешность поп-звезды. И от этих перемен любому нормальному человеку захотелось бы бежать. Как можно быстрее. Но этот никуда бежать не собирался.

Пока человек разглядывал ее, Эфрат медленно, далеко не в такт звучащей мелодии фортепиано, подошла к своей жертве. Но поскольку с чувством такта у нее всегда были проблемы, она вернула попытавшегося было встать человека обратно на пол нежным, но убедительным ударом черной лакированной туфелькой в грудь. Эфрат пристально всмотрелась в глаза своей жертвы. Оставалось понять, пришел ли он сам или его пришли. Нужно быть осторожной, чтобы случайно не оставить семью без единственного наследника. Это принесло бы лишние хлопоты.

– Откуда ты знаешь, кто я? – Эфрат продолжала прижимать его к полу. Но жертва не спешила с ответом. Тогда вампирша подвинула носок туфельки к его горлу и надавила еще сильнее.

– Я спрашиваю, откуда ты знаешь, кто я? – Ответа снова не последовало. – Послушай, ты либо ответишь мне, либо умрешь прямо здесь, а твое тело растворится в кислоте быстрее, чем кто бы то ни было успеет по тебе соскучиться.

– Портреты, – прохрипела жертва под ее ногой, – портреты.

– Портреты? – Эфрат слегка ослабила давление.

– Тот, что в твоём доме, – он пытался схватить ртом воздух, – не единственный.

Это было правдой. Портреты Эфрат можно было найти по всей центральной Европе. Какие-то из них находились в открытом доступе, какие-то хранились в частных собраниях. Но она помнила только один случай, когда кто-то в шутку сравнил ее с изображенной на портрете дамой.

– Что еще ты знаешь? – Эфрат снова надавила на его горло.

– Ты... ты не всегда была женщиной. – Слова как-то умудрились протиснуться через сдавленное горло, пока его руки вместо того чтобы ослабить давление гладили ногу Эфрат, с каждым движением поднимаясь все выше. Эфрат это нравилось, но нужно было кое-что прояснить.

– Прошу прощения, что?

– Портретов много, но не везде ты одета как женщина.

И это правда. Эфрат не всегда выбирала женские роли. Время диктовало свои условия, и она наслаждалась обеими ролями. У нее не было никакой заинтересованности в таких преобразованиях, просто в какой-то момент истории люди решили, то всех женщин необходимо либо истребить, либо довести до состояния безмозглой скотины. Оба варианта внушали Эфрат столько же интереса, сколько сомнительные интеллектуальные таланты человечества, но тайну надо было сохранять. И ей это успешно удавалось. В большинстве случаев.

Эфрат убрала ногу с его горла, присела рядом, затем быстрым движением руки подняла его тело с пола и поставила на ноги. Казалось, это не смутило и не удивило смертного, будто он ждал чего-то подобного и даже получал удовольствие от происходящего.

– Беги, – прошептала она, сжимая пальцы на его горле, – и, если тебе придет в голову бежать медленнее, вспомни, я могу просто растворить тебя в кислоте.

С этими словами она все тем же легким движением отбросила его в конец коридора, где, пролетев несколько метров над полом, его тело ударилось об стену. Этот узкий коридор объединял гостевую часть дома с той частью, откуда люди не выходили, если им выпадала сомнительная удача туда попасть. Коридор заканчивался еще одной дверью, к ней-то и устремился человек, когда снова поднялся на ноги. Улыб-

ка вернулась на лицо Эфрат, и она медленно последовала за убегающим.

Некуда торопиться, ведь путь по этому коридору был только один и она знала, где тот заканчивается. Они всегда бежали одинаково, или почти одинаково. Отличались только их эмоции, мечущиеся от стены к стене, эхом пронесившиеся во тьму, что поглощала бегущего по мере движения. Эфрат не нужен был свет, чтобы следовать за жертвами. Он бежал, не оборачиваясь, и так быстро, как мог. Бежал, распахивая одну дверь за другой, до тех пор, пока не распахнул перед собой последние двери. Это был ее любимый момент, а потому Эфрат остановилась, чтобы прислушаться и ощутить этот сладкий запах чистого, ничем не замутненного осознания происходящего. За последними дверями не было ничего, кроме кирпичной стены. Легкая улыбка снова появилась на ее губах, обнажив острые зубы.

Если бы человек мог видеть в темноте, он бы смог рассмотреть, что тут и там кирпич украшают борозды и сколы – следы отчаянных попыток выбраться, которые предпринимает каждое живое существо, когда понимает, что сейчас произойдет. Все становилось еще хуже, когда человек начал чувствовать тонкий и сладкий запах гнили, запах засохшей и запекшейся крови вперемешку со все еще стоявшим здесь запахом разлагающейся плоти.

Эфрат молча стояла за его спиной, наблюдая за тем, как он ощупывал стену руками, как будто надеясь, что она пре-

вернется во что-то другое.

– Возможно, мне стоит и здесь повесить свой портрет. Или зеркало. – Она начала медленно приближаться к человеку, который все еще стоял лицом к стене. – Ты прав, нет смысла поворачиваться, ты все равно не сможешь меня разглядеть.

Она подошла к нему вплотную и поставила руки по обеим сторонам от него, так чтобы ее ладони легли поверх его рук.

– Будет больно, но недолго. – С этими словами Эфрат прикоснулась к его шее губами, и медленно приоткрыла рот, чтобы тут же впиться в пульсирующую артерию.

Миг, когда клыки разрывали кожу, был особенно приятным. Это сложно с чем-то сравнить, как и любой другой момент, когда ты перестаешь кем-то притворяться и между тобой и реальностью не остается ничего. Это почти то же самое, что смотреть в глаза бесконечности, черному полотну бездны, мерцающему тысячами и миллионами звезд. Это предрассудок и человеческие суеверия, что вампиры питаются кровью, просто так уж устроен человек, что кровь – седалище его души, за ней-то и охотятся создания ночи. И тут не так важно, сколько крови им удастся выпить, сколько то, что приходит вместе с ней. Хотя значение самой крови отрицать не стоит, она довольно вкусная.

Еще несколько глотков – и сердце начнет биться реже, прекратить нужно до того, как остановится сердце. Эфрат прижимала его к стене своим телом, а потому он еще дер-

жался на ногах, но вот удары сердца стали все и реже, и ей пришлось остановиться, чтобы затем медленно опустить его тело на пол. Сознание еще теплилось в нем, но совсем скоро погаснет и оно. Эфрат села на пол возле умирающего человека и прислонилась спиной к кирпичной стене. Она не ощущала холода, хотя от кирпича ее отделяло лишь тонкое кружево. Сейчас она не ощущала даже границ этого тела, как будто ее сознание увеличилось до масштабов вечности и укрывало собой весь обозримый мир. Она знала, что происходит рядом с ней и далеко отсюда, о чем говорят люди, оставшиеся в освещенных свечами комнатах, слышала мысли Гедальи, перебирающего пальцами клавиши, но все это было похоже на фоновую музыку, поверх которой звучал голос, все также заполнявший собой все вокруг: Шири смеялась.

Тогда Эфрат поднялась и перешагнув через лежащее на полу тело, пошла назад по коридору. Она сделала несколько шагов, как вдруг ей показалось, что она что-то услышала. Неужели он еще жив? Впрочем, какая разница, это ненадолго. Она продолжила идти и вскоре вышла обратно в освещенный коридор, в конце которого за открытыми дверями остались Шири и ее белокурое угощение. Эфрат не боялась, что ее увидят, у них было достаточно времени, чтобы придать себе невинный вид и вернуться к гостям.

Когда она появилась в дверях, Шири все еще сидела на диване рядом с блондинкой, чья голова лежала у нее на пле-

че.

– Она жива, просто... устала, – Шири ответила на вопрос Эфрат еще до того, как та успела его задать.

– Это хорошо, если пропадет один – ничего страшного, но если оба сразу, это чревато. Оставим ее здесь и вернемся к гостям.

– С удовольствием, а то еще немного и Гедалья перейдет на Дебюсси, а это всегда знак тоски.

– И скрытой страсти к садизму. – Они засмеялись и неспешно начали приводить друг друга в порядок перед возвращением к людям.

Глава вторая. Открытия

Гости разъехались. Блондинку погрузили в машину, как если бы она поддалась той вымышленной страсти к креку, которой была известна Эфрат. То же оправдание, только с более драматическим финалом они предложили тем, кто заинтересовался пропажей жертвы Эфрат. Никто не задавал лишних вопросов, ведь кто может в чем-то заподозрить юную милую девочку, чьи платья по стоимости могут сравниться с небольшой квартирой.

– Знаешь, что рассказала мне наша милая блондинка? – поделилась Шири, когда за последними гостями закрылись двери. – Она говорила со мной о зеркалах, а еще о том, что ее дружок на тебе слегка помешался.

– Только слегка?

– Я думаю, она просто была вежлива и очень деликатна. Это он уговорил ее сюда приехать.

– Ну и ладно. Так что там с зеркалами?

– Она рассказала мне, что несколько веков назад при создании зеркал использовали серебро и его было так много, что оно не оставило нам ни малейшего шанса увидеть свое отражение. Но со временем серебра стали добавлять все меньше и меньше, и в один прекрасный день наши отражения все-таки появились на гладкой поверхности зеркал, где они успешно пребывают и по сей день. Кроме тех случаев,

когда зеркало одного возраста с вашим особняком.

– И откуда милая, едва совершеннолетняя блондинка может знать такие вещи?

– Я думаю, к этому причастен твой слегка одержимый поклонник...

– Он нас больше не потревожит. – Эфрат подарила Шири многозначительный взгляд.

– Ты что... какое расточительство, – Шири очевидно не одобряла жестокости подруги.

– Да брось. Половина удовольствия в том, чтобы перестать контролировать себя разумом и передать управление более древнему и опытному рулевому.

– А что этот рулевой скажет, когда пропажей мальчика начнут интересоваться его друзья и семья?

– Сочувствуешь?

– Не то чтобы. Я всегда придерживалась мнения, что юные мальчики как патчи под глаза по утрам – свежие, омолаживающие и одноразовые.

Эфрат рассмеялась. Они наслаждались тишиной и покоем, что наполнили дом после ухода гостей. В гостиную все также проникал приятный полумрак. Гедалья слушал их разговор, не проявляя особого желания принимать в нем участие. Все трое были погружены в блаженную негу. Так продолжалось до тех пор, пока они не услышали звук, доносящийся из глубины дома.

– Что это, черт возьми? – Шири вопросительно посмот-

рела на Эфрат.

– Я что, знаю? Пойду проверю.

Эфрат, снявшая туфли на каблуках сразу после ухода гостей, бесшумно направилась к источнику звука. Ей пришлось вернуться в ту комнату, где недавно Шири слушала занимательные рассказы юной блондинки, чтобы потом сквозь двери в углу комнаты выйти в тускло освещенный коридор.

Все было тихо. Ни единого звука. Эфрат было решила, что ей показалось, как тут шум раздался снова. Он исходил из-за двери в конце коридора, за которой она недавно оставила безжизненное тело своей жертвы. Быстрым шагом Эфрат приблизилась к створкам дверей и одним движением распахнула их. На полу за дверью лежало тело ее недавней жертвы. Эфрат продолжала смотреть на внезапную находку так, будто от этого та должна была раствориться подобно призрачному видению.

Она не верила своим глазам. Не было никакого сомнения в том, что его сердце не билось, когда она опустила его тело на пол возле кирпичной стены. Но представшая перед ней картина опровергала эти воспоминания. Стоя над неподвижным телом, Эфрат ощущала, какой тонкой, какой призрачной, стала его связь с жизнью. Можно было подумать, что он удерживал эту связь усилием воли, но откуда ей взяться в умирающем и обессиленном человеке, чья жизненная сила сейчас растекалась по ее телу?

Вздохнув, Эфрат наклонилась над все еще неподвижным телом, схватила его за ворот рубашки, на котором еще не успела высохнуть кровь, и потащила через коридор.

– Вы посмотрите, кто восстал из мертвых. – Эфрат швырнула бесчувственное тело через двери и проводила взглядом до середины комнаты, где его путь закончился.

– Он что, жив? – Шири нехотя повернула голову и посмотрела на покрытое засохшей кровью лицо. Было и правда сложно понять, с кем они имеют дело, на вид ему едва ли исполнилось двадцать. Тонкие черты только подчеркивали его юность, короткие высветленные волосы, когда-то аккуратно уложенные, открывали высокий лоб. Этим профилем можно было бы долго любоваться, если бы не рваная рана на его шее. – Эфрат, да ты монстр. Зачем же так?

– Мне это нравится. И им тоже. До определенного момента. – Эфрат ничуть не смутила публичная констатация ее жестокости, она не считала себя жестокой.

– Что ж, справедливо. Но ты же сказала, что он мертв?

– Именно так я и думала. – Эфрат села на диван рядом с Шири. – Расстегни мне платье, я чертовски от него устала. Она повернулась к Шири спиной и опустила голову вниз, так что водопад золотых волос обрушился на ее колени.

– Такая ты ленивая, когда сытая, – Шири с улыбкой потянулась к покрытым шелком пуговицам, – а еще у тебя кровь в волосах.

– Нравится?

В комнате снова раздался легкий смех, беззаботно разлетающийся по дому, чтобы потом эхом вернуться обратно, подобно тысяче сверкающих бабочек. Расставленные по комнате свечи догорали, смягчая своим светом бледность присутствующих. Гедалья теперь сидел рядом с Шири, положив голову ей на плечо. Облаченная теперь в одно кружевное белье и сияние собственных волос Эфрат сидела с другой стороны.

– Вообще, если мы его закопаем, он через какое-то время просто задохнется, – вслух размышляла Эфрат, подперев ладонью подбородок.

– Воплощение гуманности и милосердия! – Шири расхохоталась.

– Абсолютно! Он же мучается. – Эфрат сидела неподвижно, как будто в растерянности рассматривая свою добычу. – Тебе когда-нибудь встречалось что-нибудь подобное?

– Не припомню. Но мои жертвы чаще всего выживают, а потому я могла просто не знать об этом, – ответила Шири.

– Что он такое? – спросила Эфрат, в ее голосе много померещиться любопытство.

– Да может, просто случайность. Молодость, хорошая наследственность, крепкое здоровье. Гедалья вон тоже смотри какой живучий, а еще вчера едва двигался. – Шири накручивала на пальцы кудри Гедалья, молчавшего, как и всегда.

– Но Гедалья вряд ли обязан этому только случайности и наследственности, – усмехнулась Эфрат. – Так ладно, пора

разобраться, что происходит.

Она поднялась с дивана. В мягком свете свечей так приятно было наблюдать текущие движения ее тела. Мы любим смотреть на подростков, потому что все, что они делают пропитано чувством настоящего момента. И когда-то давно Эфрат приняла решение, что вечная юность ей весьма по душе, с тех пор она ни капли не изменилась. Разве что стала лучше различать, на что стоит тратить момент настоящего, а на что – нет.

Наклонившись над неподвижным телом, Эфрат занесла руку для удара, и вмиг ее ладонь встретилась с его лицом. Раздался громкий хлесткий звук, но человек оставался неподвижным.

– Проклятие. – Она снова сжала руку на его горле, почти как несколько часов назад, но на этот раз ожидала появления признаков жизни. И к ее удивлению...

– Да вы издеваетесь! Он едва дышит, но он жив!

Шири усмехнулась.

– Какой интересный мальчик. А вот его подруга особо не углубляется в жизнь. Она покинула нас в полной уверенности, что это был лучший на ее памяти крек.

– Разделяю ее подход к жизни, все это того не стоит. Впрочем, ты ведь кого угодно уговоришь. А я вотрываюсь между желаниями закопать или придушить прямо здесь. – Эфрат как будто сама превратилась в пламя, так переливались в свете живого огня ее сияющие волосы и нежная кожа.

– И тебе нисколько не интересно, как ему удалось выжить?

– Нет. Мне нет никакого дела до того, как ему это удалось. У меня посреди гостиной полумертвое человеческое тело! Это же почти тараканы ...

– И тем не менее, это человек, – настаивала Шири, – человек, который не только каким-то, пока неизвестным никому образом, узнал, кто ты, но и пришел в твой дом. Причем с совершенно определенной целью. Скажи, кто-то еще, кроме него, знал, что случается с теми, кто предлагает тебе крек?

– Я никогда об этом не задумывалась. – Голос Эфрат звучал немного спокойнее. – Все те, что толерантен к продаже наркотиков подросткам, обычно не слишком участливы к судьбе себе подобных. А те, кто не толерантен, обычно не беспокоятся из-за пропажи пары-тройки любителей веселой жизни.

– А может быть такое, что он наблюдал за тобой?

– Не может, а точно. Он знает о портретах.

– Однако...

Эфрат наблюдала за лежащим на полу человеком, не подававшим больше никаких признаков жизни, как вдруг до них донесся звук сигнальной системы, к воротам дома подъехала машина.

– Это уборщики. Они позаботятся обо всем, что осталось после наших гостей. Гедалья, сходи, встретить их.

– Я так понимаю, обычно они убирают еще и то, что оста-

ется от твоих гостей? – Шири дождалась, пока Гедалья выйдет из комнаты, – Что он знает о портретах?

– Что их много, что они повсюду и что мне уже очень давно девятнадцать или сколько-то там, я не помню точно.

– Ну это не так страшно. Ты же человек искусства, можешь стать кем угодно, человеком любой эпохи, любого возраста и, – она сделала паузу, – любого пола. Хорошо было бы узнать больше о том, что именно он знает и о каком портрете идет речь. Он наверняка изучил и выучил его до мельчайших деталей.

– Да, и если бы у нас не было тела в центре комнаты, на этом можно было бы и закончить.

– Но оно есть. – Теперь уже Шири встала с дивана и вышла на центр комнаты. – Может быть, имеет смысл позвать врачей? Пусть помогут ему прийти в себя, дозаправят немного. Смилуйся над ним. – Она иронично посмотрела на подругу, которая не выражала ни малейшего восторга по поводу происходящего.

– В этом есть смысл, – ответила Эфрат после недолгого раздумья. — Черт возьми, ненавижу, когда так получается!

– Когда все идет не так, как ты хочешь?

– Когда все, что происходит, перестает меня развлекать. Пойду накину что-нибудь удобное и отдам распоряжения медикам.

– Я так понимаю, к тебе приезжают многопрофильные специалисты.

– Такая у них работа, – ответила Эфрат и удалилась, оставив Шири наедине с телом.

– Что ты такое, маленький мальчик? – Шири подошла к человеку, наклонилась над ним и поднесла руку к его лицу. Будто почувствовав это, человек попытался открыть глаза, и в какой-то момент ему это удалось. Шири показалось, что он хочет что-то сказать. – Тише, тише, я тебя не обижу, а силы тебе стоит побереечь, твоя госпожа проявляет милость и оставляет тебе жизнь.

Сложно было сказать, понял он ее или нет, но глаза едва открывшиеся глаза снова закрылись и если бы кто-то решил прислушаться, то услышал бы спокойное дыхание, которого до этого не мог уловить даже весьма чуткий слух Шири.

– Рахмиэль! Это ж надо! Ты посмотри! – Эфрат ворвалась в комнату, распахнув двери и едва разбирая дорогу от смеха, за ней в полной невозмутимости шли прибывшие специалисты. – Нет, без шуток!

Эфрат показала паспорт, который, очевидно, извлекла из куртки, небрежно накинутой на плечи. В паспорт того, над кем сейчас склонились все такие же невозмутимые лица, что видали, надо понимать, вещи и похуже, действительно было написано именно это имя.

– Я хочу, чтобы этот человек остался здесь, в моем доме! Вам придется привезти все необходимое сюда. – Эфрат продолжала с интересом разглядывать найденные документы, даже не подняв головы, чтобы убедиться в согласии ис-

полнителей. – Рахмиэль...

– Как видно, имя все же имеет значение. Но значит ли это, что мы должны незамедлительно начать тебе поклоняться и создать массу идолов? – поддержала иронию Шири.

– Во-первых, и то, и другое уже сделали задолго до вас. Во-вторых, Рахмиэль ... как мы вообще будем это сокращать?

– Ну Гедалья у тебя сендвич, так что этот, может быть... смузи, к примеру. – Они обе расхохотались, смех Эфрат был так же заразителен, как всеобщая любовь к поп-корну.

– Да, надо поддерживать тренды здорового образа жизни. – Эфрат села рядом и положила голову на плечо Шири. – Мне всегда казалась забавной эта их одержимость образами и такое неприкрытое пренебрежение к содержанию.

– Да брось, нам больше достанется. А содержание ... есть мнение, что они узнают только то что есть в них самих, и с содержанием у них, ты сама знаешь как. – Шири положила ладонь на голову Эфрат и гладила ее шелковые волосы, ни словом ни обмолвившись о том, что только что произошло в этой комнате.

Дом были приведен в порядок, Рахмиэля отнесли в комнаты на втором этаже, несколько человек остались с ним, чтобы оказать первую помощь и дождаться прибытия необходи-

мого оборудования. Все трое снова лежали на диване и теперь они точно могли побыть одни и насладиться предрасветной тишиной.

– Еще никогда в моем доме не было столько жизни, – вздохнула Эфрат.

– В твоём доме лежит умирающий человек, полы в комнате только что отмыли от его крови, а ты сокрушаешься о переизбытке жизни? – Шири лениво улыбнулась.

– У меня такое ощущение, что ты пытаешься что-то сказать, но я никак не возьму в толк, что именно, – рассмеялась Эфрат, и еще больше укуталась в куртку, которая так и осталась укрывать ее плечи. – Dsquared2², кто бы мог подумать, что мы встретимся при таких обстоятельствах.

Правда, Эфрат еще не доводилось работать с ними, но она не оставляла надежд на то, что однажды ее популярность и доходы, которые она может принести бренду, обеспечат ей необходимое для этого творческого союза сходство с молодым мальчиком, ведь именно таких моделей предпочитал канадский дуэт. Уже вставало солнце, но это не имело никакого значения для тех, кто скрывался за плотно зашторенными окнами особняка. Если вампиры спят, в чем безусловно стоит сомневаться, то это зрелище можно назвать по-настоящему умиротворяющим, и не только потому, что они не со-

² Dsquared2 – канадский фешн-дуэт, создающий стильную одежду для стильных мальчиков и мужчин. В качестве моделей на показах всегда выступают мужчины. Никаких исключений. Эфрат всегда считала себя по меньшей мере привлекательным молодым человеком.

бираются вцепиться в глотку наблюдателя, но и потому, что во сне их лица преображаются. По крайней мере, в глазах наблюдавшего за ними пианиста все было именно так.

Лицо Шири, на которое он так часто любовался во время ее дневного сна, превращалось в застывшую маску и становилось таким идеальным, что по сравнению с ней любое известное миру мраморное личико превращалось в бесформенный кусок камня. А вот лицо спящей Эфрат ему еще не доводилось видеть, и теперь он рассматривал ее с интересом и осторожностью. Если Шири пребывала в благодном покое и могла бы с легкостью тягаться безмятежностью с Буддой, то Эфрат имела большее сходство с застывшей горгулией. Прекрасное и невинное с виду личико могло бы служить эталоном красоты, вот только от ее красоты почему-то холодела кровь и ею хотелось продолжать любоваться на безопасном расстоянии. Говорят, в действительности ангелы беспощадны и проливают человеческую кровь с той же непринужденностью, с которой расправляют свои белоснежные крылья. Эфрат определенно была ангельской породы.

День только начинался, и Гедалья представления не имел, чем себя занять, а потому отправился исследовать дом. Он уже знал, что ждет его в следующей за этой комнате, а потому решил вернуться в холл и начать оттуда.

В холле все еще находились люди, впрочем, они не обратили на него никакого внимания. Гедалья подошел к парадной лестнице, по которой они поднимались прошлой но-

чью. В правом крыле они ночевали вчера и там не обнаружилось ничего примечательного, кроме жилых покоев, ретро мебели и антиквариата. Последний разочаровал Гедалью своей абсолютной нетранспортабельностью, решительно все было больше его карманов. А потому он решил отправиться в левое крыло. Поднявшись по лестнице и пройдя мимо портрета хозяйки дома, он повернул налево и вскоре оказался перед выбором из нескольких дверей, каждая из которых была заперта. Что-то подсказывало ему, что если хотя бы одна из них откроется, это произойдет не потому, что он такой умный. Прямо как в тех случаях, когда на вашей даме белье одного цвета и фасона. Но в обоих случаях вы все же не можете устоять перед искушением и решитесь отправиться в приключение, а потому Гедалья взялся за ручку ближайшей к нему двери, которая оказалась незапертой.

Дверь открывалась вовнутрь, что давало возможность незаметно проскользнуть во тьму и раствориться в ней. Оказавшись в темноте, Гедалья положил руку на стену справа, чтобы отыскать выключатель. Найдя, он щелкнул им, но ничего не произошло. Комната по-прежнему была надежно защищена темнотой. Он достал телефон из кармана джинс и включил фонарик. Холодный свет разлетелся по полу, выхватывая из темноты узоры напольного покрытия и фрагменты мебели.

Гедалья сделал несколько шагов вперед и поднял телефон повыше. Луч света упал на стену впереди. Открывшееся зре-

лице заставило бы чье угодно сердце биться быстрее, но Гедалья спокойно взглянул в глаза, смотревшие в свою очередь на него. Не было ни малейшего сомнения, что его видят, как не было сомнения и в том, что в этой комнате намного больше зрителей, чем можно подумать. Повинуясь его движению, луч света заскользил по стенам. За неприметной дверью скрывалась целая картинная галерея, и состояла она исключительно из портретов. Гедалья присмотрелся к ним. Очень разные внешне, в одежде разных эпох и стран, и только одно их объединяло: все сейчас смотрели на внезапного гостя, готового поклясться, что некоторые из них двигались или по меньшей мере стремились к этому.

– И что это мы тут делаем? – раздался голос за его спиной.

Гедалья обернулся, но луч фонарика выхватил из темноты только портреты и прижатую к стенам мебель. Тогда он погасил фонарь и прислушался. В темноте его слух всегда рассказывал обо всем, что происходит вокруг. Так Гедалья впервые узнал о существовании Шири, растворявшейся во тьме ночи и появлявшейся в любой точке пространства, в которой не было света. Ее приближение всегда сопровождалось полузабытьем, в которое погружаешься, когда твой мир наконец становится похож на тот, в котором хочется жить.

Он буквально услышал в комнате кто-то еще. Но Гедалья никак не мог понять, откуда шел голос и где находился говорящий. И невозможно сразу понять, женский это голос или мужской. Когда он впервые ощутил присутствие Шири ря-

дом, тоже не сразу понял, женщина это или мужчина. Просто незримое присутствие, то самое, что заставляет почувствовать себя живым, от которого сердце сначала замирает, а затем начинает биться сильнее. Сейчас же он ощущал холод, почти физический, прикасающийся сначала к твоей коже, а затем пробирающийся под нее. Наверное, именно такой холод ощущают жертвы Эфрат, когда она, никем не замеченная, преследует их по темным улицам.

– Я спрашиваю, и что это мы тут делаем? – снова раздался голос.

Гедаля не шевелился. И в его планы не входило отвечать на вопрос. Вместо этого он медленно открыл глаза и пошел в направлении источника звука. С каждым шагом он подходил все ближе к портрету, занимавшему центральное место на одной из стен. Он ни за что не взялся бы назвать возраст изображенного на ней, но это было неважно. Для тех, кому нет нужды считаться со временем, возраст перестает существовать, остается только не поддающаяся описанию сила, стоящая за ними. И эта сила смотрела на него с портрета. Этот мужчина мог быть кем угодно, но был больше всего похож на того, кто привык к власти, не к той, которая становится заголовками прессы, а к настоящей. Его темные длинные волосы хоть и доходили до плеч, но были безукоризненно уложены, костюм казался современным, но с ним что-то было не так, какие-то неуловимые детали напоминали о временах старше сегодняшнего дня.

– Я ... я просто из любопытства. – Гедаля не до конца понимал, почему это сказал, но готов был поклясться, что портрет стал чуточку улыбчивее.

Еще какое-то время он стоял неподвижно. Темнота хранила молчание. Тогда Гедаля начал медленно отступать обратно к двери. Несмотря на то томительное волнение, которое вызывала волна нахлынувшего холода, он понимал, что самым правильным, что можно сейчас сделать, будет вернуться обратно.

Не поворачиваясь, шаг за шагом он вернулся к двери, нащупал ручку, потянул дверь на себя и по упавшему на пол лучу света выскользнул из комнаты.

Когда солнце снова зашло, в дом Эфрат вернулась жизнь – та жизнь, которой жила его хозяйка. По небу плыл полумесяц растущей луны, обещавшей всем прилив сил и хорошее настроение на ближайшие две недели. Луна всегда несла миру изменения, в ее обманчивых лучах рождались и воплощались в жизнь чьи-то мечты и хрупкие фантазии, которым затем предстояло выжить под палящим солнечным светом. Чтобы это сделать, дети луны научились поглощать свет солнца и все то, чему он дает жизнь. К слову, о еде...

Эфрат проснулась голодной. Ужасно, просто невероятно хотелось есть. По сравнению с обычным человеческим голодом, этот голод ничем нельзя было унять, он не отступал даже перед силой разума. Наоборот, он использовал силу ее разума, чтобы трансформировать тело и направить его спо-

собности на поиски жертвы и охоту. И это было очень приятное чувство.

Она сладко потянулась, предвкушая ночную гонку и новые силы, но тут вспомнила, что далеко ходить не нужно – в доме было по меньшей мере два человека. Впрочем, охота была ее прихотью, а не вынужденной необходимостью. Угощение всегда можно заказать с доставкой на дом, в любом количестве и любого качества. Но это делало жизнь скучной, а ночи – пресными, а что может быть хуже пресной жизни со скучными ночами?

– Который час? – раздался голос Шири с другой стороны дивана.

– А не все ли равно? Неделя близится к закату, и можно об этом не думать, – негромко отозвалась Эфрат.

– У меня вроде как есть дела. Я со свойственным мне трудолюбием оказываю покровительство людям искусства.

– Ты покровительствуешь людям? – Эфрат не выдержала и залилась громким смехом. – Прости, давай еще раз. Ты покровительствуешь людям искусства?

– А как, ты думаешь, я нашла нашего талантливое пианиста? Я наблюдала за ним какое-то время. Было очень забавно, когда он начал это замечать.

– Но...

– Вот именно, обычно люди не чувствуют нашего присутствия. А этот заметил.

– Где ты его нашла?

– Недалеко от Баварии. Я искала кого-то, кто играл бы моим овцам Баха.

– Прощу прощения? – Эфрат закашлялась и повернулась к Шири.

– Что? В искусстве и его продаже доход стабильным не бывает, а под размеренную музыку Баха овцы вырастают просто колоссальных размеров и пользуются большим спросом по всему югу Германии.

– Это больше, чем я могу осознать. – Эфрат поднялась с дивана и продолжала осмысливать пасторальные мотивы уже в вертикальном положении. – Надо бы проведать нашу... заблудшую овцу.

Укрыв плечи курткой, под которой проспала весь день, Эфрат вышла из гостевой комнаты и пошла на второй этаж. Приехавшие прошлой ночью люди хорошо знали дом, знали, куда можно заходить, а куда ради собственной безопасности не стоит. Заблудшая овечка должна была находиться в одной из комнат в левом крыле. Поднявшись по лестнице, Эфрат остановилась перед первой дверью, которая никак не должна была оказаться открытой. И она точно знала, что никто из ее помощников не рискнул бы туда зайти не только из соображений профессиональной этики, но из банального чувства самосохранения, которое у этих людей было очень хорошо развито. Тем не менее, дверь приоткрыта...

Эфрат толкнула створку и заглянула внутрь. Она не нуждалась в свете, чтобы видеть, именно поэтому его тут не бы-

ло. Все оставалось по-прежнему, как и всегда, как и каждый день до этого. Со стен смотрели молчаливые лица. И только одно из полотен показалось ей каким-то другим. Она подошла к портрету, висевшему по левую сторону от двери. С порога его не видно, и чтобы заглянуть в эти глаза, нужно либо зайти в комнату, либо знать, куда посмотреть. С портрета на нее смотрел молодой темноволосый мужчина. Датировался портрет концом семнадцатого столетия. По крайней мере, так утверждала подпись в углу полотна, которая также спешила сообщить имя изображенного на портрете – “Овадия”. Память Эфрат поддерживала оба утверждения. На долю секунды Эфрат ей почудилось, что в выражении его лица что-то изменилось, но в этом она не была уверена, а потому мягко улыбнулась и подошла к противоположной стене, где остановилась перед другим портретом.

– Привет, дорогой, – тихо начала Эфрат, – скучаешь без меня? Впрочем, у тебя тут неплохая компания. Знаешь что, давай-ка я возьму тебя с собой. У нас какая-то ерунда начала происходить, а ерунда – это одна из тех ситуаций, когда две головы лучше чем одна.

С этими словами, она сняла со стены один портретов и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Дальше по коридору нашлись еще две комнаты, в одной из них располагался кабинет, а в другой – ее конечная цель, комната для людей, которые ни о чем не подозревали. Еще никогда в этом доме не случилось, чтобы после этого они оказывались там

после того как стали ее трапезой, а не перед этим. Заблудшая овечка стала дебютантом. Эфрат взялась за ручку двери и медленно вошла в комнату. Эта комната была особенной, в отличии от большинства комнат в доме, тут не держали ни антиквариата, ни ретро-сувениров. Когда Эфрат обставляла ее, она просто показала дизайнеру иллюстрацию из журнала и сказала, что должно быть так. В конце концов, люди должны проводить свои последние часы в счастье и комфорте. Это улучшает их гастрономические достоинства.

Рахмиэль лежал под капельницей и для человека, недавно пережившего переливание крови, выглядел весьма неплохо. Эфрат прошла по пушистому ковру в центре комнаты, что для ее босых стоп было весьма приятно, Эфрат поставила портрет на кресло возле кровати и подошла к человеку. От его идеальной укладки почти ничего не осталось, и теперь короткие высветленные пряди слегка закрывали лоб. Эфрат провела по ним рукой и нащупала рваную кожу на виске – видимо, он ударился обо что-то, когда она швырнула его в центр комнаты. У нее не было никакого плана и никаких мыслей насчет того, что с ним делать дальше, а потому она просто села на край кровати и смотрела.

Когда Эфрат выходила на охоту, в ней просыпался тот древний разум, который не знаком ни с мышлением, ни с человеческим языком, тот, который просто есть, здесь и сейчас, в данный момент времени. Так она попадала в коридор пространства, где ни человек, ни само время неспособны бы-

ли ее почувствовать или услышать. В действительности, все было наоборот: Эфрат пребывала там большую часть своей долгой жизни, и лишь изредка выходила в мир, чтобы спросить у кого-нибудь крик.

Перед глазами вечности люди проходили так быстро, что она не успевала их заметить. Но сейчас, сидя на идеальных белых простынях, она видела очертания его лица и даже слышала слабое биение сердца. Она не знала, что будет делать дальше. Вечность хороша тем, что неподвижность и бездеятельность для нее совершенно естественны и она может пребывать в этом состоянии ровно столько, сколько посчитает нужным. Со временем лицо Эфрат приобретало сходство с мраморными статуями, неподвижное, неизменное, лицо любой эпохи, любого возраста и любого пола. Это была свобода, которую нельзя сравнить с чем-то известным людям, она выводила любого, кто мог ее вынести, за пределы договора о том, «что значит быть человеком», и обладатель такой свободы мог позволить себе что угодно, по одному только ему ведомым причинам. А потому Эфрат продолжала неподвижно сидеть, слушая стук его сердца, его дыхание и мониторы, стоящие у кровати. Она ждала, пока тайна сама себя обнаружит. Ведь всему в этом мире свойственно меняться в пространстве между вечностью и глазами наблюдателя. Однако, тайна вовсе не спешила.

За спиной Эфрат кто-то тихо ступал по ее следам на ковре. Это был Гедалья, старавшийся не столько не выдать сво-

его присутствия, сколько дать себе больше времени послушать вечность, застывшую на кровати человека, достойного милости и жизни.

– Я... – начал было он.

– Не в меру жив для такого любопытного мальчика? – Эфрат даже не дала себе труда пошевелить губами.

– Скорее просто ... – Он на секунду задумался. – Да я даже не знаю.

– Да... на фортепиано ты играешь лучше, чем мысли излагаешь. Подойди ко мне, – сказала она после небольшой паузы, – сядь рядом.

Гедалья медленно подошел к кровати и сел спиной к лежащему на ней Рахмиэлю. Эфрат повернулась к нему, ее лицо снова стало похоже на застывшую горгулью, неподвижное и лишь отдаленно напоминавшее человеческое. Он почувствовал ее холодную ладонь у себя на шее, ему не надо было подсказывать, что делать и он наклонился к Эфрат. Но прежде чем ее бледно-розовые губы коснулись его шеи, где-то в глубинах его сознания послышался голос: «Ты знаешь, за что». Гедалья знал. И не испытывал ни малейшего сожаления.

Когда Эфрат отстранилась от него, багровая нить поползла по ее подбородку. Гедалья поднес пальцы к ее лицу и вытер скользящие по нему капли. Он не спешил убирать руку, чтобы дать Эфрат возможность облизать губы, а затем и его пальцы. Преодолев барьер ее влажных губ, он ощутил,

как их затягивает вовнутрь, а она смотрела ему прямо в глаза, позволяя погружаться все глубже и провожая его пальцы движениями языка. Кончики его пальцев продолжали скользить все дальше, до тех пор, пока все так же мягко и медленно Эфрат не отправила его пальцы обратно, возвращая владельцу в целости и сохранности, но уже без багряных следов. Эфрат облизнула губы и сглотнула.

– Ты пользуешься тем, что ты пианист, а потому я их не откушу? – Она смотрела на него с улыбкой.

– Я...

– От тебя пахнет свежим деревом и коньяком. Почему так?

– У Шири на ферме все сделано из дерева. Как в чертовом средневековом замке.

– Так это была не шутка...

– Нет. Она и правда разводит овец в Баварии.

– Понятно. – Хотя это явно была одна из тех немногих вещей, что находились за пределами ее понимания.

Звук мониторов без извинений напомнил о присутствии в комнате того, о ком они почти успели забыть.

– Кажется, нам удалось вернуть его к жизни, – Гедалья повернулся к неподвижному Рахмиэлю, чьи признаки жизни не выходили за рамки участвовавшего пульса.

– Ага, снова. – Эфрат подвинулась ближе к лежащему на кровати и наклонилась над ним. – Но похоже, это все, что мы сегодня от него услышим.

– Ты могла бы ему помочь...

Эфрат повернулась так медленно, что Гедалье хватило времени встать и бесшумно исчезнуть из комнаты. Даже пианистам удача редко благоволит дважды за вечер. Снова оставшись наедине со своей бывшей жертвой, Эфрат отчего-то улыбнулась.

– Ладно. Спи. – Соскользнув с кровати, она вышла, закрыв за собой дверь. На какое-то время она остановилась, чтобы послушать, что будет происходить за дверью, когда ее внезапный гость останется один. Но ничего не услышала. Мониторы издавали все тот же ровный звук, подтверждая, что подотчетный им человек все еще по эту сторону мира, и в любой момент может открыть глаза. Но этот момент наступит не сейчас.

Ночь только начиналась, и никаких планов на завтрашний день у Эфрат не было. В холле она увидела Шири и Гедалью. По их виду стало понятно, что гости намереваются покинуть ее дом. На шее у Гедальи был шарф неизвестного ей происхождения, а Шири снова наслаждалась своими лакированными шпильками.

– Я надеюсь, вы хорошо провели время. – Эфрат и правда на это надеялась.

– Разве я могу отрицательно ответить на такой вопрос? Особенно если его задает босая блондинка, стоящая перед тобой в таком незначительном одеянии. – Шири не без удовольствия рассматривала хозяйку дома, облаченную в тот же

костюм, в котором та уснула прошлым утром. – Мы возвращаемся в отель, а потом поедem домой.

– Было бы хорошо собраться так еще раз. – Эфрат не хотелось отпускать гостей. Не из опасения остаться один на один с загадочным телом наверху, а просто потому, что ей давно не случалось просто расслабиться и побыть собой в чьей-то компании.

– Непременно, – ответила Шири, – мне необходимо убедиться, что с моими овцами все в порядке, а потом я буду рада снова тебя увидеть.

Она посмотрела на Гедалью, все это время никак не напоминавшего о своем присутствии.

– Я рада, что тебе пришлось по вкусу мое угощение. Не правда ли, он лучше, чем крек?

– Ты не понимаешь, – усмехнулась Эфрат, – я очень люблю крек.

Эти теплые слова убедили гостей, что хозяйка легко справится с любым испытанием сегодняшней ночи самостоятельно, а потому они попрощались и поспешили к машине, уже ожидавшей их за дверью.

Оставшись одна, Эфрат еще долго стояла в центре просторного холла. Если бы кто-то увидел ее сейчас, то мог бы и не заметить вовсе, настолько далеко от мира витало ее сознание. За одну ночь в жизни Эфрат произошло столько событий, каждое из которых по-своему вплеталось в узор ее судьбы, придавая многому из того, что происходило вокруг

нее, совершенно новый смысл. Говорят, что существа подобные Эфрат могут свободно перемещаться по реке времени, ведь им каким-то образом удалось договориться с последним. Отчасти это так, но лишь отчасти. Для Эфрат мир людей был лишь одним из множества измерений мира, в котором она жила, и сейчас ее сознание парило над землей, стремясь ввысь, чтобы разглядеть всю картину. На какую-то долю мгновения ей удалось подняться так высоко, как никогда прежде, и оттуда, где разум человека не смог бы продержаться и секунды, глазам древнего существа открылась картина, простиравшаяся за границы времени. Увиденное подарило Эфрат покой и умиротворение, что люди обыкновенно наблюдают в застывших глазах каменных изваяний, наблюдающих вечность. Многие чудеса происходят по ночам, но самые долгожданные случаются Майской Ночью.

Когда Эфрат наконец спустилась в плотные объятия материального мира, ночь была в самом разгаре. Первой ночи мая свойственно быть жаркой, только так можно пробудить силы, спящие на самом дне вашего существа, чтобы они поднялись из глубин и, сверкая серебряными каплями, устремились к свету луны. Именно так и решила поступить Эфрат – срочно принять ванну или хотя бы встать под душ, чтобы все приключения прошлых ночей превратились в сладость воспоминаний. Ей не была свойственна сентиментальность, как не водилось за ней и привычки подолгу задерживаться в одном временном пространстве. Ей всегда казалось, что время,

принадлежащее каким-либо воспоминаниям, подобно стеклянному шару, пребывание в котором бесцельно и бессмысленно. Такой сувенир хорош на полках, но жить в нем – это никуда не годится. А потому она уже забыла большую часть из того, что случилось за последние дни и ночи, чтобы открыть дорогу новым, еще неизвестным приключениям. Ведь что может быть лучше?

Стоя под теплыми струями, Эфрат наблюдала, как поднимающийся от воды пар закрывает от нее зеркало. По меркам Эфрат оно было совсем новым, ему едва ли перевалило за сотню лет, но от него не было почти никакого толка. Вместо отражения она видела в нем лишь смутный силуэт, что, впрочем, ее устраивало, ведь сюда кроме хозяйки никто не заходил. Когда Эфрат была сыта, силуэт начинал проступать отчетливее, и иногда можно было уловить что-то наподобие взгляда, а когда наступал голод, то картина изменялась. Но сейчас она не хотела ни о чем думать, а потому когда влажный туман укрыл отражающую поверхность, она улыбнулась и погрузилась в ощущения. На ее губах все еще ощущался привкус не то Шуберта, не то кого-то еще.

– Должно быть непросто возвращаться в деревенскую глушь после долгожданного глотка городской жизни? – Ширри смотрела на Гедалью, который за все время поездки не произнес ни слова.

– Нет, все в порядке. Я не фанат городской жизни и уж

тем более людей. Ты же знаешь. – Он продолжал смотреть в окно, как будто не чувствуя на себе испытующего взгляда.

– Не грусти. Мы с ней скоро снова встретимся. – Шири не нужно было пламенных речей и пронзительных взглядов, чтобы понимать людей, даже не было необходимости на них смотреть. Смотреть довольно человеческое занятие. Зверушки всегда смотрят, им важно видеть, для них зрение играет решающую роль в определении своей реакции на происходящее. Люди же довели значимость визуального ряда до абсурда. И из просто легкой добычи некоторые из них и во все превратились в подножный корм.

Не таким уж долгим был их путь. Каких-то полчаса в такси и в молчании, и они оказались в отеле. Шири хотела переждать день, но в дневное время аэропорт полон людей, тогда как больше всего на свете она не переносила их скопления. Как будто попадаешь в движущуюся биомассу, которая стремится сделать тебя одним из своих ингредиентов. Между такой перспективой и спокойной ночью в отеле, Шири безусловно и неизменно выбирала последнее.

Есть такие заведения, которые поддерживают стандарты качества везде, вне зависимости от страны и потенциальной аудитории. Здесь ко мнению клиентов прислушиваются ровно настолько, насколько оно того заслуживает. Здесь, среди восстановленных интерьеров и натуральных пород дерева живут традиции, уместны хорошие манеры, а местные куртизанки обоих полов больше напоминают десерт, чем охот-

ников до него.

– Ты голодна? – поинтересовался Гедалья, как только они вошли в лобби отеля, где несмотря на поздний час их поджидали самые разные виды лакомства. И каждое из этих лакомств могло достаться Шири за сравнительно скромную плату.

– Нет, благодарю. – Только сейчас Шири поняла, что оставила сумочку в особняке Эфрат.

– Новый ключ?

– Да, пожалуй. Я что-то слишком расслабилась. А ведь это был мой новый клатч.

– Для сельского овцевода ты слишком... хотя, что я вообще понимаю в овцеводстве. – Гедалья отошел от нее, чтобы взять новый ключ у администратора. Ему как человеку была свойственна практичность, и он держал все документы в куртке.

Шири не без интереса наблюдала за ним. Все-таки люди невероятно безрассудны для таких хрупких созданий. Одно не переставало ее восхищать — сила, бегущая по их венам, та сила, о которой они сами не подозревали. Почти никто из них не подозревал. Но некоторым все же удавалось почувствовать и понять, что если попробовать подружиться с этой силой, то она исполнит любые ваши желания. Будь то музыкальная одаренность, невероятный интеллект или любовь, подобная поцелую Бога.

– Все, идем. – Гедалья вернулся, держа в руке пластико-

вый ключ от номера.

Шири молча последовала за ним к лифту. Она любила интересные истории, а эта помимо места в партере обещала ей личное участие, что могло быть лучше. В отличие от людей, Шири всегда видела мир таким, какой он есть, и не имела проблем с принятием перемен. Просто потому что у нее не имелось ожиданий, с которыми она бы сравнивала происходящее, или идеального образа «того, как все должно быть», закрывающего от нее действительность. Такое отношение превращало обжигающий ветер вечности в легкий бриз, и на смену страданиям по несбывшемуся приходило удовольствие от разнообразия событий.

Майская ночь постепенно уступала свои права первому майскому рассвету, избалованному чудесами и привыкшему купаться в счастье. Но кому какое дело, если этот рассвет приносит еще большее счастье всем тем, кто его видит?

Войдя в номер, они не раздеваясь упали на кровать, чтобы дожидаться следующего вечера и расставить все новые переменные по местам.

– Шири...

– Да?

– Ведь у тебя же есть крек?

– А то.

Гедалья улыбнулся, стянул с шеи шарф, чтобы дать рваным ранам затянуться быстрее и повернулся к Шири спиной. Это не стало неожиданностью для последней. Как не стало

и неприятностью. Всякий, кто решался дать человеку свою кровь, знал, какие последствия это принесет. И пусть их с Гедальей история началась не так давно, но куда бы ни пошла Шири, он последует за ней.

Ночь наступила раньше, чем хотелось бы. Его разбудили едва ощутимые прикосновения холодных пальцев Шири, скользивших по его спине. Какое-то время Гедалья молча лежал, хотя прекрасно знал, что притворяться спящим бесполезно. Ему особенно нравилось в компании Шири то, что с ней можно почти не разговаривать, она все отлично понимала. В этом были свои плюсы, но со временем начали появляться и минусы.

– Помолчим? – Шири убрала руку и села на кровати.

– Я просто устал. Нам уже пора ехать? – Он говорил не поворачиваясь, сам толком не понимая, почему.

– Да, хотелось бы добраться до восхода. – Она лениво потянулась и встала.

– Тебе же все равно, светит солнце или нет.

– Отчасти это верно, но такие приключения отнимают много сил. А еще я просто терпеть не могу солнечный свет.

– А нам правда нужно ехать?

– Нужно. Если ты не передумал.

Пауза была не случайной, связь создателя и его создания

чрезвычайно сильна, эти узы остаются в вечности и только их и признает время, когда прогуливается в поисках очередной жертвы.

– Вот уж нет. – Гедалья наконец повернулся к ней, на его щеке так и остались отметины от пронизывающего поцелуя Эфрат. Он чувствовал это, потому что каждый поворот головы отзывался ноющей болью. – Не заживает. Почему так?

– Она древняя, – ответила Шири. – Все, что слетает с ее губ, попадает в самое сердце, а то и глубже.

– Звучит интригующе. – Он ухмыльнулся и слегка приподнялся, чтобы понять, будет ли кружиться голова, но все было в порядке, и только ноющая боль служила напоминанием о прошедших днях и ночах. По крайней мере, так казалось.

Шири смотрела на него без какого-либо выражения, что случалось довольно часто. Она либо думала о чем-то понятном только ей, либо читала его мысли по мере их появления. Однажды он спросил, зачем она это делает, и Шири ответила, что люди похожи на калейдоскоп красок, они переливаются разными цветами в зависимости от того, о чем думают. Большинство людей одинаково серы или становятся серыми по мере взросления, но дети и те, кто предпочел такими остаться, всегда самые яркие и переливаются всевозможными цветами. Еще она сказала, что таким лучше избегать компании большинства, ведь что то, а силу и энергию серая масса чувствует сразу, и реагирует, как и всякая другая

примитивная форма жизни – стремится уничтожить чужака, опасаясь его превосходства. Собственно, так они с Шири и познакомились, она появилась в нужное время и в нужном месте, чтобы встать между ним и куда как менее приятной перспективой. С того дня Шири часто смотрела на него вот так, безо всякого понятного людям выражения, молча, иногда она улыбалась. Но сейчас был не тот момент.

– Говорят, у каждого из нас, – и произнося «нас», она имела в виду не людей, – есть своя особенность, некое умение, которое объединяет нас в кланы и постепенно проявляется все ярче, в зависимости от того, какой стиль жизни мы выбираем.

– Как определяют эту особенность?

– Если твой взгляд научится проникать материю, ты увидишь, что и я и Эфрат одного цвета, противоположного людям, но у каждой есть свой оттенок. Похожие оттенки притягиваются и усиливают цвет друг друга, так образуются кланы. Нельзя сразу сказать, какой особенностью мы обладаем, это становится понятно в процессе общения, с течением времени.

– И сколько времени может пройти мимо, пока вы это выясните?

– Не знаю. Но ты лучше взбодрись и улыбнись, а то время может пройти мимо тебя. – Шири бросила в него шейный платок и отправилась собирать вещи.

– Так, мне вроде того и надо? – рассмеялся Гедаля. Он

поднялся с кровати и пошел за ней следом.

Аэропорт был безлюден, как и ожидалось. Шири любила маленькие города, и хотя они сейчас покидали шумную столицу, для нее этот город всегда был своего рода миниатюрой, способной уместиться на ладони. Она видела много городов, какие-то стояли до сих пор и продолжали притягивать людей со всего света, а какие-то сохранились только в ее памяти. Только подумать, насколько легче была бы работа по восстановлению истории человечества, согласись последнее хоть чуть-чуть унять свое эго, не устающее называть людей единственной и уникальной вершиной эволюции. Но куда там. Только посмотрите, с каким пренебрежением некоторые из них скользят взглядом по паре, сидящей в темном углу почти без движения вот уже больше часа. Что только Шири не слышала из разных уголков мыслей окружающих, впрочем, несложно догадаться, какими оскорбительными эпитетами обыкновенно награждают молодую девушку, не стесняющуюся ни своей силы, ни красоты своего спутника. Ассортимент таких комментариев не меняется столетиями.

Но ничего из того, что они слышали, не мешало наслаждаться обществом друг друга. Шири с комфортом расположилась, вытянув ноги на сиденье напротив, а Гедаля сидел, положив голову на ее плечо.

– Дарлинг, – Гедалья лениво повернулся к Шири, – посадку объявили.

– Да, я слышала.

– Наши планы изменились?

– Нет. Мне просто как-то грустно уезжать.

– Да брось, мы совсем скоро увидимся с ней снова.

– А ты уже скучаешь? – чуть тише спросила Шири.

Гедалья ничего не ответил, ему не особо хотелось обсуждать ни новую знакомую, ни что бы то ни было еще. Почему – он сам толком не понимал, словно что-то тяжелое и мрачное появлялось рядом с ним, когда в его мыслях возникал образ этого вечного подростка.

Они поднялись и присоединились к очереди на посадку. Желающих навестить южную Германию оказалось не так много, как можно было подумать. Гедалья держал Шири за руку. По какой-то непонятной причине люди всегда обращают меньше внимания на тех, кого будто бы связывают романтические отношения. Им пришлось снять очки перед проверкой документов, и если бы люди были чуть более внимательны, то они бы заметили, что многие вокруг них – не те, кем кажутся. Но куда там.

Через несколько минут они уже сидели в салоне самолета. Гедалья сидел у окна, теперь Шири положила подбородок на его плечо и вгляделась в ту же темноту, куда смотрел он.

– У тебя совсем холодные руки. Ты хорошо себя чувствуешь? – поинтересовалась она.

– Нормально. – Гедаля старался говорить как можно спокойнее и увереннее, но чем больше он старался, тем глубже его взгляд проваливался в темноту и холод, стоящий за ней.

– Хорошо. – Шири знала, что не все в мире ей подвластно и не всему она может воспрепятствовать, а вставать между кем бы то ни было и бездной она точно не собиралась.

– Сколько нам лететь?

– Примерно час и мы дома.

– У меня какое-то странное предчувствие. – Гедаля продолжал смотреть в темноту за окном, ему вовсе не хотелось делиться своими мыслями, однако приближающийся холод заставлял его отодвигаться все дальше от границы мира, который он был способен понять и объяснить. Но когда одна дверь закрывается, непременно открывается другая.

– Не придавай особого значения мрачным мыслям. Мрачное – не обязательно плохое, ведь если бы не было ночи ...

– Мы бы не увидели звезды, – закончил фразу Гедаля.

– Вот именно, не забывай об этом. Звезды всегда указывают на что-то очень важное, – сказала Шири и откинулась на спинку своего кресла. Самолет начал движение по взлетной полосе.

Шири сидела неподвижно, ее глаза были закрыты, руки лежали на подлокотниках и рубиновые ногти поблескивали в слабом свете ночного освещения. Можно было подумать, что она спит, но это было не так. Шири пребывала очень

далеко от скользящего в воздушном пространстве самолета. Ее окружала тишина, но не та, которая наступает, когда все звуки стихают, а такая, для которой звук еще не наступил. Ни звук, ни свет, ни что бы то ни было подобное. Эта тишина не знала даже времени. Шири хотелось раствориться в этом пространстве, чтобы никогда не вернуться назад. Здесь она становилась частичкой бесконечности, способной сколько угодно пребывать в неподвижности и покое, ведь ни время, ни материя еще не случились.

Гедалья остался наедине с собой и своими мыслями. А еще – холодом, не тот далекий холод, который ощущаешь, когда боишься чего-то, такой холод обычно не причиняет вреда, просто скребет когтями вдоль позвоночника. Это был осязаемый, реальный холод, от него кружилась голова и казалось, что все внутри сжимается, стараясь сохранить оставшееся тепло. Несмотря ни на что он старался держать глаза открытыми, хоть начинал терять понимание происходящего. Гедалья снова чувствовал ее мягкий язык, обвивающийся вокруг его пальцев, ее влажные губы, покрытые его кровью. Ее запах, неуловимый горько-сладкий туман, лишавший тебя сначала зрения, а затем потребности в нем. Самый сладкий аромат на свете, который хотелось вдыхать не переставая. Однажды он читал об очень редком цветке, чье цветение украшали бледно-белые, почти прозрачные лепестки, обрамленные алым краем. Его аромат дарил наслаждение, погружая в блаженную негу, но всякому, кто поднимал-

ся по этим влажным пудровым ступеням, не суждено было вернуться. Затошнило. Гедаля выпрямил спину и старался глубоко дышать.

– Теперь все уверены, что мы наркоманы, – сказала Шири, не открывая глаз.

– Никто не смотрит, – процедил он сквозь зубы, стараясь задерживать дыхание при каждом вдохе.

– Конечно, я же закрываю тебя своими стройными ногами, – она усмехнулась, – дыши глубже, прекрасный принц, мы идем на посадку.

От аэропорта и до самого дома Гедаля не произнес ни слова.

Эфрат не любила, когда свет проникал в жилище, а потому всегда держала окна плотно зашторенными. Обычно в это время она была окружена людьми и громкой музыкой, неспешно выбирая себе новое лакомство. Ей нравилась та легкость, с которой люди шли следом, будучи уверенными, что им невероятно повезло и именно они, такие особенные, получают что-то очень вкусное совершенно бесплатно и прямо сейчас. Можно было часами, днями, десятилетиями наблюдать за тем, как безотказно работают одни и те же схемы, потому что в этом мире есть нечто столь же бесконечное как вселенная, хотя насчет вселенной имеются сомнения. Есть вещи неизменные, а есть случайности, меняющие все раз и навсегда. Эфрат чувствовала ветер перемен задолго до того,

как он настигал ее, но никогда точно не знала, где и в какой момент он ее догонит.

Лунный свет не знал преград и мог проникать куда угодно, даже если глаза этого не замечали. Под взглядом лунного диска весь мир начинал сомневаться если не в самом своем существовании, то в собственной прочности и незыблемости точно. Наивно полагать, что мир остается прежним, когда он то и дело подвергается испытующему взгляду ночного светила, в таких условиях только настоящее способно выжить и не изменить себе. А настоящее, как известно, всегда вне времени. Такими были старинные безделушки на полках ее кабинета, книги на полках. И неизменными казались портреты в комнате, в которой до прошлой ночи не было никого одушевленного. Она не сильно беспокоилась за Гедалью, в конце концов, он сам виноват. А еще, вещи просто случаются, и чаще всего потому что мы хотим, чтобы они случились и потому что такова наша природа.

В свете этих размышлений происходящее в ее доме представлялось невероятно любопытным. Ведь всегда сложнее всего понять и признать собственные желания, даже если тебе не одна тысяча лет, потому что для себя ты всегда остаешься таким, каким ушел в вечность. Что до Эфрат, то она всегда любила испытывать мир на прочность и по-детски хлопала в ладоши, когда ей удавалось найти в нем очередную кротовую нору. А потому сейчас ее глаза блестели в предвкушении возможностей, которые открывало перед ней отсчи-

тывающее мгновения сердце ее внезапного гостя, что держало стабильный ритм вот уже который час. Но пока к Рахмиэлю не вернется дар осмысленной речи, у нее есть время, чтобы привести дела в порядок и подготовиться к новому путешествию. Ее карьерная лестница вела Эфрат по следам отбывших гостей. Так уж получилось, что большинство самых талантливых фотографов, с которыми она работала, живут в Германии, куда Эфрат вылетала уже через пару дней. А чем может занять себя та, в чьем распоряжении все время вселенной? Для Эфрат ответов было немного, и один из них – музыка.

Фортепиано в гостиной, где на полу больше не атели следы крови, приехало из той же страны, из которой и ее недавние гости. Казалось, буквально все, что происходит в жизни Эфрат в последние десятки лет, «сделано в Германии». Она сидела перед фортепиано, совсем как это недавно делал Гедалья, и старалась прислушаться к новой музыке, которая настаивала на появлении в мире и желала воспользоваться для этого помощью Эфрат.

Ей нравились эти спокойные дни, когда можно побыть наедине с собой и не утруждаться произнесением слов. В гостевой горели свечи, заботливо зажженные горничной. Проработав в доме Эфрат много лет, она, как и все остальные, не задавала лишних вопросов. Эфрат подняла было крышку инструмента, но тут же отдернула руки от лакированной поверхности и отшатнулась, ухватившись за табурет. Что-то

жуткое послышалось ей в этом простом движении, которое она повторяла бесчисленное множество раз с того момента, как фортепиано оказалось вне церковных стен. Так слышишь шаги за спиной, когда отчаянно надеешься, что тебе показалось, так смотришь в глаза тому, в существование кого не верил и так тебя хватает за руку то, от чего тебе не удалось было скрыться.

Сквозь коридоры времени к ней протянула руку та, от кого Эфрат когда-то оторвалась раз и навсегда. По крайней мере, она была незыблемо в этом уверена. Но ничто, ничто не могло заставить Эфрат забыть тот миг, когда над ее головой, над ее открытыми глазами, захлопнулась крышка, навсегда отрезавшая ее от дневного света. Тогда она еще не знала, что прощается с ним навсегда, все мысли занимал лишь вкус собственной крови во рту и воздух, который через несколько часов должен был закончиться. Она знала это, потому что отчетливо слышала сквозь собственный крик, переходивший в вой, как падали на крышку деревянного ящика комья свежей и влажной земли, запах который она ощущала по сей день, как бы ни старалась и какой бы роскошью себя ни окружала. Ее бросили в тот гроб связанной, с кляпом во рту, и почти никто из жриц ее храма не спасся. Какой бы ни была их сила, вся она зависела от их сознания, а если нет сознания – нет и силы. Ее убийцы явно не рассчитывали на то, что Эфрат очнется после нанесенного по голове удара, а потому не особенно церемонились, связывая ее. Боль от све-

жих переломов и порванных тканей переходила в агонию, от которой все плыло перед глазами. И когда шум над ее головой стих, и девушка перестала вырываться, осознав всю безнадежность своего положения, сила, куда древнее человеческой расы, почуяла пролитую жреческую кровь.

Ее окружала тишина, но не та, которая наступает, когда все звуки стихают, а такая, для которой звук еще не наступил. Ни звук, ни свет, ни что бы то ни было подобное. Здесь и сейчас не было даже времени. Но эта тишина с ней говорила. Не словами, а как-то совершенно иначе, как будто это была речь, существовавшая задолго до рождения звука. Все сознание Эфрат растворилось в этом потоке, бывшем повсюду, он заполнял собой все существующее пространство и смотрел в темноту через ее глаза. Постепенно сознание угасало, но Эфрат все еще была здесь, ощущала доски под собой, слышала, как осыпается земля и как приходит в движение жизнь, наполняющая ее недра. И вот земля уже впитывала в себя последние капли ее крови, но что-то, чего Эфрат пока не понимала, удерживало ее в этом мире. На мгновение вкус собственной крови, пропитавшей кляп, показался ей невероятно сладким, и тогда неизвестно откуда взяв силы, она сжала зубы, и на язык упала всего одна капля, но нега, разлившаяся во рту, была похожа на пьянящий аромат цветов, распускавшихся по утрам у ворот храма. Последним, что смогла запечатлеть ее угасающая память, был глоток, опьяняющий, едва ощутимый, и такой умиротворяющий.

Когда глаза Эфрат вновь открылись, ей уже не нужен был воздух, а потому его отсутствия она не заметила. Она не сразу поняла, что ее сознание способно управлять телом, какое-то время она просто наблюдала мир, который остался прежним, но стал для нее совсем другим. Как будто все то, чего ей так не хватало раньше, теперь можно было увидеть и даже потрогать видимым и даже осязательным. Ее по-прежнему окружала тьма, но теперь иная. Тьму, как и свет, наполняла жизнь и те, кому тьма давала жизнь. Такие, как она. Больше не было боли, не было удушья. Только тишина. И голод. На него, на эту жажду, уходящую корнями куда глубже, чем успело прорасти человечество, обратилось вдруг все ее внимание. И уже не сознание, но что-то совершенно от него отличное, куда более древнее, а потому более сильное, взяло верх. Как будто со стороны Эфрат наблюдала за своим телом, рвущим веревки, которыми были связаны ее руки и ноги. Освободившись от кляпа, она уже знала, куда ведет ее это древнее существо, жаждавшее набраться силы. Во что бы то ни стало, надо выбраться на поверхность как можно быстрее, потому что зверь не будет ждать.

Прижав руки к груди, Эфрат на мгновение замерла, а затем изо всех сил ударила по доскам над головой. Земля посыпалась на лицо, но это было неважно, Эфрат уже запустила в нее руку и начала отодвигать в стороны освобождая место для своего тела. Постепенно ей удалось сесть, а затем встать на дно ящика. Она не знала, как глубоко под землей нахо-

дится, но поняла, что близка к поверхности, когда руки коснулись показавшийся ей теплым свет лунного диска. Пальцы сами ухватились за тонкую серебряную нить и последовали за ней наверх, чтобы вскоре вырваться из тисков земляной толщи, прокладывая путь к свободе. Земля разжимала свою хватку, постепенно выпуская на волю новорожденное создание, и ухватившись за края ямы, дно которой еще было сырым, Эфрат вытолкнула свое тело на поверхность.

Когда ее лицо столкнулось с волной лунного света, это было подобно прикосновению чьего-то теплого дыхания, которое ласкало, как может ласкать только жизнь, текущая в жилах другого живого существа. Эфрат не слышала слов, но и без них понимала, куда зовет этот свет, все ее тело собралось в одном единственном усилии – и вот она уже стоит на земле, там, где ее уже не ждали. И там, по поверхности породившей ее бескрайней черной глади, ходили те, в чьих жилах текла жизнь, та самая, которую они у нее отобрали. Подняв голову к небу, Эфрат открыла рот, чтобы ответить голосу ночного светила, но вместо слов из глубины ее горла вырвался глухой рев, летящий вверх, цепляясь за острые зубы.

Тишина все еще была громче всех остальных звуков, но в этой тишине лунный свет нашептывал дорогу. Ноги несли так быстро, как если бы она не бежала по земле, а скользила по воздуху. Миля за милей, и вот впереди уже появились первые огни, люди не спали. Что ж, им же хуже.

Чем ближе к домам, тем медленнее двигалась Эфрат, хотя

ее присутствия, казалось, никто не замечал. И никто не обратил внимания на первые тела, упавшие на землю, те, чья кровь вернула первые капли жизни в ее тело, и никто не увидел, как один за другим погасли огни. Никому не было дела до тех пор, пока воздух не наполнился запахом жареного мяса. Осушив очередное тело, Эфрат швыряла его в огонь, отбрасывая с такой легкостью, как когда-то бросала лепестки цветов на храмовые ступени. Теперь ее дорогу устилали мертвые тела, благодаря которым губы снова обрели цвет, а мир вокруг наполнился новыми цветами. Теперь Эфрат уже не старалась скрываться, и отовсюду на нее смотрели полные ужаса и ненависти глаза. То есть почти ничего не изменилось, ведь именно так они смотрели на нее и остальных жриц в последнее время. Она слышала каждое из бьющихся вокруг сердец, ощущала, как бежит жизнь по их венам и как замирает под ее взглядом.

Нет, люди пытались сопротивляться, как всякое загнанное животное, которое понимает, что жить ему осталось считанные мгновения, но всякий раз, когда они в отчаянии кидались на юную девочку, облаченную в кровь их друзей и близких, как в торжественный ритуальный наряд, она чудесным образом растворялась во тьме, из которой пришла, чтобы потом появиться заново, там, где тьма еще гуще.

Когда Эфрат уходила, ее снова окружала тишина, и не та, которая наступает, когда все звуки стихают, а такая, для которой звук еще не наступил. Ни звук, ни свет, ни что бы то

ни было подобное. В этой тишине не было даже времени. И теперь эта тишина сопутствовала ей повсюду. Всю дорогу, которую Эфрат проложила себе через время и пространство, через эпохи, сменяющие друг друга, и обычаи стран, в которых со временем темноты начали бояться куда больше, чем прежде.

Время и пространство, отделявшие Эфрат в ту самую ночь от нее же, поднимающей крышку немецкого фортепиано, встретились, и ей снова послышался знакомый запах цветов и сырой земли. В момент, когда зубы змея смыкаются на его же хвосте, это не тот же самый змей, а острые зубы нового цикла. И этому новорожденному существу следовало выбраться как можно быстрее, чтобы отправиться в путь по дороге, проложенной для него лунным светом. Зверь редко напоминал о себе, а когда это происходило, она снова становилась той собой, у которой не было ничего, кроме собственного сознания, чтобы затем взглянуть на себя же с другой стороны, подобно тому, как отражение смотрит из зеркала, вот только между ней и зверем не было никакого зеркала. Люди рассказывали легенды о таких существах, суеверно боялись увидеть свое отражение в темноте, ведь тогда тот, кто всегда скрывается от дневного света, посмотрит прямо на тебя, и ты уже не будешь прежним. Глупо отрицать часть себя, если ты просто не способен с ней справиться. Но если начать вспоминать все человеческие глупости, список имеет солидные шансы стать бесконечным.

То, что случилось с Эфрат в ту ночь, когда добрые люди похоронили ее заживо, ей еще только предстояло исследовать и понять. Никто не знает всей своей силы, пока не представится шанс ею воспользоваться, но одно она знала наверняка: в ту ночь зверь, всегда бывший частью нее, спас ее жизнь.

Эфрат не боялась зеркал, ни до, ни после той ночи. А когда фотографы отмечали странный взгляд и спрашивали, не носит ли она линзы, Эфрат иногда говорила, что так оно и есть, а иногда, что это просто игра света. Конечно, в мире, где техника позволяет создавать фотографии достаточного разрешения, чтобы создавать из них билборды размером с многоэтажный дом, бывает непросто, но что-то общее есть в тех людях, с которыми мир сводил Эфрат: они никогда не болтали. Даже тогда, когда ее глаза меняли цвет прямо во время съемок. Этим люди искусства всегда ей нравились. А еще, они были вкусными.

Эфрат еще какое-то время сидела перед фортепиано, приходя в себя от внезапного флешбека. Она больше не чувствовала холода, но это и не имело значения. Этот холод был с ней всегда, и ему всегда сопутствовал этот запах сырой земли и едва ощутимая сладость цветочной пыльцы. Происходило что-то, чего она не понимала и от чего хотела убежать, преследуя кого-то между сверкающими огнями клубов или стоя под вспышками софитов. Нет, Эфрат не тяготила эта компания, просто она изо всех сил старалась понять, что

происходит. И пока не могла. А может быть, уже понимала и просто не хотела себе в этом признаваться.

Эфрат встала и медленно подошла к дивану, где еще совсем недавно они с Шири сладко проспали весь солнечный день. Но даже расслабившись и погрузившись в мягкие подушки, она быстро почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Сквозь закрытые веки она видела, как поменялся фон всего помещения. Для нее мир вокруг был похож на непрерывное движение световых волн, где выделялись различные оттенки и градиенты, цвета менялись невероятно быстро, как и их интенсивность. И вот сейчас она видела и чувствовала, как все вокруг стало чуть светлее, как будто легче и подвижнее.

Она открыла глаза и повернулась к дверям. На пороге стоял ее гость. Он опирался на косяк двери и выглядел не то, чтобы очень хорошо.

– Подойди, – сказала Эфрат.

Сам факт его появления не сильно ее удивил, а вот сопутствующие явления вызывали некоторое любопытство.

Довольно медленно он подошел к дивану и сел рядом с ней на некотором расстоянии. Какое-то время Эфрат разглядывала его и не находила в нем ничего примечательного. Как не находила и ничего, что вызывало бы у нее беспокойство. Она столько раз пыталась понять, что в нем такого особенного, внимательно изучая его лицо, хотя отлично понимала тщетность такого способа. И теперь у Эфрат была возмож-

ность поинтересоваться у него лично, что, как ни странно, могло быть отличным решением.

– Уже поздно меня бояться, – слегка усмехнулась она и, придвинувшись, добавила, – мы были намного более близки.

– Я не боюсь. – Он и правда не боялся, страх придает людям другой цвет и запах, интенсивность их мерцания меняется и даже внешность их становится другой. Он же был абсолютно спокоен.

– И правда. Почему?

– Я не знаю. Просто не чувствую страха. – Он смотрел ей прямо в глаза, и, если бы это не казалось таким нереальным, Эфрат сказала бы, что это взгляд любопытства.

– А что чувствуешь? – спросила она.

Он слегка наклонил голову, прислушиваясь к чему-то, что, к удивлению Эфрат, было для нее за пределами досягаемости. А потом заговорил:

– Я не могу тебе ответить, потому что это больше, чем что-то, что я могу объяснить. Но чем чаще я обращаю внимание на это чувство, тем ярче я чувствую все остальное, весь мир вокруг. И в какой-то момент это «остальное» становится неважно, потому что тебе во что бы то ни стало важно продолжать ощущать... это.

Эфрат молча смотрела на него и не понимала. Ей не нравилось, когда она чего-то не понимает. Всякий раз, когда это случалось, она погружалась в молчаливые раздумья, и могла оставаться в таком молчании долгими днями. Внутрен-

няя тишина помогала ей отправиться в путешествие без каких-либо препятствий, потому что зверь мчался быстро и способен был пробраться туда, куда ее сознание пока не дотягивалось. Вот и сейчас она закрыла одни глаза только для того, чтобы внутренний взор и этот взгляд сообщал ей спокойствие, как будто зверь лежал на ее коленях и просто наблюдал за происходящим.

Перестав однажды безоговорочно доверять решениям разума, Эфрат верила зверю, потому что его, в отличие от разума, обмануть невозможно.

– Ты голоден?

– Не знаю, наверное.

– Поехали куда-нибудь, поедим.

На его лице отразилось явное недоумение.

– Нет, я есть не буду, – усмехнулась Эфрат. – А вот тебе это явно нужно. Твоя куртка у меня в кабинете. Можешь сам забрать, дверь открыта. Только, – и тут она сделала паузу, – не ошибись дверью.

– Без проблем. – Рахмиэль поднялся и вышел из гостиной, оставив ее одну. Эфрат продолжала слушать зверя, но слышала лишь тишину.

В те дни, когда ей хотелось насладиться панорамой города и остаться незамеченной, она всегда приезжала в один и тот

же ресторан, рядом с замком и вдали от ночной жизни города. Иногда туда заходили ее знакомые, но они только вежливо здоровались и поддерживали принятую в обществе политику невмешательства в частную жизнь друг друга. Это был залог общей свободы, комфорта и, в конечном счете, благополучия. Чтобы попасть туда, придется вернуться в город, а по дороге у них будет возможность как поговорить, так и помолчать. А ценник ресторана обеспечивал им всем комфорт и общество, в котором никто никому ничего не доказывает, все пришли отдохнуть и насладиться компанией друг друга.

Машина медленно плыла по дороге, вокруг было тихо, как и всегда в этой местности. Они не говорили с самого начала пути. Эфрат почему-то нравилась эта тишина, ей нравилось то, о чем он молчал, хотя она и не понимала, что это такое. Фары машины были единственным источником света на дороге, кроме света луны, как будто снова прокладывавшего ей путь. В такие минуты Эфрат даже не думала, куда ехать, она просто поворачивала туда, куда вела ее дорожка лунного света, или что-то, что выдавало себя за дорожку лунного света. Никто не хотел нарушать молчание, да и не было в этом особой необходимости.

Рахмиэль сидел к ней вполоборота, положив голову на подголовник. Всю дорогу он смотрел на Эфрат. Он не касался ее руками, но она ощущала прикосновение его взгляда, и это было странно, непонятно, а она не любила не понимать.

Вскоре они уже были в городе, разделенном на две части

рекой. Им нужно было попасть на другую сторону по одному из трех основных мостов, ведущих почти напрямиком к замку. С моста открывался отличный вид на ночной город, не устававший тянуться к небу своими бесчисленными шпилями. Эфрат помнила свою первую ночь в этом городе. Тогда она остановилась в совсем небольшом отеле. Он находился в одном из старых домов, а потому окно было всего одно, не считая совсем маленького окошка под потолком, которое Эфрат поначалу не заметила. Такие окна были во многих старых домах этого города. В то утро на подушке рядом играли солнечные лучи и пусть Эфрат не чувствовала солнечного тепла, было в этом что-то такое, от чего вечный холод немного отступал. Может быть, летний воздух, может быть, воспоминания, бывшие подчас куда материальнее прочего, но что-то заставило Эфрат улыбнуться тогда.

Они проехали по узкой, мощеной камнем улочке, где машины стоимостью в сотни тысяч евро не были редкостью. Затеряться было все еще непросто, но и особого внимания ее Бентли начала двадцатых годов двадцатого столетия тоже не привлекал. Ресторан занимал верхние этажи типичного для этой улицы дома с террасами и был известен своим пусть и изысканным, но довольно своеобразным подходом к итальянской кухне. Но кухня была не главным, даже тогда, когда она являлась целью путешествия. Приятно проехать по городу в компании очень бледного семнадцатилетнего юноши и остаться незамеченной. И здесь у нее такая возможность бы-

ла, как и у остальных посетителей, приехавших сюда, чтобы спрятаться или скрыть от чужих глаз свои секреты.

Хостес по обыкновению улыбалась и, не задав ни единого вопроса, проводила Эфрат за ее обычный столик. Здесь можно было наслаждаться ночной тишиной и отличным видом, не привлекая внимания основной публики, которую сажали в центр зала.

– Ты всегда сидишь за одним и тем же столом, – сказал он, когда хостес удалилась.

– И это не вопрос, так ведь?

– Я видел тебя здесь несколько раз. Иногда с улицы, иногда я заходил и выбирал столик в зале, чтобы лучше рассмотреть, – отвечал Рахмиэль, не проявляя особо интереса ни к меню, ни к происходящему вокруг, – но ты никогда меня не замечала.

– Ты хоть представляешь, сколько тут таких, как ты? – равнодушно ответила Эфрат, которая никогда не жаловалась на нехватку внимания, скорее наоборот.

Рахмиэль слегка улыбнулся. Это было хорошим знаком, потому что умирающие редко улыбаются.

– Мой университет недалеко отсюда, как и многие другие частные университеты, так что да, я представляю.

– Там тебя, допустим, не ищут. А что семья? Ты вообще о них думал, когда ехал в загородный особняк неизвестно кому?

Он ничего не ответил. Не собирался. Вместо этого он взял

в руки меню и какое-то время изучал его, не поднимая глаз на Эфрат.

– Ты довольно известна, – через некоторое время все же сказал он, – мягко говоря. Твой образ у всех на виду, а потому никто не замечает того, что видно, когда подходишь ближе.

– И что же это?

– Ты как змея.

– Прошу прощения?

– Ты не моргаешь. Можешь долго сидеть неподвижно. И от тебя веет холодом.

– Ты так понял, кто я?

– Я только догадывался, – ответил он, взвешивая каждое слово, – а потому, когда мне сказали, что в некоем загородном особняке намечается интересное событие, где можно будет встретить знаменитую поп-диву, я уже не мог побороть любопытство.

Их разговор прервала подошедшая официантка. Они с Эфрат часто виделись, особенно, когда она приезжала поздно вечером. На их столе быстро появилось два бокала вина. Это было ее любимое, красное сухое позднего урожая местных виноградников две тысячи шестнадцатого года. Она почти не чувствовала вкус вина, но настоящие вещи остаются настоящими даже для тех, кто в них не нуждается.

– Нет, – наконец произнес Рахмиэль, – я понял, кто ты, когда увидел твой портрет.

Эфрат совсем не нравилась эта новость. Если он смог заметить сходство, то и кто-нибудь другой сможет, а это ей совершенно не нужно. Кроме того, она была абсолютно уверена, что все ее портреты находятся под присмотром и она точно знает, где именно.

– Сначала я не придавал этому значения, – продолжал Рахмиэль, протягивая руку к бокалу, – но потом я увидел твоё фото в журнале и... было сложно поверить в то, что это простое совпадение.

– И где же ты видел мой портрет, имеющий столь поразительные художественные достоинства, что ты почти сразу же меня узнал? – Лицо Эфрат пусть и было расслабленным, но без единого намека на улыбку.

– Мой отец купил его на аукционе, для одного из наших загородных домов.

– Как именно я выгляжу на этом портрете, сможешь вспомнить?

– Я выучил каждую деталь, – Рахмиэль усмехнулся, – я сидел возле него часами пока никто не видел. Как будто время останавливалось, когда я был рядом с ним. Я не понимал, как портрет кого-то такой очевидной красоты может называться портретом незнакомки.

Эфрат выжидательно смотрела на него. Рахмиэль перехватил ее взгляд и продолжил:

– Твои золотые волосы уложены в высокую причёску, в которой сияют бриллиантовые шпильки, пара кудрей обрам-

ляет лицо, фарфорово-белое почти без намека на румянец, только коралловые губы и глаза от которых невозможно оторваться, только они напоминают о существовании цвета. Я столько раз пытался подойти, чтобы посмотреть ближе, но чем ближе я подходил, тем более расплывчатыми казались твои черты, а цвета как будто сливались в один и даже двигались.

Эфрат ухмыльнулась, а Рахмиэль продолжал говорить:

– На тебе темно-зеленое платье, оставляющее открытыми плечи, ты держишь в руках лилию...

– Похожую на ту, что вытатуирована у тебя на руке? – перебила его Эфрат.

– Да, – кивнул Рахмиэль, как будто не услышав иронии, – именно. Сначала я просто часами сидел рядом, но потом я часами смотрел в твои глаза во сне. И даже это не вызвало у меня особого беспокойства. Только тогда, когда я увидел еще один, очень похожий «Портрет Незнакомки» в одном из замков Германии, я понял, что не могу больше ни о чем думать, кроме тебя, мне во что бы то ни стало нужно выяснить, кем ты была и почему я начал видеть тебя повсюду. Не только во сне, теперь твое лицо мелькало в толпе, появлялось на экране и мерещилось мне буквально повсюду то тех пор, пока наконец я не открыл тот журнал.

– У тебя наверняка есть фотография?

– Конечно, – ответил Рахмиэль, – в телефоне.

– И где телефон?

– У тебя дома.

– Что ты делал в Германии? – поинтересовалась Эфрат, выражение лица которой оставалось неизменно расслабленным и не менялось, что бы она ни слышала.

– Навещал семью.

– Так ты из Германии?

– Можно и так сказать. Теперь моя семья живет там.

– Зачем же ты уехал? Неужели ни одно из частных учебных заведений этой прекрасной страны не решилось распахнуть для тебя свои двери?

Рахмиэль хотел было ответить, но тут снова подошла официантка и поинтересовалась, каким блюдом гости желают насладиться нынче вечером. Сделав заказ, который должен быть вернуть Рахмиэля к жизни, а Эфрат дать время разобраться в происходящем, они вернулись к разговору.

– Я просто хочу быть там, где нет моей семьи, – ответил наконец он и протянул руку к руке Эфрат.

– Ты два дня назад чуть не умер, и я принимала в этом горячее участие, а сейчас хочешь взять меня за руку?

– Очень горячее, – ответил он. – Будем считать, что мне понравилось.

Эфрат непросто было бы сказать, у кого больше проблем, у нее с потерянным портретом или у этого мальчика, сбежавшего от семьи и явно искавшего смерти.

– Зачем ты приехал в мой дом?

– Я искал встречи с тобой.

– Это я уже поняла. Чего я не поняла, так это «зачем».

– Я тоже, – с этими словами он сделал глоток вина и положил руку поверх руки Эфрат.

Она усмехнулась, но не стала убирать руку. Ведь они и правда бывали куда ближе, чем сейчас. А потому она развернула руку так, чтобы ее пальцы уперлись в центр его ладони.

– Не самое привычное для тебя положение?

– Когда кто-то сверху? – на его губах осталась капля вина, – да не то, чтобы. Мне это нравится.

– Тогда оставить меня в живых было правильным выбором.

Неожиданно для себя Эфрат рассмеялась.

– Ну наконец-то, – он тоже рассмеялся и сделал еще глоток, сжав ее руку в своей.

Разговаривать расхотелось. Эфрат взяла свой бокал свободной рукой и сделала глоток вина. Оно было чуть горьким, похожим на хороший кофе, который она тоже любила, хотя бы потому, что чувствовала его вкус. А может быть, за его магию и мудрость. Но вино обладало иной мудростью, оно способно было перенести их намного дальше, чем просто терраса ресторана, туда, где многие вещи становились понятны, а некоторые вопросы теряли свою важность.

Официантка принесла заказ и с улыбкой поставила блюда на стол. Казалось, она искренне рада видеть, как Эфрат улыбается. Не то, чтобы это было редким зрелищем, но счастливые люди имеют тенденцию оставлять большие чаевые.

Некоторые гости время от времени смотрели в сторону их стола. Но не потому, что их смущало что-то, просто большинство из них знали в лицо молодую девушку с таким интересным и необычным именем. Кто по обложкам журналов, кто по скандальным фото в интернете (ох уже эти надписи бриллиантами в самых неожиданных местах, которые до появления Эфрат на европейской сцене не выказывали такой жажды коммуникации с миром). Здесь, в центральной Европе, всем этим еще можно было удивить, но чем ближе к югу, тем меньше.

Мысли о юге напомнили Эфрат о предстоящей поездке в Германию.

– Раз ты так стремишься сбежать от родительской опеки, то в Германию ты со мной не поедешь?

– А ты хотела бы, чтобы я поехал с тобой? – только после того, как Рахмиэль посмотрел на не с плохо скрываемым удивлением, она поняла всю абсурдность собственного вопроса. На долю секунды она опустила глаза, но этого было достаточно.

– Тогда я поеду, – заявил он.

– А как насчет твоей учебы?

– Это частный университет, я умный, а моя семья состоятельна. Все закроют глаза на мое недельное отсутствие, это не будет проблемой.

– А если ты не вернешься?

– Тогда, – он сделал паузу, – тогда я закрою на это глаза.

Она снова рассмеялась. А он улыбнулся, разрезая свежий стейк, кровотокащий благодаря низкой прожарке.

Глава третья. Дорога

– Еще никогда, пока я живу в этом доме, моя постель не была так популярна, как за последние пару недель ... – едва слышно произнесла Эфрат, обнаружив рядом с собой спящего Рахмиэля, и уже чуть громче добавила:

– Просыпайся, Белоснежка, нам пора собираться.

Белоснежка не реагировала. Тогда Эфрат наклонилась, чтобы прижаться губами к его губам.

– Доброе утро, – прошептал он, не открывая глаз.

– Сейчас вечер и нам пора ехать.

– Мне удалось согреть твою холодную кожу?

– Помолчи, – Эфрат снова легла на спину и потянулась, – я и так чувствую вину за то, что играла с едой.

– Есть хотя бы малейший шанс найти у тебя в доме кофе? – Рахмиэль вернул поцелуй, выбрав для этого ее ключицу. Эфрат запустила руку в его волосы, разглядывая скользящие между пальцев осветленные пряди.

– Кофе у меня есть всегда.

– Мне везет! – Он снова поцеловал ее и встал с кровати.

– Как никому другому, красавчик...

Эфрат молча наблюдала, как Рахмиэль одевается, рассматривая следы своего творчества периода этой ночи, этой и предыдущих. Она больше не испытывала жажды – жизненной энергии в ней предостаточно, а пакетированное пита-

ние, которым был наполнен холодильник, временно утоляло голод. Когда-то давно Эфрат пришлось научиться получать энергию без прямого контакта с носителем, так можно продержаться какое-то время. Но этому суррогату никогда не удалось бы заменить того сладкого потока, который играючи переносил жизнь по мраморным жилам людей. Особенно когда в придачу по ним бежал кофеин. Именно поэтому в ее доме всегда имелся запас кофе.

Она лениво сползла с кровати и набросила на плечи широкую черную мантию, которая благодаря своему размеру закрывала ее всю. Вот уже который век Эфрат не сильно озадачивалась вопросом обнаженного тела и его открытости взглядам, но ей всегда нравилось прикосновение мягкой ткани к коже. Она всегда чувствовала историю вещи, которая попадала ей в руки, а потому предпочитала вещи ручной работы. Как, например, эта мантия. Она не всегда принадлежала ей, и даже воспоминания о ее покупке Эфрат делила в предыдущим владельцем. В ее доме было достаточно места для таких воспоминаний, но чаще всего об их присутствии знала только она сама. До недавнего времени.

Когда Эфрат спустилась на кухню, где бывала крайне редко, а потому постоянно забывала, за какой именно дверью та находится, ей пришлось немного подождать, пока стихнет гул кофемолки. Прозаично, но для людей этот звук казался громче ее шагов.

– Я выбрал немецкий, – произнес Рахмиэль, когда нако-

нец заметил ее присутствие.

– Это попытка примириться со своим ближайшим будущим или неизбежным прошлым?

– Просто хочу создать атмосферу. – Он поставил перед ней чашку ароматного кофе. – «Эгоист». Ты выбрала его по названию?

– Я понятия не имею, как он называется. Покупки делает экономка. – Она поднесла чашку к губам и сделала глоток.

– Ты чувствуешь его вкус? – поинтересовался он.

– Конечно. И могу точно сказать, стоит его пить или нет.

– И стоит?

– Твои прикосновения делают его особенно вкусным, – усмехнулась Эфрат.

– Тогда как тебе понравится это? —Рахмиэль подошел вплотную и поцеловал, заключив ее лицо в тонкую рамку своих пальцев.

– А так еще лучше, – ответила она, положив свои руки поверх его. Эфрат чувствовала его тепло, и когда это происходило, ей, казалось, больше ничего не требовалось. Мир отступал на второй план, а то и вовсе исчезал. Да и зачем ей нужен этот мир? За тысячи лет он так и не смог сделать ее счастливой. Впрочем, она не была уверена, что способна распознать счастье.

– Скажи, – Рахмиэль сделал глоток кофе, – кто этот человек с рыжими волосами и огненными глазами?

– Не поняла, – отозвалась Эфрат, – какой человек?

– Тот что на портрете? На том, который ты оставила со мной в комнате пока я был без сознания?

– А, этот ... это Раз, – Эфрат невольно улыбнулась, – знал бы ты сколько всего сгорело под взглядом этих глаз.

– И кто он?

– Я думаю даже сам Раз не знает точного ответа на этот вопрос.

– Зато возможно знаешь ты, – парировал Рахмиэль.

– С чего ты взял?

– Это ведь его мантия у тебя на плечах? – спросил Рахмиэль и встретив удивленный взгляд Эфрат, добавил, – Ты забыла снять янтарную фибулу.

– Раз называл янтарь застывшим огнем, – отозвалась Эфрат. – Когда перестаешь замечать время, перестаешь замечать и такие мелочи. И да, это его мантия, – нехотя ответила Эфрат, – как и некоторые другие вещи в этом доме.

– Надеюсь, только вещи? – уточнил Рахмиэль.

– Надеюсь, этот разговор не продлится дольше моей чашки кофе. Которую я, кстати, почти допила.

Эфрат не любила оставлять машину на стоянке, а потому в аэропорт они ехали на такси. Им предстоял сравнительно недолгий перелет до Германии, где в аэропорту их встретит следующее такси, а затем еще. Так обещала пройти вся предстоящая съемочная неделя – сплошные разъезды.

– Давай после съемок нанесем визит вежливости нашим

новым друзьям? – предложила Эфрат, когда они уже подъезжали к аэропорту. – Я должна вернуть Шири ее клатч. Отличный предлог, не находишь?

– Нашим друзьям? У нас уже появились общие друзья? – очень натурально удивился Рахмиэль.

– Ну а кто, ты думаешь, уговорил меня дожидаться твоего пробуждения, чтобы выяснить, как тебе удалось остаться в живых? Теперь они – твои лучшие друзья.

– И мне снова везет.

– И снова как никому другому.

Они уже приехали в аэропорт, было пора выходить из машины. Эфрат старалась не привлекать к себе внимания: никогда не знаешь, кто может тебя заметить и где потом окажутся эти фотографии. Особенно если на этих снимках ты в компании юного незнакомца, семья которого может позволить себе покупку живописи на аукционах. Просто радость для прессы. Закрыв глаза очками Prada, Эфрат вышла из машины, не дожидаясь, пока ей откроют дверь.

Они привлекали внимания не больше, чем любая другая пара, предпочитающая скрывать глаза за темными очками даже в окружении ночной темноты. Их путь удивительным образом повторял путь их друзей, побывавших в этом же аэропорту не так давно, с той лишь незначительной разницей, что тем, кто носит пальто Burberry, простят любые причуды. По крайней мере, эта уловка обеспечивала Эфрат неприкосновенность вот уже который десяток лет. Вполне

возможно, что подобные странности вскоре станут трендом и однажды окончательно скроют ночных охотников из виду.

– Готов вернуться в свободные объятия Берлина? – спросила Эфрат, пока они шли по почти пустым коридорам к объявленному гейту.

– Не уверен насчет Берлина, но если при этом я останусь в твоих объятиях, то готов лететь куда угодно, – ответил Рахмиэль.

Через несколько часов они приземлятся в Германии.

Погода в столице не радовала. Обычных людей. Зато для не переносящей солнце Эфрат пасмурное и прохладное утро было как нельзя кстати.

– Какой неловкий момент, – Рахмиэль обнимал Эфрат, – хотел прижаться к тебе, чтобы согреться.

– Да, трудно придумать более тщетный шаг, – отозвалась она. Утро и правда выдалось прохладным по человеческим меркам. И почему-то Эфрат стало слегка неловко за то, что она ничем не могла тут помочь.

– Я думаю, этот очаровательный немец с твоим именем на табличке ждет именно нас, – прервал Рахмиэль ее размышления.

– Именно, и я намерена бросить тебя ему на растерзание, потому что я уже утомилась выслушивать его востор-

ги. Пусть восторгается тобой. – Эфрат лучезарно улыбалась встречающему их молодому человеку, весь внешний вид которого одновременно говорил о его любви к моде и о широте взглядов на гендерные стереотипы.

– Это несправедливо и почти незаконно. Я снова жертва, – тихо произнес Рахмиэль, пока они следовали за немцем к машине.

– Да, ты моя постоянная жертва, – подтвердила Эфрат, – у меня почти право собственности.

– Постоянная? – Он вопросительно посмотрел на нее. – А до меня другие постоянные были?

Эфрат не нашлась, что ответить и, казалось, не до конца поняла свою забавную оговорку, а потому ускорила шаг. Вскоре они уже ехали в отель под бесконечный аккомпанемент немецкой речи их водителя, который не уставал восхищаться Эфрат, при этом не без любопытства рассматривая ее молчаливого спутника.

Всю дорогу до отеля они держались за руки, что безусловно еще аукнется ей на завтрашней съемке, потому что водитель все расскажет остальной команде. В какой-то момент происходящее и собственные эмоции по этому поводу начали настолько забавлять Эфрат, что она с непринужденной улыбкой взяла Рахмиэля за руку и, положив ее между своих ног, накрыла краем пальто. На несколько секунд поток немецкой речи прервался, но потом возобновился как ни в чем ни бывало. Как известно, тем, кто носит Burberry, мож-

но все.

– Так теплее? – любезно поинтересовалась она, когда немец наконец сделал паузу в своем светском монологе.

– Да. А тебе? — Рахмиэль смотрел на нее как-то особенно мягко, такими же мягкими были и движения его пальцев.

Вместо ответа Эфрат предпочла промолчать и плотнее прижалась к своему спутнику, положив голову на его плечо. Dsquared2 всегда были приятны к телу, возможно, этим и объяснялся их успех. Оставшуюся часть пути они ехали молча. Эфрат наслаждалась близостью к пульсирующей артерии, почти под самыми ее губами, что снова заглушало вечно следующий за ней тонкий шлейф сырости и цветочной пыльцы. На смену этим вечным преследователям пришел едва уловимый аромат его кожи, вместе с теплом, разливающимся по ее губам. Всегда, когда Эфрат приближалась к свежей крови, мир преображался, все вокруг становилось ярче, звуки отчетливее, а в голове как будто прояснялось. Чем ближе Эфрат прижималась к Рахмиэлю, тем громче становился стук человеческого сердца, а в какой-то момент этот стук становился единственным, что она слышала. Пересекая одну темную улицу за другой, Эфрат следовала именно за ним, за пульсом жизни. Ее губы медленно раскрылись, отчего Рахмиэль слегка повел плечом, его тело инстинктивно отстранялось от холода и опасности, которые несли поцелуи этих нежных губ. Но Эфрат сомкнула губы и продолжала молча лежать на его плече, едва заметно улыбаясь. Вскоре она пе-

рестала считать реальность достаточно важной, чтобы в ней присутствовать, и погрузилась в сон.

Сны Эфрат обычно носили беспокойный характер. За тем редким исключением, когда нужно было с кем-то выйти на связь или отправиться исследовать пространство этого изменчивого мира. Сон дарил ей возможность быть только собой без обременения физическим телом. Всякий раз, когда приходилось возвращаться обратно, это было подобно фокусу с игольным ушком. Иногда Эфрат в шутку называла себя алмазом, другие же говорили, что это похоже на луч света, падающий на землю сквозь тучи. И сейчас свет был повсюду. Он окружал ее со всех сторон, но не причинял никакого вреда. Это был тот мягкий, согревающий свет, который касается тебя, когда ты слышишь любимую музыку или смотришь за горизонт мироздания, его ни с чем невозможно спутать. Пусть он не такой яркий, как многие думают, но если ты видишь его, тогда не видишь больше ничего. До тех пор, пока не начнешь двигаться дальше.

– Чего ты смеешься? – шепотом спросил Рахмиэль, прижимаясь губами к ее лбу.

– Ты сладкий. Хотя это не смешно, конечно, но ты сладкий, – отвечала Эфрат, улыбаясь.

– В смысле?

– Знаешь, есть люди, которые никакие на вкус и внешне, есть люди, от которых хочется держаться как можно дальше, а есть те, кого ненавидят. И первые, и вторые не представ-

ляют никакого интереса. А вот те, кого ненавидят, кто внушает ненавидящим отвращение к собственному существованию потому что напоминает о том, что возможно в этой жизни – эти люди сияют, как вода под солнцем, а на вкус они как мед или свет, который греет, но не сжигает. И если в другом есть такой же свет, то этого света становится больше.

– Как тонко ты описываешь свое отношение к человечеству. – Свободной рукой он провел по ее щеке, убрав прядь золотых волос за ухо.

– Существа, которым была дана свобода выбора, выбирают уничтожать друг друга, потому что им слепит глаза, а воплощением зла они сделали тех, кто дает им жизнь, ну и вампиров еще. Как тут не восхититься, – ответила она.

– Это как-то проясняет вопрос того, почему я искал тебя?

– Нет, не сильно.

К счастью, они уже подъезжали к отелю, и Эфрат удалось успешно избежать этого бесконечного человеческого нытья на тему ужаса жестокого мира и притягательности тьмы, которую они как всегда путали с отсутствием света.

Выгрузив багаж, они распрощались с немцем и поднялись в номер. Погода за окном была самая что ни на есть пасмурная.

– Я помню, как впервые оказалась в Париже, уже в двадцать первом веке, – Эфрат лежала на кровати с закрытыми глазами, Рахмиэль лежал рядом и смотрел на нее, – все агентство кричало, как они скучают по солнцу и как сейчас

обрадуются ему в Париже.

– Обрадовались?

– Да как же. Зато я ликовала. После долгой разлуки город заключил меня в мрачные объятия дневной прохлады и пасмурного неба, прямо как сейчас.

– Что ты любишь больше, Берлин или Париж?

– Сложно сказать, они разные. Но про Париж я песен не писала.

– Да не припомню такого.

– Зато Париж стал домом для многих из нас. Потому он такой красивый, притягательный и всепоглощающий. А Берлин... не знаю, здесь мне хочется снять туфли и одеть кеды. Я здесь дома.

– Позволь, я помогу тебе с туфлями. – Рахмиэль наклонился к ногам Эфрат и медленно снял с нее туфли, забыв восхититься их аметистовым каблуком. Еще никто так не обходился с Katy Perry, пусть даже лакированной.

– Ой-ой, волнительно, – засмеялась Эфрат, когда он начал гладить ее ступни, медленно проводя по ним пальцами. Ей нравилось ощущать эти согревающие прикосновения, а потому когда она почувствовала его поцелуи сначала на кончиках своих пальцев, а затем и выше, то сладко потянулась и обняла его ногами.

– Да, может быть, это и правда было не худшим из моих решений, – сказала Эфрат, почувствовав на себе вес его тела.

– Я же говорил, – ответил он, – а еще я знаю, что когда

я тебя целую, тебе нравится, чтобы одна рука лежала у тебя на шее, а другая ...

– Я слушаю? – Но слушать не было необходимости, обе догадки были верны.

– Это удивительно, сколько времени ты посвящаешь своей прическе. – Эфрат стояла на пороге ванной, наблюдая как теперь пальцы Рахмиэля скользят по осветленным прядям его волос.

– Значительно меньше, чем тебе, – отозвался он.

– Нам повезло с погодой, солнца как будто вовсе не стало, – радовалась Эфрат пасмурной и ветреной сегодня столице Германии.

– Сколько радости в голосе.

– Конечно, мир наконец-то приобрел свои естественные оттенки,

– А я думал, что мир – это всего лишь проекция, которую наш разум создает под влиянием органов чувств, — Рахмиэль закончил с прической и повернулся к Эфрат.

– Это верно, но пока ты не ушел в горы, а я не превратилась в неподвижную статую, нам не грозит рассуждать о таких категориях, как жизнь в пределах собственного разума. Зато мы можем сходить куда-нибудь поесть, прежде чем начнется съёмочный день.

– Где ты желаешь притворяться человеком на этот раз?

– Мне без разницы. – Эфрат подошла к нему и медленно прижалась всем телом. – Пусть мир видит нас вместе, люди должны думать, что я – одна из них.

– Да ты меня используешь, – он положил руки ей на бедра и прижал к себе еще плотнее.

– Какая поразительная пронизательность. Видно, твои родители не зря платят за твой институт.

– Университет, это университет.

– Звучит как «мои родители платят еще больше», – рассмеялась она.

– Да, платят немало. Но они могут отличить настоящее от подделки. А потому, я уверен, ты им понравишься.

– Что?

– Это шутка, – ухмыльнулся Рахмиэль. – Я был уверен, ты рассмеешься. – В его взгляде можно было уловить легкую долю иронии.

– Прости, я слишком стара для твоего современного юмора. – Эфрат спасалась бегством на запретную территорию.

– А ... сколько тебе лет? – территория переставала быть запретной.

– И снова, «что»?

– Это такая страшная тайна?

– Не то, чтобы, просто я уже точно не помню. Я тут довольно давно. – Эфрат предпочитала избегать обсуждения этой темы, как и взгляда в глаза, когда такие вопросы возникали. А случалось это крайне редко.

– Как это случилось?

– Воу, смузи, мы не настолько близки.

– Смузи?

– Потом расскажу, мой диетический друг. Одевайся, пойдем завтракать, – сказав это, она отправилась на поиски лакированных Katy Perry.

Среди людей преобладает мнение, что пасмурный, пронизанный ветром день предназначен для какао с зефиром, пледа и хорошей книги. Какая потеря возможности жить драматично! Эфрат не любила упускать возможности, а потому сегодня наслаждалась ветром, окутывающим ее тело холодом и едва ощутимым туманом, принесенным с далеких вод северной Германии. Стук ее каблучков был едва слышен на оживленной улице, где собрались все существующие в мире национальности и разнообразие гастрономических предпочтений. Все что угодно, от индийских деликатесов до корейского фаст-фуда, небольшие уютные ресторанчики заполняли пространство между шумными гастро-барами.

– И ведь ни одного Старбакса, – констатировал Рахмиэль.

– Да, после того как они продемонстрировали чрезмерный интерес к расширению в определенных странах, здесь от их услуг почти отказались, – Эфрат смотрела по сторонам, выбирая подходящее место для позднего завтрака.

– Могу понять, они сильно изменились за последние лет пять, – Рахмиэль кивнул в знак согласия.

– Кухню каких стран ты предпочитаешь в это время суток? – спросила Эфрат, которая никак не могла решить, какое из заведений вызывает у нее меньше раздражения.

– Может, стоило пообедать в отеле?

– Идея на миллион, но мы уже здесь, давай попробуем выжить в этом море нелепостей, – сказав это, Эфрат наконец повернула в сторону.

Они подошли к дверям стейк-хауза, в котором ваш потенциальный обед был представлен в витринах-холодильниках прямо в зале. Интерьеры ничем не выдавали прославленной репутации этого заведения, ценник которого был таким же высоким, как и мастерство поваров.

– Irish Premium Beef blue для нас обоих и красное сухое вино вашего возраста, – Эфрат нежно улыбнулась официантке, на лице которой застыло любезное выражение с момента, как они подошли к столику. Поп-диву в этом городе многие узнавали в очках и без.

– Тебе нравится Берлин? – Эфрат смотрела в окно, за которым вот-вот должен был начаться дождь.

– Я не поклонник больших городов, – ответил Рахмиэль. – Нужно подняться очень высоко, чтобы не слышать шума на нижних этажах.

– Я тоже люблю тишину. Когда вокруг тихо, можно слышать все то, что я ценю намного больше людей и продуктов их однодневной жизнедеятельности.

– Тогда Берлин вряд ли лучший выбор. Если ты так лю-

бишь музыку, тебе бы больше подошел Амстердам.

– Сейчас мне нужно оставаться ближе к корням, ближе к сердцу Европы. Но твое предложение мне нравится. Я люблю дождь и пасмурную погоду, и, насколько мне известно, Амстердам этим знаменит. – Эфрат опиралась локтями на стол и медленно подносила к губам сложенные вместе ладони.

– Мы можем как-нибудь проверить. – Рахмиэль рассматривал ее лицо, наполовину освещенное холодным дневным светом. Было в ее чертах что-то неподвижное, какая-то особая жизнь, следующая своему загадочному порядку, не знающая времени, объединяющего всех остальных в этом мире. В какой-то момент ему показалось, что даже свет, идущий от окна, не касается кожи Эфрат, останавливаясь в каких-то миллиметрах от нее.

– Ты чего так смотришь? – Эфрат подняла на него глаза.

– Ничего, – ответил Рахмиэль. Как раз в этот момент официантка принесла им вино.

– Ваше вино, фрау. – Официантка поставила перед ними два идеально прозрачных бокала и бутылку вина.

– Благодарю. Мне не терпится ощутить вкус вашего возраста, – Эфрат не опасалась обвинений в дискриминации, она отлично знала, что уже сейчас ее фотографии в компании привлекательного незнакомца разлетаются по сети со невероятной скоростью. Только это сейчас и волновало официантку, кто этот человек, сидящий напротив фрау. Эфрат

и сама хотела бы это знать.

– Всегда к вашим услугам. – Ни один мускул не дрогнул на лице официантки. Она разлила вино по бокалам, сдержанно улыбнулась и отошла назад к барной стойке.

– Люблю, когда все идет так, как было принято когда-то давно. Когда все на своих местах и все действуют так, как им положено, – пояснила Эфрат, заметив легкое замешательство на лице Рахмиэля.

– Понятно. – Было совершенно очевидно, что ему ничего не понятно. – Мне кажется, тебе вообще свойственно испытывать границы окружающих тебя людей.

– Отчасти, – согласилась Эфрат, сделав глоток из стоящего перед ней бокала. Темно-красное, почти бордовое густое вино оставило отпечаток на ее губах. – С другой стороны, время от времени я просто скучаю.

– Скажи, – Рахмиэль тоже сделал глоток вина, – твои возможности ничем не ограничены, вообще ничем. Ты можешь, например, спонсировать научную лабораторию или купить научную лабораторию, уехать на далекий северный остров и никогда ни в чем не нуждаться. Тебе совершенно не обязательно быть здесь, в самой гуще событий. Уверен, тебе уже говорили, что ты... подвергаешь себя риску.

– И не один раз, – подтвердила Эфрат. – Но видишь ли, я пришла в этот мир, чтобы быть тем самым звеном между небом и землей, которым в идеальном мире должен был бы быть каждый человек. И все еще здесь, потому что я, в от-

личие от людей, не отказалась от этого занятия. Сегодня в гуще событий, через сто лет могу, как ты сказал, купить себе лабораторию, еще через сто или двести уехать на далекий остров, а потом снова вернуться. Я буду делать то, что требует от меня моя природа.

– И как долго? Как долго ты будешь уходить и возвращаться?

Эфрат посмотрела на него. Как-то иначе, не так, как все это время.

– Печенька, – наконец произнесла она.

– Прости, – слегка поперхнувшись, переспросил Рахмиэль, – что?

– Ты печенька. – Эфрат слегка наклонила голову. – Ты сладкий, без тебя можно жить, но ты вызываешь приятное привыкание.

– Значит ли это, что ты заметишь, если я исчезну?

– А ты собираешься исчезнуть?

– Пока нет, – Рахмиэль тихо смеялся. – Я же печенька. И хочу, чтобы меня съели. Это заложено в моей природе.

Теперь они смеялись в голос. За окном наконец начался дождь.

– Куда мы едем сегодня? – спросил Рахмиэль. Он лежал в постели рядом с Эфрат.

– Куда-нибудь, где я смогу наблюдать тебя без рубашки, –

отозвалась Эфрат откуда-то из-под одеяла.

– Мы можем остаться здесь, – предложил Рахмиэль.

– Нет, не можем, – Эфрат откинула край одеяла и посмотрела на него, – сегодня у меня съемка для обложки нового сингла.

– О, так ты сегодня снова капризная юная... леди? – Рахмиэль ожидал какой-то реакции, но ее не последовало. – А что за сингл?

– Он называется «Only Lovers»³.

– Звучит как очень пластиковый сингл.

– Да, но нет. – Эфрат села на кровати. В мягком дневном свете ее кожа казалась не такой бледной, все выглядело так, как будто она обычный человек. Сейчас она просто находилась рядом, и этого было вполне достаточно.

– О чем эта песня? – Он подвинулся ближе, чтобы положить голову ей на колени и прикоснуться губами к ее животу.

– Эта песня, как и любой будущий хит, написана так, чтобы большинство прыгало под музыку с возгласами радости об отсутствии обязательств, а все, кто заказывает музыку, наслаждались смыслами, доступными только им, —ответила Эфрат. Она положила руку на голову Рахмиэля и легла обратно на подушки.

– Знаешь, – прошептал Рахмиэль, продолжая целовать ее все ниже и ниже, – я ведь тоже могу тебя съесть.

³ «Только любовники»

– Я надеюсь, ты голоден. – Эфрат улыбалась.

– Ты не представляешь. – Больше Рахмиэль ничего не говорил. Довольно долгое время.

Где-то в соседней комнате номера люкс, в кармане куртки Dsquared2 звонил телефон. Уже в который раз. Звонивший не боялся счетов за роуминг, как и любых других счетов. Трудно было сказать, что звонивший вообще чего бы то ни было боялся. Доподлинно было известно только то, что раньше на его звонки всегда отвечали.

– Что мне делать на студии, пока у тебя будет съемка? – Они сидели в машине, Эфрат снова босиком, а Рахмиэль снова слегка сонный. В последние дни он плохо высыпался.

– Ты будешь там же, где и все это время, в опасной близости от меня.

– Это не так опасно, как может показаться на первый взгляд.

– Твое безразличие к собственной жизни не может не удивлять, – Эфрат отвечала лениво и даже отстраненно. Кто-то менее наблюдательный не заметил бы разницы, но сейчас от перемен в ее настроении менялось все происходящее вокруг, а потому это было сложно не заметить.

– Твое меланхоличное настроение передается мне, ты знаешь. – Рахмиэль гладил ее ноги, медленно, как если бы пытался отогреть холодную кожу. – Что у тебя на уме?

– Это сложно объяснить, – Эфрат поджала губы, – в человеческом языке нет таких слов. Сегодня слова – не более

чем пустая форма. В лучшем случае их наполняют эмоции или переживания, какой-то общий универсальный опыт, но в словах больше нет той силы, которую я за ними помню. Впрочем, в людях тоже.

Рахмиэль тихо рассмеялся.

– Ты говоришь в точности как мои родители. – За эту фразу он тут же получил шлепок по затылку.

– Нет, серьезно, – все также смеясь ответил Рахмиэль, – они регулярно сокрушаются о человеческом убожестве. И если честно, я с ними согласен.

– Что, правда?

– Да, я всегда знал, что я отличаюсь от остальных, – он сделал паузу, – и при этом мне всегда хотелось верить, что мы похожи.

– В каком смысле? – Эфрат наконец отвернулась от окна.

– В том, что... ведь это так просто, жить жизнью, которую стоит прожить, хотеть быть лучше, хотеть быть больше, чем ты есть, понимать больше, видеть мир во всех его гранях, читать книги, написанные столетия до твоего рождения и по-настоящему понимать их.

– Какая твоя любимая книга? – Теперь Эфрат улыбалась. Что бы он ни сказал, ей было что ответить. Но надежда есть всегда. Надежда, что на этот раз твой собеседник умеет думать самостоятельно.

– Ты будешь смеяться. – Он отмахнулся, пытаясь избежать ответа.

– Вполне возможно, буду, но ты рискни.

– Портрет Дориана Грея.

Он был прав. Эфрат смеялась. А когда наконец перестала, то решила восстановить репутацию вежливой собеседницы.

– Расскажи мне, о чем твой Портрет Дориана Грея? – спросила она.

– О том, что людям не должно попадать в руки то, что для них не предназначено.

– Поясни?

– У Дориана была вечность и, по словам автора, красота. И что он сделал? Я думаю, именно это хотел сказать Оскар. У вас есть вечность, что вы с ней делаете? И даже если не вечность, у вас есть жизнь, но вы и с ней не можете справиться.

– Ты бы ему понравился, – отозвалась Эфрат, немного помолчав.

– Кому?

– Оскару. – И почти безо всякой паузы она задала следующий вопрос. – Что такое красота?

– Красота – это лицо бога на земле, – без особых раздумий ответил Рахмиэль, и добавил, – ты красивая.

– Я – убийца, – ответила Эфрат.

– Разве?

Эфрат не успела ответить, машина уже остановилась у студии, небольшого здания, ничем не выделявшегося среди других, кроме вывески. Снаружи ее ждала съемочная команда. Рахмиэль наклонился, чтобы поднять ее туфли с пола и

бережно надел их на ее обнаженные ступни. Эфрат наблюдала за ним с мягкой улыбкой.

– Идем, есть шанс, что завтра ты станешь звездой шестой страницы, – она улыбнулась и открыла дверцу машины.

Когда Эфрат вышла из машины, абсолютно все продемонстрировали невероятное счастье, что вселяло сомнения в любого здравомыслящего человека. Но Эфрат это всегда казалось забавным и даже трогательным.

– Чему радуетесь, сучки? – с улыбкой произнесла она, – я уже здесь, начинайте плакать.

Она рассмеялась и наградила добрую половину присутствующих звоном несуществующих поцелуев в обе щеки. Казалось, никто не обращал внимания на стоящего рядом с ней Рахмиэля. Но так только казалось.

– И да, это вторая модель на сегодня, – бережно обронила Эфрат, когда они уже поднимались по лестнице. Теперь все официально заметили Рахмиэля.

– Хорошо, как скажешь, – отозвалась продюсер. Она знала, спорить бесполезно, аргументы бессильны, а капризы дивы – святое.

– Я гримирую двух идеальных белоснежек сегодня! – Никто не знал, почему визажистке так нравилось работать с бледной кожей, и никто об этом не спрашивал. Все считали ее странной. И она была странной, как и все, кто сейчас поднимался по лестнице. И всех объединяло одно – они созда-

вали искусство и также искусно могли замаскировать его под продукт массового потребления.

– Ок, начнем. – Фотограф наконец настроила свет, и можно было начинать снимать. Эфрат и Рахмиэль стояли на фоне, фарфорово-бледные, идеально-кукольные, большего рекламодатели и желать не могли.

– То есть мы только любовники и ничего больше? – Рахмиэль говорил тихо, так тихо, чтобы слышала только Эфрат, а это значит – почти без слов.

– Ну, еще ты – моя печенька, – Эфрат наклонила голову, не отводя глаз от камеры, – и я съем тебя целиком.

– Жду с нетерпением.

– Теперь посмотрите друг на друга, – раздался голос фотографа.

– Почему ты смотришь куда-то за мое плечо? – спросил Рахмиэль, когда Эфрат повернулась к нему.

– Эфрат, смотри прямо на него, – фотограф говорила, не прекращая съемку.

– Смотри прямо на меня, – повторил Рахмиэль. Он держал ее за руки и смотрел ей в глаза. – Однажды, мы всей семьей поехали к океану, – он говорил очень-очень тихо, – и провели день в почти полной тишине, только звук волн напоминал нам о движении времени. И мне всегда казалось, что возле океана время течет иначе. И само время как будто другое. Когда я смотрю в твои глаза, я вижу океан, я вижу самые его глубины.

Эфрат ничего не ответила. Она подошла к нему чуть ближе, так чтобы их тела почти соприкасались. Она стояла на фоне босиком и едва доставала Рахмиэлю до подбородка, а потому ей пришлось встать на носочки, чтобы дотянуться до его губ. Где-то вдалеке она слышала шум волн, чувствовала тепло солнца на коже, песок шуршал под ногами, перемешиваясь с ветками, соленая вода и соленый привкус на губах. Это был хороший день. День, который ей самой хотелось бы вспоминать.

– Снято. – Фотограф опустила камеру.

Середина дня в Берлине похожа на любой другой день в любом другом большом городе. Эфрат была влюблена в Берлин, как бывают влюблены в причудливое платье или картину, смысл которой понимаешь только ты и автор. Эфрат и Берлин делили свои, особенные смыслы. Это был ее остров сокровищ, куда она приезжала, когда хотела потеряться в человеческом шуме и насладиться существованием.

– Куда мы идем? – спросил Рахмиэль.

– Прямо, – ответила Эфрат.

– Оскар.

– Что Оскар? – спросила она.

– Вы были друзьями?

– Можно и так сказать.

– Каким он был?

Эфрат остановилась. Прямо посреди оживленной улицы. В лучах солнца, движущегося к закату. В воздухе ощущался аромат кофе, где-то рядом то и дело проносились обрывки разговоров, смех, кто-то держался за руки, другие обнимали друг друга, неспешно прогуливаясь. Люди смотрели друг на друга, но не всматривались, это был взгляд, в котором можно было ощутить вкус весны с едва различимыми на дне обещаниями лета.

– Вот таким, – наконец сказала Эфрат. – Он был вот таким. Полным жизни. Ярким. Он мог превратить любой день в самый лучший, и любой рядом с ним вспоминал о том, что такое удовольствие и радость от существования. Потому что он превращал существование в жизнь.

– Ты любила его?

– Почему ты говоришь в прошедшем времени?

– Тогда почему...?

– Потому что психопаты, мой дорогой, выживают порой за счет самого лучшего, что есть в мире, в людях и между людьми, а лорд Альфред Дуглас был именно таким.

– Ты имеешь ввиду?

– Я имею ввиду, что он высосал из Оскара не только деньги, но саму жизнь. Как я его ненавидела! Все его ненавидели. Все, кроме Оскара. Мы даже говорили о том, чтобы, – она сделала паузу, подбирая слова, – решить этот вопрос, но мы не могли. Потому что Оскар верил в любовь и ничто, абсолютно ничто не могло его переубедить. Иногда мне казалось,

что он и есть любовь.

– Возможно, именно поэтому его так любят.

Эфрат сняла темные очки и посмотрела на Рахмиэля.

– Ты бы ему понравился.

– Буду считать это комплиментом, – ответил Рахмиэль и добавил, понизив голос, – держись.

– Что?

Она мало что успела понять, но через секунду, они уже кружились, держась за руки. Это было так неожиданно и так нелепо для кого-то на высоких шпильках, что Эфрат невольно рассмеялась. Ее золотые волосы наконец вырвались на волю из-под пальто и теперь разбивали собой солнечный свет, который рассыпался вокруг сотнями крошечных золотых звезд. Казалось бы, это должны были видеть все, но никто кроме напуганных голубей не замечал происходящего. Птицы взлетели вверх, золотые звезды опали на их крылья и те уносили их с собой куда-то еще, куда-то, где их увидят другие, и где они смогут вернуться обратно на небо.

Эфрат смеялась. Она смотрела на Рахмиэля, в какой-то момент ей показалось, что она знает его куда дольше нескольких недель и что с момента их первой встречи прошли годы. Очертания окружающего мира таяли и сливались в разноцветный фон. Их движение замедлилось, и Рахмиэль привлек ее к себе, чтобы обнять и приподнять над землей. И на какое-то время единственным, что связывало Эфрат с землей, стал он. Это время она потом называла «безопас-

ность», соглашаясь с героем культового фильма, «потому что нет живых». ⁴

– Вафли!

– Вафли?

– Вафли, – повторила Эфрат, когда ее каблуки снова обрели опору.

– Вафли, – повторил за ней Рахмиэль.

И нет ничего проще, чем найти вафли в Берлине.

Неделя пролетела незаметно. Дневная жизнь Берлина радовала полным безразличием окружающих к новому ассистенту модели, а ночная – избытком любителей крэка. Но вскоре настало время или возвращаться, или продолжить путешествие по южной Германии.

– Вперед, на поиски овец! – Эфрат была в отличном настроении. Она лежала на диване, закинув ноги на спинку.

– Моя очередь, – вздохнул стоявший у окна Рахмиэль, – «что»?

– Мы едем к нашим овцеводам, деятелям и покровителям искусства, то есть, к твоим новым лучшим друзьям. Шири забыла свой клатч у меня дома. Забыла или оставила специально – не так важно, важно вернуть собственность владельцу. И, возможно, отжать у нее пару овец.

– Я не могу больше удивляться...

⁴ х/ф «Ворон», 1994г.

– Ну, они мягкие и смешные. – Эфрат блаженно потянулась и посмотрела на него.

– Понятно. – Он принял это сообщение, как и любое другое за прошедшую бурную неделю, с безразличным спокойствием. – Мы поедем или полетим?

– Поедем, конечно. Что может быть романтичнее путешествия по железной дороге?

– Комфортабельный и быстрый перелет?

– Ты ж мой бездушный подросток... когда мне было столько, сколько тебе сейчас... кстати, а сколько тебе? – ехидничала Эфрат.

– Девятнадцать. Все еще.

– Каково это, знать, что перед тобой кто-то, кому вот уже много лет столько же, сколько и тебе?

– Честно говоря, мне безразлично, сколько тебе лет. Было, есть или будет.

– Ты потрясающе беспринципен.

– Как и все в этой комнате.

– Неправда, ты все еще жив и этот факт полностью опровергает твоё утверждение.

– Ага, чудом.

– Кстати, очень хотелось бы знать, каким именно. – Эфрат посмотрела на него в ожидании ответа.

– Если честно, – Рахмиэль взглянул ей в глаза, и на секунду его коснулся какой-то странный холод, – я понятия не имею.

– Я тебе верю, – сказала она после некоторого размышления, – и я даже не знаю, какое из моих предположений нравится мне меньше.

– Поделишься? – он подошел к дивану, чтобы сесть рядом. Эфрат подвинулась, уступая ему место, и положила голову к нему на колени.

– Ну, вариантов всего два, либо переживших встречу со мной куда больше, в чем я сомневаюсь, потому что кислота и речные воды не щадят никого. И второй, над которым я все еще думаю.

– И что думаешь? — Рахмиэль гладил ее золотые волосы, рассыпавшиеся по его коленям.

– Я не уверена, что знаю ответ.

– А такое может быть?

– Я прямо слышу это: «Ты же старше самого Берлина, как ты можешь не знать»!

– Я не это хотел сказать, – он усмехнулся, – просто ты практически существуешь между двумя мирами, и в моем представлении ты знаешь все.

– Если бы так было, я была бы богом, – ответила она задумчиво.

– А ты хотела бы?

– Что, стать богом?

– Да.

– Если боги тоже носят Prada, то я готова рассмотреть этот вариант, – рассмеялась Эфрат. – А если серьезно, то я уве-

рена, это довольно скучное занятие. Рядом с людьми я ощущаю какое-то движение, когда я остаюсь наедине с собой, нет ни времени, ни звуков, ничего, – она взяла его за руку и прижала запястье к своим губам, – ни этого. К тому же, для бога я характером не вышла.

– Не согласен. Ты напоминаешь одно из тех древних божеств, о которых сегодня не принято говорить. Я не удивился бы, если бы однажды выяснилось, что вы родственники, – Рахмиэль медленно гладил ее лицо, любуясь тонкими чертами.

– Когда-то эти божества не были «вне закона». И я тоже, – она лежала с закрытыми глазами и наслаждалась движением тепла по коже.

– Что произошло? – спросил он, ожидая снова увидеть ее улыбку или услышать еще одну легенду, но ни того, ни другого не последовало.

Какое-то время Эфрат молчала, но потом начала говорить.

– Возможно, людям надоело умирать. Потому что мы проливали кровь, реки крови, если честно. Все ради того, чтобы наши боги становились сильнее. А еще, потому что нам это нравилось. Нам всегда нравилось то, что нравится нашим богам, такова природа любого настоящего культа: мы превращаемся в часть той силы, которую черпаем и впускаем в мир, где живем. Кто-то говорил, что это правильно и так и нужно делать, а кто-то утверждал, что это варварство, но мы не слы-

шали ни тех, ни других. Мы были слишком высоко и далеко от земли, чтобы сохранить способность разделять ее сиюминутные страдания. Как и все, кому довелось управлять чем-то большим, чем они сами, мы понимали принципы меньшего зла, помнили истинное значение слова «жертва», а вот люди... люди были уверены, что мы ни что иное, как опьяненные властью и горячей кровью убийцы, – она усмехнулась. – Надо понимать, последние тысячи лет человеческой истории отмечены особенным гуманизмом и небывалым эволюционным прогрессом. Я прямо вижу как цветет жизнь.

– А тогда? Тогда жизнь цвела?

– И была прекраснее любой из известных мне стихий. Собственно, ради нее мы и создали храм, чтобы поддерживать ее изобильной, чтобы накапливать мудрость и превратить человечество во что-то большее, и пока храм стоял, люди ни в чем не знали нужды. Но как известно, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Мы ничего не знали о заговоре, о подготовке к мятежу и не были готовы к тому, что пришло за ним. Просто потому что кому может прийти в голову разрушить источник собственного благоденствия? Однако, нашлось кому.

– Поэтому ты так не любишь людей?

– Мой дорогой, – вздохнула Эфрат, – ввиду твоей нежности и медового вкуса, я прощу тебе эту наивность и человеческий эгоцентризм. Смею тебя заверить, если бы по какой-то причине я решила принимать в расчет существова-

ние людей, и если бы вдруг решила одарить их своей ненавистью, я бы работала над созданием ядерного оружия. Или биологического. Если бы люди вообще кого-то волновали, эти «кто-то» уже нашли бы способ решить проблему. Я уверена, ты и сам понимаешь, что все те, чье сознание способно пропустить через себя тысячелетия, едва ли замечают существование людей. И когда у нас был дом, а у меня храм, мы тоже едва замечали их существование. И заметили только когда они сами начали на нас нападать.

– Это так случилось? – немного тише спросил он. – Так ты изменилась?

– Хватит разговоров, человеке, поехали.

– Подожди. Пожалуйста, расскажи, хотя бы что-то.

Какое-то время Эфрат смотрела на него. Потом снова села на диван.

– Ладно. На самом деле, обстоятельства не так важны, они остаются с каждым как отпечаток его личной истории, и отчасти формируют его личные особенности. И таланты. Я, например, не всегда так пела. В храме мой голос не особенно отличался от других. Но потом все изменилось. Как если бы преграды между мной и мной рухнули, и тогда мой голос стал звучать иначе. Вслед за ним изменилось и то как я видела мир, я начала видеть сразу несколько его срезов, или измерений как говорят сегодня, иногда я слышу мир прежде чем успеваю его увидеть.

– Как ты это сделала? Как ты пережила то, что случилось?

– Просто, – улыбнулась Эфрат, – Я отказалась умирать.

– Как это?

– Люди наделены свободой выбора, я же говорила, только каждый выбор подразумевает некую жертву, некий равнозначный обмен. И мне было хорошо известно значение этого слова. Я сделала выбор, – Эфрат выдержала паузу, – а теперь нам пора.

– Да, конечно, —Рахмиэль поднялся с дивана следом за ней. – Только что если...

– Если?

– По-моему, это идеальный ответ на вопрос, как мне удалось выжить.

– Кто знает, кто знает, – протянула Эфрат, – я думаю, я знаю, кто знает. Пожалуй, пришло время тебе выбирать.

– Да чтоб тебя, – Эфрат сидела, скрестив под собой ноги, и положив голову поверх головы Рахмиэля, уютно устроившегося у нее на плече.

– Перестань, ну разве плохо? Мы будем в Мюнхене меньше, чем через час.

Самолет скользил сквозь ночное небо, неспешно приближаясь к столице Баварии. Никто не обращал на них внимания, темные очки в помещении никого не смущают, когда на них логотип Prada, к тому же оба путешественника отлично знали главный секрет общественного всепрощения –

улыбайся, люди хотят видеть ваши улыбки. Особенно в сочетании с брендовыми очками.

– А затем мы возьмем машину и поедем от Мюнхена до Ландсхута. Надеюсь, ты счастлив. – Эфрат явно не была счастлива, но девять часов в поезде казались неоправданным издевательством даже ей.

– До чего? Они же живут в столице.

– Когда Шири переехала в Германию, Ландсхут еще был столицей Баварии.

– Когда это было?

– Задолго до твоего рождения. Тогда портреты только начинали входить в моду, – Эфрат улыбалась. – Кстати, а откуда именно в твоём доме появился мой портрет?

– Отец купил на частном аукционе. Там продавали что-то из не менее частных коллекций, и он привез домой твой портрет. Вообще все это было довольно странно. Они с матерью долго сидели возле него. Можно было подумать, что они любят приобретение, если бы не застывшая между ними тишина, которая была, возможно, одним из самых оживленных их разговоров. В итоге мать попыталась убедить отца не оставлять портрет в доме, я так и не понял, почему, но отец не стал слушать.

– Что ж, как видишь, твоя мама оказалась права. Ее, конечно, никто не послушал. Впрочем, мне это только на руку, – Эфрат замолчала.

– Если бы отец послушал ее, мы бы не встретились, – от-

ветил Рахмиэль.

– Да, но я пока не вижу в этом большой трагедии для себя.

– Эй! Да как ты можешь быть такой... как ты можешь так говорить? – В это возмущение он вложил весь свой сомнительный актерский талант.

– Обстоятельства нашего знакомства обеспечили меня широким спектром возможностей, – улыбалась Эфрат. Они понимала, что эти обстоятельства могут повториться, и тогда никто не может сказать, чем это закончится. Или почти никто.

Машина скользила по немецкой дороге ничуть не менее плавно, чем самолет по ее воздушным просторам. Эфрат не любила водить машину, ей всегда больше нравилось наблюдать за происходящим вокруг и отмечать, как изменился пейзаж со времени ее последнего визита. Конечная цель их путешествия находилась недалеко от бывшей столицы Баварии, Шири утверждала, что живет в небольшом, ничем особым не выделяющемся доме, а потому рассвет был как нельзя кстати. Тот факт, что погода была довольно мрачной спасал не только настроение Эфрат, но и всю поездку в целом. Ни за что она не согласилась бы провести несколько часов за рулем в компании этого отопительного монстра и его лучей, ей и без того казалось, что они едут вот уже целую вечность.

– Черт возьми, они гигантские! – воскликнул Рахмиэль,

прижавшись к стеклу.

– Кто? – недовольно пробурчала Эфрат, не отворачиваясь от дороги.

– Овцы! Я даже не уверен, что это овцы... больше смахивают на плюшевых коров.

– Кто знает, каких монстров способна вырастить Шири, заручившись силой классической музыки.

Рахмиэль повернулся обратно и замолчал. Эфрат не подала виду, что заметила его реакцию. Может быть, он и сам не заметил. Овцы-то и правда были гигантские. Всю оставшуюся дорогу они ехали молча.

Зато момент приближения к цели можно было определить по грозовым тучам, сгустившимся в салоне автомобиля. Такой особняк тут был один, стоявший в отдалении от всего частного сектора, должно быть образовавшегося здесь именно благодаря ему, этот портал в прошлые века вполне мог стать местом действия для еще одного драматического голливудского фильма, в котором непременно нашлось бы место любви, риску и неисчерпаемым рекам крови. Сквозь тонкую металлическую ограду, перемежающейся с плющом, едва-едва можно было угадать фигуру ожидавшего их на пороге Гедальи.

– Шири сказала, чтобы я вышел вас встретить примерно в это время, – Гедалья обращался только к Эфрат, как будто

не замечая присутствия Рахмиэля.

– И давно ты здесь стоишь? – Эфрат нежно расцеловала его в обе щеки, утопив руку где-то под его курткой.

– Не то чтобы, – он поймал ее руку и прижал к себе.

– Помоги Рахмиэлю с багажом, а я пойду найду заводчика плюшевых коров, – она поднялась по невысоким каменным ступенькам и толкнула деревянные двери.

– Добро пожаловать обратно в мир живых, – произнес Гедалья, когда Эфрат скрылась из виду.

– Иронично, правда? – рассмеялся Рахмиэль и открыл багажник. Когда Гедалья подошел, чтобы взять чемоданы, он увидел на его шее след от укуса. – Почему не заживает?

– Понятия не имею.

– А еще у тебя глаза впалые, – Рахмиэль продолжал его рассматривать.

– Ты тоже не похож на корзину с фруктами, воскреснувший, – усмехнулся Гедалья в ответ.

– Да просто странно это ...

– Серьезно? Странно? – они поднимались по ступенькам в дом, – то есть все остальное тебе странным не кажется?

– Остальное канонично, – ответил Рахмиэль, – мы уже знаем все это, вампиры пьют кровь людей, не любят солнце, и они чертовски притягательны.

– А когда первые впечатления проходят, начинается реальность.

Они стояли в просторной прихожей, Гедаля прислонил чемоданы к стене и прислушался.

– Я думаю, какое-то время мы можем их не ждать, – сказал он, когда из дальних комнат послышался громкий смех, – ты пьешь?

– Не особо, – ответил Рахмиэль, – но сегодня это может быть полезным.

– Алкоголь в небольших количествах разжижает кровь и делает ее вкус более ... легким, – они прошли через прихожую в не менее просторную гостиную, все вокруг напоминало Рахмиэлю обстановку охотничьего дома, чем-то похожего на загородный дом его семьи, тот самый, где он впервые увидел Эфрат, точнее, ее портрет.

Гедаля вытащил из бара бутылку вина и разлил по бокалам.

– Шири не любит, когда я пью крепкие напитки, а тебе сейчас ничего крепче вина лучше не пить, – он протянул бокал Рахмиэлю.

– Да, мою реакцию на вино мы уже проверили, – ответил он.

– Я удивлен увидеть тебя здесь, – Гедаля сел в одно из кожаных кресел, Рахмиэль сел напротив него, – Эфрат не проявляла ни малейших признаков интереса, когда сидела

возле тебя.

– На тот момент я все еще был в статусе пицци.

– Расслабься, я уверен, я навсегда для нее таковой останусь. Ну, до определенного момента, – Гедалья замолчал и сделал глоток вина.

– До определенного момента? – переспросил Рахмиэль, – не хочешь рассказать подробнее?

– Что ты знаешь ..., – он сделал паузу, – о той, что привезла тебя сюда?

– Почти ничего, кроме того, что знают все: она поет, ее фотографии постоянно появляются в журналах, люди обожают ее, а она обожает себя. Настолько, что ее портрет встречает гостей ее дома, – он сделал небольшую паузу, – причем не только ее дома.

– В смысле?

– В загородном доме моих родителей тоже есть ее портрет, – сказал он, глядя куда-то вдаль, – так я увидел ее впервые. Родители не читают журналы и не следят за происходящим в мире за пределами финансов, но я сразу узнал ее холодных взгляд, продававший со страниц какую-то норвежскую водку, – он сделал глоток вина, – а потом я нашел еще один ее портрет. В частной коллекции друзей семьи.

– Шири тоже видела парочку, – заметил Гедалья, – не хочу обидеть твою даму, но, если я бы не знал, кто она, решил бы, что она куртизанка.

Рахмиэль вопросительно посмотрел на него.

– Все довольно очевидно, а еще в Италии эпохи возрождения было обыкновенным делом изображать своих возлюбленных повсюду. Как ни странно, очень часто это были куртизанки.

– Это не странно, те, кто любит любовь, рано или поздно становятся ее источником, – он снова сделал глоток, – но что-то подсказывает мне, что Эфрат – это не тот случай.

– И мы наконец подошли к обсуждению твоих суицидальных наклонностей, – рассмеялся Гедалья, – ты же знал, что она не оставит тебя в живых, зачем ты приехал? Ладно приехал, ты сам пошел за ней. Ты же знал, что не выйдешь из этих дверей.

– Как видишь, я ошибался. Но, я понятия не имею, что со мной происходило. С момента как я увидел этот портрет я ни о чем больше не мог думать, кроме того, чтобы найти ее.

– Что ж, мечты сбываются, – он поднес был бокал ко рту, но остановился, – ты сказал, что перед этим видел ее буквально повсюду. И никакой реакции это у тебя не вызывало? Что такого необычного было в том портрете?

– Сам не знаю. Но вскоре после того, как он появился, Эфрат начала мне сниться. И в каждом сне она пыталась со мной заговорить. Я уже ни о чем не мог думать, кроме нее.

– А после этого ты решил найти ее. Где бы она ни была, – закончил за него Гедалья.

Оба какое-то время молчали, каждый был погружен в собственные размышления. Откуда-то доносился смех, иногда перемежающийся громкими восклицаниями на разных языках.

– Хорошо, что мы не всегда их слышим, – Гедалья снова заговорил, – их голоса как будто занимают собой все пространство вокруг.

– Ты тоже заметил?

Гедалья усмехнулся, а Рахмиэль продолжил говорить.

– Следы на твоей шее не похожи на свежие...

– Прекрати, ты знаешь, что их оставила не Шири, – отмахнулся Гедалья, – но Шири тоже не знает, почему они не проходят.

– Да, знаю, я все видел, – сдержанно ответил Рахмиэль.

– Я знаю, что видел. Но не придавай этому большого значения, ей было все равно, ты или я, а вот тебя мы могли потерять.

– Ты за меня волнуешься? – усмехнулся он.

– Не льсти себе, – Гедалья ответил улыбкой, – Шири расстроилась бы, если бы осталась без ответа на свой вопрос. А этого я допустить не могу.

– Когда она обратит меня или, как она говорит, поможет мне «перейти», я хочу обратить свою девушку. А у тебя какие планы?

– Прости, девушку? – Рахмиэль посмотрел на него с от-

кровенным удивлением.

– Ну да. Шири все знает. Моя девушка – тоже, у нас с ней столько ссор было из-за этого.

– И тем не менее, ты здесь...

– Да, деньги и бессмертие, как правило на дороге не валяются, – Гедалья допил свое вино, – а еще, когда ты долго с кем-то в отношениях от этого устаешь и хочется чего-то нового. Примерно каждый год. Скажи еще, что у тебя не так, – он насмешливо посмотрел на Рахмиэля, – мистер «Идеальный Выпускник», что ты не пользуешься собой, чтобы пользоваться другими?

– Нет, – как-то слишком спокойно ответил Рахмиэль, – в моем мире еще есть место для уважения к окружающим, а не только для одержимости собой.

Гедалья вопросительно посмотрел на него.

– А ты всегда пользуешься теми, кто хорошо к тебе относится? – спросил Рахмиэль.

Гедалья собрался было ответить, но в этот момент двери в комнату открылись и на пороге появилась Шири, облаченная в легкую накидку, кроем напоминавшую о лучших временах Японии. За ней вошла Эфрат, уже расставшаяся с лакированными Katy Perry и наслаждавшаяся теперь прикосновениями стоп к деревянному полу. Как только Шири переступила порог, Гедалья поднялся, чтобы уступить ей место, и как только она опустилась в кресло, встал за ее спиной.

– Ты молодец, что убедил ее выбрать самолет, – Шири дождалась пока Эфрат устроится на коленях своего спутника, и можно будет продолжить разговор, – в противном случае, нам пришлось бы скучать по вам еще много долгих часов.

– Я уверена, вы бы нашли чем себя занять, – Эфрат взяла из руки Гедальи наполненный для нее бокал.

– Как и вы, – лукаво улыбнулась Шири. Гедалья хоть и не видел ее лица, но повторил его выражение с поразительной точностью.

– Да, – коротко ответила Эфрат, и не зная, что еще добавить, сделала глоток вина.

– Мы отлично провели время в Берлине, – подхватил Рахмиэль.

– Не сомневаюсь. Хотя не могу не отметить, как меня удивляет то, что вы оказались там вместе, – Шири сделала паузу, – ты все-таки невероятно удачливый мальчик.

– Вероятно, боги меня любят, – вежливо ответил Рахмиэль.

– Боги или богини, кто его знает, – как-то особенно медленно произнесла Шири.

– Ой, хватит этих задумчивых речей, я сейчас аллергией покроюсь, – Эфрат сжала бокал в руке, – расскажи лучше, нет ли у тебя каких новостей.

– Увы, – Шири пожала плечами, – почти ничего.

По ее взгляду Эфрат сразу поняла, что она не хочет говорить в присутствии людей. Еще какое-то время они провели за разговорами ни о чем, просто наслаждаясь компанией друг друга, а затем гостей проводили в приготовленные для них комнаты.

– Мы подготовили для вас разные покои, – Шири поднималась по лестнице, не оборачиваясь, ее накидка скользила по полу, замечая за ней следы, – но мы оставляем выбор за вами. Девятнадцатый век все же наконец закончился.

– Да, и это было нелегко принять, – добавила Эфрат.

– Зато теперь мы знаем, что тебе идет мужской костюм.

– Откуда?

– Твое присутствие, как и присутствие твоих друзей, ощущается во многих европейских домах, как будто объединяя их в единое целое. От одного твоего живописного взгляда к другому. Кто знает, – Шири обернулась, – может в этом и состоит залог твоего успеха. Прошу. Со временем ты превратилась в архетип.

Она распахнула перед гостями первую по коридору дверь, за ней оказалась просторная комната, в центре которой стояла большая убранный шелком кровать под балдахином.

– Будете смотреть вторую? – поинтересовалась Шири.

– Пожалуй, нет, – ответила Эфрат. Стоявший за ней Рахмиэль улыбнулся и опустил голову.

– Тогда отдохните, – Шири вернулась в коридор и взяла за руку Гедалью, – нам всем нужно отдохнуть.

– Что у тебя на шее? – вдруг спросила Эфрат.

– Ничего особенного, – Гедалья не удивился ее вопросу, – или необычного.

– Все должно было уже зажить, – Эфрат подошла к нему, чтобы посмотреть ближе. Раны от укуса были будто свежие, – ты давала ему свою кровь?

– Конечно, – спокойно ответила Шири, – не помогает.

– Но ведь в первый раз...

– Да, в первый раз все было как всегда, раны затянулись почти сразу же, – Шири сохраняла спокойствие, – я понятия не имею, что это.

– Ты принимал что-нибудь, пока был в моем доме? Брал что-то у гостей?

– Нет, – ответил Гедалья.

– Может быть, – задумалась Эфрат, – нет, я не знаю. Черт, я никогда не держала людей при себе так долго.

Рахмиэль поднял на нее взгляд, но не сказал ни слова. На мгновение его взгляд встретился со взглядом Шири, но он предпочел отвернуться.

– Да, ты права, – Эфрат взяла Шири за руку, – нам всем нужно отдохнуть, а завтра мы решим, что делать. Если вообще можно что-то сделать.

– Поговорим обо всем завтра, – подытожила Шири.

Пожелав друг другу приятных сновидений, пары разошлись по своим спальням. Но Эфрат могла с уверенностью сказать, что приятными эти сны не будут. Какое-то странное предчувствие преследовала ее с самого начала этого пути. И ни видимое благополучие немецкого пригорода, ни нежная улыбка Рахмиэля не могли отвлечь ее от этих мыслей. Все было как-то иначе. Снова этот запах, как будто отступающий в присутствии других и возвращающийся, стоит ей остаться наедине со своими мыслями. По началу легкий и едва заметный, но с каждым вдохом все сильнее сжимающий тебя, дурманящий цветочный шлейф, который тащит все глубже и глубже, назад во влажную от твоей собственной крови землю, назад под деревянную крышку, заколоченную над твоей головой пока ты еще была жива.

Эфрат не знала, удалось ли кому-то из ее храма выжить в ту ночь. Она вообще мало что помнила с того времени, кроме постоянной ноющей боли во всем теле и жажды. Буквальной жажды, горло постоянно пересыхало, от чего боль только усиливалась, и постоянно хотелось есть, постоянный голод. Он не прекращался до тех пор, пока она не решила, что с нее хватит. И тогда она впервые увидела свое отражение в поверхности ночного озера. Любого другого это зрелище заставило бы закричать, но ей не впервой было видеть чудовищ по ту сторону зеркальной поверхности. Да и не было в ее

бледном худом лице ничего чудовищного. И даже засохшая на коже кровь не внушала ей страха, этот вид открывался ей не в первый раз. Она заглянула в собственные глаза и отражение начало растворяться, теряя очертания, и вот уже перед ней была не озерная гладь, а мерцающее звездами ночное небо, манящее и холодное. Тогда она закрыла глаза, чтобы через какое-то время снова их открыть. Перед ней снова было ее отражение. Она зачерпнула воды, чтобы умыть лицо. Теперь ей надо было вернуться в опустошенное поселение, чтобы забрать то ценное, что там еще осталось. Ей предстояло найти новый дом, а для этого даже ей потребуются деньги, по крайней мере, если она хочет спрятаться без лишнего шума.

– Где ты? – голос Рахмиэля вернул ее в момент настоящего. Как раз вовремя.

– Я здесь.

– Если бы ты видела себя со стороны, ты бы тоже поняла, что это не так.

Она повернулась к нему.

– Послушай, – Эфрат прижала ладонь к его лицу, – все в порядке.

– Но тебя ведь беспокоит происходящее с Гедальей?

– Это так. Но, во-первых, это не моя проблема, во-вторых, тут мы и правда ничего пока не можем сделать. И наконец,

он не понравился мне в самом начала, а сейчас нравится еще меньше.

– С чего вдруг?

– Все подобные ему в абсолютном большинстве случаев ублюдки, и он, похоже, не исключение.

– Откуда такие мысли?

– Как я понимаю, он с Шири ради денег и бессмертия.

– Мой милый смертный мальчик, – рассмеялась Эфрат, – посмотри на меня. Каждый, кто со мной заговаривает, делает это чтобы залезть ко мне в трусы. А лучше и в трусы, и в кошелек.

– Я сейчас в другую комнату спать пойду ...

– Я к тому, что сам посуди, когда люди относились нормально к тем, у кого что-то есть? Я переодевалась в мужчину не только для развлечения, но и для того чтобы меня банально оставили в покое, – Эфрат грустно усмехнулась, – какое-то время у меня даже были друзья. Но ты прав, абсолютное большинство таких как они – ублюдки. А конкретно с этим происходит что-то такое, чего ни я, ни Шири пока не понимаем.

– Мне кажется, с тобой тоже что-то происходит, – он прижал ее ладонь к своим губам и посмотрел на нее.

– Ты слишком мало времени провел рядом со мной, чтобы понимать, что и когда со мной происходит.

– Я просто стараюсь о тебе заботиться.

– Заботиться? – рассмеялась она, – я едва не убила тебя,

забыл?

– Я сам к тебе пришел, забыла? – он поцеловал ее руку, – Эфрат...

– Что?

– Я люблю тебя.

– До конца это недели – точно, – она закатила глаза и отвернулась от него, – спи, человек.

– Я даже не знаю, считать ли себя отвергнутым. При том, что мы все еще в одной постели.

– Считай себя недоеденным.

– И ведь не поспоришь, – тихо рассмеялся он, обнимая ее. – Кстати, есть в постели очень распространенная привычка ...

Шири не пошла спать. Вместо этого, она сидела в темноте своей комнаты и смотрела на убывающую луну. Ее свет оживлял все вокруг, будто бы вдыхая в мир жизнь, выжженную за день лучами солнца. Окно было открыто и по комнате разливался тягучий аромат цветущего боярышника. Ведьмы говорят, что только в ту пору, когда цветет боярышник в мир возвращается настоящая любовь, в это время луна и солнце прекращают надуманную вражду и создают в мире что-то, чего не было прежде. Ей не хотелось ни с кем делить свои размышления, но она уже знала, что в комнате не одна.

– Тебе не обязательно так волноваться, он просто человек.

Найду другого, если что, – она не повернулась, когда Эфрат неслышно перешагнула порог и встала за ее креслом, положив руки ей на плечи.

– Да я просто не могу уснуть, – отозвалась Эфрат.

– Он стал каким-то другим. Отстранился, меньше разговаривает, хотя все также неизменно заботлив. Иногда даже чрезмерно.

– Может быть он просто слишком часто разговаривает с кем-то другим? – предположила Эфрат.

– Ты имеешь в виду, – Шири повернулась к ней, – а, да, я знаю про его «девушку», – с нотой легкой иронии произнесла Шири.

– Что смешного в том, что кто-то ведет себя как скотина? – Эфрат села в кресло рядом с Шири.

– Я думаю, это нормально. Он ведь меняется. Ему нужно что-то привычное и знакомое, чтобы за это держаться. Даже если это «что-то», дама средних лет, в отношениях с которой он принимает решения, а она говорит, какие.

– Пума на вольном выпасе! Запирайте свои дома и мужчин до тридцати! – Расхохоталась Эфрат. – Прости, прости, это было грубо. Допустим, что он и правда меняется, только вот, в какую сторону? Что если он не выдержит этого?

– Это возможно. Но это никак не объясняет, почему отметины выглядят как свежие, Эфрат огляделась по сторонам, – что это за запах?

– Боярышник. Ты не заметила его, когда вы подъезжали?

– Не обратила внимания. Опять цветы, – Эфрат подняла руки, чтобы убрать волосы с лица.

– Что не так с цветами?

– Нет, все в порядке, – она села на край стоящей рядом кровати, – просто что-то странное происходит в последнее время. Как будто я слышу эхо очень далекого прошлого.

– Время циклично. К тому же, только материя нуждается во времени, все остальное может спокойно обходиться без него, может быть, это как раз тот случай? – Шири повернулась к ней, в отсутствии солнечного света волосы Эфрат переставали сиять золотом и становились почти черными, и сейчас они змеями ползли вниз по белой кружевной рубашке.

– Я понятия не имею, что это, мне не доводилось раньше с таким сталкиваться, – ответила она.

– Тогда, может быть, стоит спросить у тех, кто должен знать ответы?

– И что мы скажем? Что у тебя заболел домашний питомец, а мне повсюду слышится запах цветов?

– Нет, мы скажем, что этот сэндвич испорчен и потребуем установить личность поставщика, – рассмеялась Шири,

– В точку, и еще потребуем научить нас готовить, чтобы избежать таких казусов в будущем, – Эфрат ухмыльнулась.

– Ну, я уверена, они с этим справятся. Так что, поедем?

– Конечно, у нас ведь тут зреет риск быть обнаруженными, а не только шальные сэндвичи. Старейшины пусть

и не будут в восторге, но их суждения точно не будут при-
страстны, – Эфрат сделала паузу, – в конце концов, они за-
ботятся лишь о нашем общем процветании.

– А твои друзья? Они там будут? – поинтересовалась Ши-
ри.

– Какие друзья?

– Ну хотя бы тот загадочный мужчина с огненными воло-
сами и янтарными глазами, которого ты оставляла присмат-
ривать за Рахмиэлем? – ответила Шири.

– Надеюсь, что нет, – вздохнула Эфрат, – я не видела его
во плоти столетие с чем-то и, признаться, еще столько же бы
не видела.

– Однако. Он показался мне довольно интересным. По
крайней мере на портретах.

– У меня есть и другие, не менее интересные друзья, –
отозвалась Эфрат.

– Как капитан кровавых морей, например? – спросила
Шири.

– Да, как он, например, – глаза Эфрат засияли, – волшеб-
ные были времена. Я была бы рада снова увидеть Овадию.

– Учитывая, куда мы направляемся, я думаю, это почти
неизбежно, – сказала Шири.

– Или, по крайней мере, весьма вероятно, – согласилась с
ней Эфрат, – А если серьезно, что будем делать? Мы же не
можем явиться к Старейшинам с пустыми руками и вопро-
сами.

– Для начала будем экспериментировать. Укусишь его еще раз.

– Отлично! Давай его добьем. Ты об овцах своих думаешь? Вдруг они начнут отставать в развитии?

– Ты же музыкант, подменишь его ненадолго, – смеялась Шири.

– Хорошо, но если они захватят Австрию, я отказываюсь нести ответственность.

– Конечно, ведь в таком случае мы будем изо всех сил уносить ноги.

– Еще бы! У нас не то, чтобы большой выбор, если мы хотим сохранить нейтралитет, – поддержала ее Эфрат.

– Швейцария, мы идем! – продолжала смеяться Шири, – Уф. Так что, как ни старайся, а все пути ведут в страну Возрождения.

– Тогда мы можем отправиться в путешествие. Только надо вернуть Рахмиэля домой.

– Зачем?

– Ему надо учиться.

– О, как это трогательно, – умилилась Шири, – а еще несколько дней назад ты швыряла его через всю комнату.

– И я постоянно борюсь с желанием это повторить.

– Да? – Шири продолжала смотреть на нее с нежной улыбкой, – кто бы мог подумать... а ты не боишься, что он сбежит? Со всеми твоими и нашими тайнами? Он знает, кто ты, он знает, где ты живешь и теперь знает, где живу я.

– Вот именно, он знает, кто я, а потому будет молчать.

– Справедливо. Поедем завтра или ты все же хочешь отдохнуть?

– Да. Я хотела бы немного времени провести в покое, – ответила Эфрат, – к тому же, мы должны проверить твою теорию.

Шири продолжала молча улыбаться, касаясь губ острым красным ногтем.

– Хорошо, тогда завтра поедем в поля, мои питомцы будут счастливы новой компании. А твоему карамельному спутнику не помешает прогуляться.

– Я думаю, его это не напугает. Оказывается, он впервые увидел меня в загородном доме своих родителей.

– Не поняла? Увидел тебя? – переспросила Шири.

– Мой портрет. Один из них, – ответила Эфрат, как будто пытаюсь снова осознать то, о чем говорит.

– Да, я тоже видела парочку. Именно так я и вышла на твой след.

– Похоже, что скоро у меня могут возникнуть проблемы, – Эфрат очень не хотелось пускаться на охоту за всеми своими живописными изображениями, столь самостоятельно перемещающимися в пространстве.

– Тот, что видела я, сейчас именно там, куда мы собираемся. Кстати, ты чертовски привлекательный мужик, – Ши-

ри снова заулыбалась.

– О, да. Я просто огонь, – ухмыльнулась Эфрат в ответ, – дай угадаю, портрет купил мужчина?

– А то... редкая женщина способна по достоинству оценить столь очевидную красоту. Впрочем, я уверена, в твои глаза на этом портрете будет заглядывать только тот, кто его приобрел. Этот человек невыносимый собственник. Что до остальных, тебе не кажется, что твои тревоги напрасны? – предположила Шири, – Тебе это только на руку, скажешь, что это твои предки, а ты – особа благородных кровей.

– Идея мне нравится. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Тогда начнем! Пошли, – Шири поднялась с кресла и жестом пригласила следовать за ней.

– Что, вот прямо сейчас?

– А зачем ждать? К тому же, ты должно быть проголодалась, – ответила Шири, устремившись вперед, к комнате, где оставила спящего Гедалью.

Они вошли в комнату. Гедалья не спал, также как и Шири до этого, он сидел в кресле у окна и наблюдал за движением лунного света в пространстве комнаты. Нельзя было сказать, видит ли он что-то в этом свете.

– Ты же помнишь, что если ты их видишь, они тебя тоже видят? – спросила Шири, остановившись на пороге.

– Я ничего и никого не вижу. Только какие-то смутные движения, – ответил он.

– Это уже неплохо. Люди вовсе не так одиноки в этом мире, как хотят думать, – она подошла к нему и провела рукой по волосам.

– Не нужно быть чем-то больше человека, чтобы понять, зачем вы пришли, – Гедалья расстегнул манжет рубашки и протянул руку Эфрат, которая появилась в комнате, как всегда, не выдав себя ни единым звуком.

Эфрат подошла ближе и с комфортом расположившись у него на коленях приняла предложенное угощение. Одно мгновение и ее рот начал наполняться теплой и густой жидкостью, она плотнее прижала его запястье к губам и если бы кто-то смог разглядеть в темноте ее глаза, то увидел бы как тьма заливала их светло-зеленый взгляд, постепенно превращая в угольно-черный.

Шири наблюдала за происходящим со свойственным ей равнодушием. В действительности, ее куда больше занимало происходящее с самой Эфрат. Когда Шири смотрела на людей, они в большинстве случаев представляли из себя довольно блеклое зрелище, время от времени они вспыхивали красными огоньками ярости, редко мерцали радугой влюбленности, и еще реже светились, хотя бывало конечно. Как правило, чем ярче человек сияет, тем дальше он живет от других людей и тем более уединенный образ жизни ему при-

ходится вести, ведь всем захочется оторвать кусочек счастья, хотя бы просто потому чтобы не резало глаза. Сияющих людей Шири предпочитала не трогать, все-таки, им удалось стать разумными существами. Но совершенно другое дело увидеть нелюдя, кем бы он ни был. Всякий раз это был настоящий водоворот красок, даже вампиры, принадлежащие к разным кланам, светились по-разному. Все, кроме Эфрат. Она как будто поглощала все окружающее ее пространство. Вот и сейчас Шири с восторгом наблюдала, как угасает вокруг ее подруги лунный свет, постепенно проваливаясь в чернеющую бездну.

Но пришлось прекратить любование, когда Эфрат оторвалась от запястья Гедальи, что само по себе также было зрелищем, дарящим наслаждение.

– Я вижу, он пришелся тебе по вкусу, – Шири перехватила руку Гедальи, как раз когда он собирался опустить рукав, – посмотрим, оставила ли ты мне что-нибудь.

Среди людей бытует поверье, что если пить из одного бокала, можно все узнать друг о друге. Ни Шири, ни Эфрат никогда об этом не слышали, но безусловно о чем-то таком догадывались.

Глава четвертая. Перед разлукой

Погода и не думала менять избранный курс, все было в точности, как они хотели: пасмурное небо, холодный ветер и постоянная угроза дождя. Последний раз, когда Эфрат доводилось украшать собой подобный пейзаж, она гналась за очередной жертвой и, само собой, только один из них теперь может рассказать эту историю. Сидя на заднем сиденье джипа, невозмутимо игнорирующего дорогу и даже ее отсутствие, Эфрат молча сокрушалась о несправедливости жизни и напрасной трате маникюра.

– Ты бы нашла повод для недовольства в любом случае, здесь или дома, – Шири посмотрела на нее через зеркало, достаточно современное, чтобы улавливать отражение всех присутствующих.

– И мы бы в любом случае это слышали, – в тон ей отозвался Гедаля.

– Я ни на что не намекаю, но категорически возмущен вашей неспособностью сострадать. Мне же потом расплачиваться за все, что вы сегодня скажете. За что вы меня ненавидите? – Рахмиэлю досталась редкое удовольствие разделить с Эфрат заднее сиденье.

Смеялись все. Кроме Эфрат. Джип пробирался все дальше в не затронутые цивилизацией и асфальтированными дорогами просторы Баварии, и вскоре они остановились. Пе-

ред ними простиралось ничем не примечательное поле с зеленой травой. Укрытие в тени деревьев маячило вдали, если вам захочется прогуляться с пол часа, а то и больше. Шири заглушила мотор и лениво потянулась: настало время поступиться комфортом ради новых впечатлений вместе.

– Я протестую! Это насилие над личностью! – Первые слова Эфрат перед высадкой ничем не отличались от последних перед посадкой.

– И действия аграрного характера. – Рахмиэль подал ей руку, помогая выбраться из машины.

– А мы переживали, что наш мальчик из частного университета будет кричать громче всех. – Шири уже вылезла из джипа и ждала, пока Эфрат окончательно примирится с реальностью.

– Мне нравится смена обстановки. – Рахмиэль обнял все еще недовольную своей судьбой Эфрат, и все четверо устремились в поля. Пятеро, считая молчаливый протест Эфрат.

– Вы серьезно? Пикник? – Эфрат опустила темные очки, чтобы как можно более отчетливо увидеть своих спутников, расстилающих на траве плед.

– Ну да, не вижу причин не пить с утра. – Шири жестом пригласила ее сесть рядом, а затем постучала рукой по стоящей рядом плетеной корзинке.

– Раньше для нас бы все подготовили слуги, но, согласись, в самостоятельности есть что-то особенное. – Шири еще не успела договорить, а Гедалья уже достал бокалы и передал

Рахмиэлю бутылку вина. – Присядь уже, твоя одежда, за которую ты так эффектно волнуешься, и то спокойнее воспринимает происходящее.

– Кто знает, вдруг она сбежит, едва коснувшись земли, – ответила Эфрат нерешительно ставя ногу на плед.

– Тогда мы все проводим ее аплодисментами. – Рахмиэль протянул ей наполненный бокал.

– И даже выпьем за то, чтобы она безопасно добралась... куда бы она ни стремилась. – Гедалья, в свою очередь, передал бокал Шири.

– Ладно, уговорили. – Эфрат наконец присоединилась к обществу. Она взяла из рук Рахмиэля бокал, и села на плед, скрестив ноги. Последним она нанесла тяжелую моральную травму всем поклонникам Джимми Чу.

– И долго мы планируем здесь сидеть? – спросила она, наконец сделав глоток вина.

– Пока они не придут, – ответила Шири.

– Они? – переспросила Эфрат.

Шири ничего не ответила и только скрыла улыбку за бокалом вина. Минуты шли медленно, но превращались в часы довольно быстро. Первая бутылка вина давно закончилась, а вторую открывать пока не хотелось, и друзья развлекали друг друга разговорами.

– Итак, мы ожидаем некоего пришествия, – начала Эфрат, уже лежащая головой на коленях Рахмиэля, – когда оно произойдет и произойдет ли, мы не знаем. Тут все согласно

канону. Но есть и то, что недопустимым образом от канона отклоняется.

– Что же это? – поинтересовалась Шири.

– Знаменья, – ответила Эфрат. – Те самые, которые возвестят долгожданное пришествие и избавят нас от мук бесцельного и потенциально бесконечного ожидания.

– Ну, что тут скажешь. – Шири вздохнула и обратила взгляд к горизонту, на котором за все это время не произошло никаких изменений. – Тут непросто. Это как с богами, иногда их ждешь напрасно.

– Я этого не потерплю! – воскликнула Эфрат и тут же рассмехалась. – Когда это нам приходилось ждать богов напрасну? А уж им нас – тем более. И все же, если ваше пришествие не состоится в ближайший час и через еще одну бутылку вина, я перестану сопереживать вашему таинственному пантеону.

– Кстати, о сопереживании... – Шири всегда находила игру слов интересной забавой. – Гедалья, дай мне руку.

Гедалья, сидевший за ее спиной, протянул ей руку, ту самую, которая была в центре внимания обеих дам минувшей ночью. Шири расстегнула манжет его рубашки, черной, под цвет ее платья. Запястье было таким же гладким, как если бы вчера ночью ничего не случилось.

– Любопытно, – задумчиво произнесла Шири.

– Не то слово, – отозвалась Эфрат.

– Что изменилось?

Эфрат ничего не ответила, только посмотрела на Рахмиэля, который никак не отреагировал на ее внимание, хотя он и был той самой единственной переменной, отличающей первый укус от второго.

– У меня есть идея. – По голосу Шири было очевидно, ей только что пришло в голову то, что она собиралась сказать. – Рахмиэль, не будешь ли ты так любезен наполнить мой бокал?

– Мне открыть вторую бутылку? – уточнил Рахмиэль.

– Нет, – ответила Шири.

Он на секунду замер, а затем спокойно закатал рукав черного логнслива.

– Осторожнее, это мой любимый Gucci. – Эфрат, постарайся ничем не выдать непонятно откуда появившихся эмоций.

– Я знаю, я же вытащил его из твоего чемодана, – равнодушно ответил он.

– Не волнуйся так, – Шири снова смотрела на Эфрат с улыбкой, – с ним ничего не случится. Что поделаешь, если этот смузи такой вкусный?

– Я помогу тебе. – Эфрат постаралась реабилитироваться, придав как можно больше безразличия своему голосу. Перехватив его руку, она поднесла запястье к губам и прокусила кожу, глядя Шири прямо в глаза. Движение было таким быстрым, что сложно было уловить, что случилось. Затем она протянула руку к бокалу и поднесла его к запястью

Рахмиэля.

– Много не нужно, – сказала Шири, когда кровь закрыла дно бокала. – Это не более, чем догадка.

Эфрат снова поднесла запястье Рахмиэля к губам. Шири забрала у нее бокал, наблюдая за тем, как Рахмиэль прижал пальцы к лицу Эфрат, очевидно наслаждаясь тем, что она делала.

– Пей. – Шири протянула Гедалье бокал.

– Что, прости? – Он не понимал, шутит Шири или говорит серьезно.

– Пей, я сказала. Наш чудо-мальчик явно чем-то отличается от всех прочих, а значит, есть основания попробовать все возможные варианты, – настаивала Шири.

– Я надеюсь, этот вариант будет первым и последним, – ответил Гедалья.

Ему ничего не оставалось делать, кроме как повиноваться. Все, кто когда-либо испытал на себе магию вампирской крови, навсегда оказывались под воздействием ее чар. Подобно тому, как влюбленный повсюду следует за своей возлюбленной, с радостью и по доброй воле, тот, чьих губ коснулась древняя кровь, был счастлив следовать за ней повсюду. И пусть секунду назад предложение Шири отнюдь не показалось Гедалье заманчивым, теперь он уже держал бокал в руке и был готов выполнить просьбу Шири.

Рахмиэль не отрывал взгляда от Шири, и ему, казалось, не было никакого дела до происходящего рядом, как если бы

весь мир кроме них двоих вообще перестал существовать.

Гедалья поставил опустевший бокал на землю.

– Вкусно? – усмехнулась Шири.

– Ничем не отличается от любой другой человеческой крови, – ответил Гедалья.

– Какие широкие познания, – она поджала губы. – И тем не менее, единственное, что отличало первый укус от второго – присутствие Рахмиэля. – Шири со спокойным интересом наблюдала за происходящим рядом.

– Не старайся, – неожиданно спокойно отозвался Рахмиэль, повернувшись к Шири, – Мне нет смысла скрывать свои мысли, как и то, что мне отлично известно, где именно была Эфрат этой ночью и чем занималась.

– Ты снова не спал? – тихо спросил Гедалья.

– Снова? – Эфрат медленно повернула голову в сторону говорившего.

– А вот и знаменья... – Шири потянулась ко второй бутылке вина.

– Так, потрудись, пожалуйста, объяснить. – Эфрат снова села, скрестив ноги и вопросительно посмотрела на Гедалью, протягивая свой бокал Шири, открывающей бутылку.

– Что тут объяснять? Когда ты сидела на его кровати и с нежностью смотрела на него как на вечерний аперитив, он вовсе не спал и прекрасно понимал, что происходит.

– Какие занимательные подробности. – Шири разливала по бокалам вино. – Я восхищаюсь вашей способностью хра-

нить секреты малыми группами.

– Это коллективная способность всех присутствующих. – Эфрат взяла свой бокал и сразу сделала глоток. – Должны же мы как-то развлекать друг друга.

– Развлечь ближнего своего – проявление истинной заботы со стороны бессмертного, – отметила Шири, протягивая бокал Рахмиэлю.

– Благодарю. – Он принял бокал, наполненный темно-красной жидкостью, и сделался, казалось, равнодушен ко всему происходящему.

– Зачем? – теперь Эфрат тоже смотрела на Рахмиэля. Который, судя по выражению его лица, не собирался отвечать.

– Да ну что тут думать, он просто хотел понять, почему еще жив и чего от тебя ожидать. – Шири своим примером продемонстрировала, что означает «убить интригу».

– После того, как тебя чуть не убили, это вполне нормальное желание, – парировал Рахмиэль, не забывая уделять внимание вину.

– Только меня смущает факт употребления алкоголя несовершеннолетним? – спросила Эфрат, последовав его примеру.

– Это единственное действие, которое тебя смущает в исполнении этого несовершеннолетнего? – рассмеялся Гедалья, за что тут же получил от Шери шлепок по затылку.

– «В» – вежливость, – прокомментировала она. И пока собеседники собирались с мыслями для достойного ответа,

Шири поднялась и присмотрелась к горизонту, который начал неожиданно меняться, то ли под воздействием ее взгляда, то ли по какой-то другой причине. – А вот и они!

Горизонт неумолимо надвигался на них. При ближайшем рассмотрении можно было различить отдельные самостоятельные облака. Так или иначе к ним приближалась целая плюшевая армада. Эфрат не отличалась познаниями в овечьей физиогномике, но вне всяких сомнений, эти овцы были чертовски счастливы.

– Я слышала, что вторые девятнадцать не похожи на первые, а третьи не похожи на вторые. Что думаешь? – Краски позднего вечера преобразили гостиную баварского особняка, превратив ее в уютное гнездо для секретов, раскрытых, но пока избегающих публичной огласки.

– Тебе виднее, – ответила Шири, – но ты можешь спросить у того, кто переживает свои первые.

– Могу, но ему-то откуда знать? Он едва их пережил.

– Ночь только началась, вдруг ему повезет.

– Еще больше, что ли? – Эфрат рассмеялась и откинулась на спинку кресла.

– Мне кажется еще один эпизод везения, и нам не надо будет никуда ехать, они придут сами.

– Я понимаю, что ты шутишь, но мне кажется, они уже так близко, что тоже могут оценить твой юмор, – ответила

Эфрат.

– Да, я слышу. – Шири перестала улыбаться. – И мне кажется, что Гедаля их тоже слышит.

– Он тебе говорил об этом?

– Нет, но он очень изменился за последнее время. Молчит, редко улыбается, плохо спит.

– Он же живет с тобой! Тут не до сна. – Эфрат посмотрела на подругу испытующе.

– Да дело не в этом, – покачала головой Шири, будто не заметила сарказма, – он был другим, когда я только нашла его. Много смеялся, его забавляла вся эта обстановка, что бы я ни предложила, он тут же соглашался, едва дослушав. А сейчас он просто ждет, что я скажу, что ему делать, и мне кажется, его совсем не волнует, что это будет.

– Конечно, ты же даешь ему свою кровь, он скоро и молиться на тебя начнет. К тому же, он находится в постоянной опасности быть растерзанным вырвавшейся на свободу пумой, – старалась снять напряжение Эфрат, – Он же человек, опомнись! Люди давно разучились плавать, а для его маленького сознания встреча с тобой – это целый водопад, и он уже ушел под воду. Откуда в человеке возьмется такая волшебная способность как умение контролировать себя?

– Мне казалось, он отличается от прочих, – вздохнула Шири.

– Может быть, ты и права. Но этому отличию есть предел. А когда люди достигают собственных пределов, они хотят

уничтожить всех, кто за эти пределы вышел. Хотя, таких и людьми толком называть нельзя, ведут себя как животные, – Эфрат сделала глоток вина, – хотя больше ресурсов, чтобы потом оставить после себя как можно меньше.

– Однажды, в одном из моих снов, я встретила с кем-то, кто сказал мне, что такие, как мы, оставляют мир лучше, чем он был до их прихода.

– Я уже слышала эти слова однажды, – откликнулась Эфрат. – От тех, кто рассказывал мне, что животное просто поглощает ресурсы и соперничает с другими животными, чтобы оставить как можно больше копий себя и как можно более высокого качества. Человек же заслуживает называться человеком, только когда делает мир лучше, чем тот был до его прихода.

Шири посмотрела на подругу вопросительно, но предпочла ничего не говорить, она знала, что бывают истории, которые рассказывают только если сами того захотят. Взгляд Эфрат снова ушел куда-то за пределы ночи и времени.

– Мне тогда казалось, что мир так чертовски сложен. Каждый день был расписан по минутам, все надо было делать так, как говорят, и тогда, когда говорят, не иначе. Я ненавидела это. Конечно, я понимала, что от наших действий зависит жизнь и благополучие всей страны, но...

Эфрат замолчала. Шири не торопила ее – перед ее внутренним взором пролетали дни и ночи за стенами древнего храма, она видела, как Эфрат, еще совсем подросток, убегает

ет вместе с остальными младшими жрицами куда-то, где их не найдут старшие, чтобы посмеяться над ними и просто надышаться воздухом мнимой свободы. Старшие всегда знали, где они прячутся, но как всякие мудрые правители, позволяли детям думать, что это не так.

Она видела, с каким старанием Эфрат собиралась для очередного ритуала, как тщательно готовила помещение, и как за ней время от времени наблюдали старшие. А еще она чувствовала счастье – если что-то и наполняло этот работающий, как часы, храм, то это было именно оно. Да, всегда находились слабые, неспособные откликнуться на зов своей силы, для них жрицы были просто избалованными бездельницами, красавицами, которым просто повезло. Но всякий, кто чего-то добился, знает, что никакого везения не существует. Совсем как магии.

– И тем не менее, я была счастлива. Даже когда после долгого дня болело тело, даже когда оно ломалось под давлением силы, не было ничего лучше того, чтобы день изо дня быть на связи с... – Эфрат осеклась и прикусила губу.

– Сила выбрала тебя, а ты – ее, это всегда двусторонний договор. Кто знает, понравилось бы тебе из жизни в жизнь возвращаться в храм? Хотя, – Шири на секунду задумалась, – я уверена, ты была бы в восторге. – Шири встала и подошла к бару, откуда прошлой ночью Гедаля доставал вино, поставила перед собой два бокала и наполнила их

красным вином.

Какое-то время они просто молча наслаждались напитком. Затем Шири заговорила, медленно и негромко.

– Когда мы уехали, я заметила, что раны на его шее не заживают. Сначала я подумала, что это из-за того, что он устал, нужно просто немного отдохнуть, набраться сил, и все будет отлично. Но потом прошла неделя и ничего не изменилось, кроме его состояния. Я прочла его мысли, прости. – Она поймала взгляд Эфрат. – Все-таки, он мой.

– Это тебе помогло?

– Нет, кроме того, что единственной переменной в двух случаях был Рахмиэль. Я не говорила тебе, но когда ночью после приема ты вышла из комнаты, оставив его лежать на полу, он был в сознании.

– Это невозможно, – отмахнулась Эфрат.

– Но факт. Вспомни, сколько могли это сделать после того, как их осушили и пропахали ими половину дома.

– Ни один.

– А этот смог не только выжить, но и открыть глаза... – Шири задумчиво посмотрела на нее.

Эфрат молчала. У нее не было ответа. Зато она знала, у кого он есть, и Шири тоже это знала.

– Мы не можем поехать сразу. Ему надо хотя бы неделю провести в университете, – Эфрат нарушила молчание первой.

– Что, прости?

– Рахмиэль должен жить обычной человеческой жизнью, – пояснила Эфрат, сделав вид, что не заметила сарказма в голосе собеседницы.

– А, университет. Образование. Жизнь обычного человека. Понятно, – Шири не смогла сдержать улыбку. – А тебе, наверное, надо музыку писать? Или как ты там свои музыкальные альбомы создаешь?

– Когда как, иногда сама, иногда доверяю это кому-то, кто может создать для меня то, что будет продаваться. Но сейчас ты права, мне действительно надо быть в студии. А отправиться в поездку мы можем и позже.

– Значит, вы возвращаетесь назад вместе?

– Получается, что так. Людям нужна их человеческая жизнь, по крайней мере, первое время. Иначе они начинают болеть и чахнуть, – подвела итог Эфрат.

– Я попрошу Гедалью отвезти вас в аэропорт. Ты должна насладиться красотами Баварии, прежде чем снова услышать биение сердца Европы.

– Как скажешь, я с удовольствием. Кстати, как Гедалья? Человеческая кровь ему помогла?

– Не знаю, – ответила Шири, – я не проверяла.

– Так давай проверим?

– Давай, – Шири достала из кармана телефон и набрала короткий текст.

Через несколько минут на пороге появились Гедалья и Рахмиэль.

– Гедаля, подойди, – с улыбкой сказала Шири.

Он пересек комнату и опустился на пол возле ее кресла.

– Покажи шею. – Шири мягким движением наклонила его голову набок. Какое-то время она рассматривала ставшую почти гладкой кожу. – Любопытно. Посмотри, – обратилась она к Эфрат.

Та сидела напротив и снова не произнесла ни слова. Что, впрочем, не означало, что происходившее ее не занимало, просто она реагировала не телом, а сознанием. И Шири прекрасно это понимала.

– И что мы будем с тобой делать, красавчик? – Это был риторический вопрос, Шири знала, что будет делать. – Ладно, потом разберемся. Тебе нужно отвезти наших гостей в аэропорт. Хотя, – она на мгновение задумалась, – знаете что, поехали все вместе.

– В этом нет необходимости, – вернулась в разговор Эфрат. – Только если ты не хочешь разделить со мной наслаждение красотами Баварии.

– Поэтому мы и едем вместе, пойду переоденусь и можем выезжать. – Шири поднялась с кресла и вышла из комнаты, Гедаля последовал за ней.

– Я тоже буду молча следовать за тобой, стараясь угадать каждое твое желание? – спросил Рахмиэль через какое-то время.

– Нет, если не будешь пить мою кровь, с тобой такое вряд ли случится.

– Давай предположим, что я справлюсь и так. – Рахмиэль пересек комнату и опустился на колени возле Эфрат.

– Да, оказывается, ты не только с этим можешь справиться. – Она посмотрела ему в глаза, но ее взгляд был пуст, как если бы она сейчас была очень далеко от гостиной в небольшом особняке в Баварии.

– Послушай, – он положил руки ей на колени, – наше знакомство началось довольно бурно и у тебя не то, чтобы репутация самого разумного и уравновешенного человека во всем мире, так что...

– Да, я знаю. – Взгляд Эфрат был все таким же.

– Эй, вернись, – он мягко погладил ее колено, – где ты там витаешь?

– Я здесь, – ответила Эфрат, но все осталось по-прежнему.

– Понятно.

Его руки скользили выше по ее ногам, увлекая за собой тонкий шелк ее платья. Кожа Эфрат была чуть холоднее, чем можно было ожидать, но не слишком холодной, чтобы что-то заподозрить при случайном прикосновении. Рахмиэлю всегда нравилось ее касаться, потому что всякий раз это возвращало его в ту ночь в доме Эфрат, когда он впервые увидел собственными глазами, как она скользила между гостями, искренне наслаждаясь происходящим, ведь все было сосредоточенно вокруг нее. Тогда Эфрат смеялась, много улыбалась и вообще, казалась абсолютно счастливой. Как выяснилось, она очень редко так смеялась, зато очень часто ис-

чезала куда-то, как сейчас. А ему так нравился ее смех, и ее улыбка, как если бы они были эмоциональной прелюдией. Наслаждаться чьим-то телом для него было обычным делом, но в этой улыбке всегда было что-то, к чему хотелось возвращаться снова и снова.

Он не надеялся вызвать улыбку Эфрат, ему просто хотелось снова почувствовать ее рядом, потому что когда ее взгляд улетал куда-то за пределы доступные человеческому пониманию, он ощущал холод, а еще, ему становилось страшно. В эти моменты она теряла всякое сходство с человеком и больше напоминала те мраморные статуи, которые обречены на вечную компанию друг друга и назойливых музейных зевак.

– Что там в этом далеком космосе такого интересного? – Рахмиэль прикоснулся губами к ее колену, нежно, едва ощущимо, как первые лучи рассветного солнца касаются еще спящего мира. Его руки скользили все выше, легкая шелковая ткань послушно следовала за ними. – Я согрею твою холодную кожу... – Там, откуда исчезала ткань, тут же появлялись его поцелуи.

– Последняя, кто произнес что-то подобное так же громко, легла в гроб еще живой. – Эфрат положила ладонь ему на голову, утопив пальцы в волосах.

– Да, я смотрел этот фильм, – ответил Рахмиэль, не поднимая головы, – мне понравилось.

Эфрат наклонила голову и какое-то время разглядывая

его, следила за движениями, наслаждаясь нежным движением шелковой ткани и прикосновениями его губ.

– Прогни спину, я хочу видеть твое тело, – чуть хриплым голосом прошептала Эфрат, когда его поцелуи стали влажными и глубокими.

Он на секунду поднял голову, чтобы посмотреть в ее глаза, и послушно выполнил ее просьбу. Эфрат положила ноги ему на плечи, чтобы прижать еще ближе к себе, и запрокинула голову, блаженно улыбаясь.

Взгляд Эфрат тонул в ночной темноте за оконным стеклом. В этой части города было мало огней, улицы редко бывали достаточно освещены, фонари кое-как справлялись со своей задачей, но почему-то местные жители предпочитали не выходить на улицу после наступления темноты. В полицию то и дело поступали заявления об исчезновении людей, но не так часто, чтобы что-то заподозрить. Может быть, полиция не слишком старалась выполнять свою работу, а может быть, потому что Эфрат знала, куда и когда идти, чтобы встретить случайного путника, которого никто не будет искать. Эфрат невольно улыбнулась, когда-то давно она с такими же мыслями постучала в двери одного из борделей Парижа. О, эти спасительные заведения, хозяева которых знали куда больше, чем мог представить рассказать самый одаренный поэт. В тот вечер она не была особенно разборчива, она постучалась в первый, какой нашла по памяти. Хозяй-

ка, выслушав ее пожелания, проводила ее в комнату, где она впервые встретила того, с кем провела в последствии не одно счастливое столетие. Эфрат помнила этот миг как сейчас, он сидел спиной к двери, его огненно-рыжие волосы были убраны в высокую прическу, лицо, отражавшееся в зеркале туалетного столика, было белым от пудры. Кокетливая мушка над алыми губами, шею украшала тонкая нитка жемчуга, острые ногти отражали пламя свечей.

– Я ждал вас, мсье, но не думал, что вы окажетесь так молоды и прекрасны, – его голос звучал выше, чем мог бы, и спокойнее, чем она ожидала.

Эфрат прошла в комнату, подошла ближе к сидевшему у зеркала.

– Вы уверены, что ждали именно меня? – Эфрат не дала себе труда менять голос. Отчего-то ей показалось, что это сейчас неважно.

– *Oui, monsieur.* – Он слегка кивнул и локоны в его прическе пришли в движение. – В вашем кармане лежат два золотых, которые вы бросите на стол рядом с моим безжизненным и обескровленным телом. Вы уйдете и даже не обернетесь. Как видите, да, я уверен.

Эфрат подошла еще ближе и встала у стены, так, чтобы видеть его лицо.

– Откуда у тебя такие невероятные глаза? Они похожи на застывший янтарь.

– Мадам говорит всем, что это искры божественного пламени.

– А что думаешь ты?

– А вы видите здесь бога, мсье? – он обвел взглядом комнату.

Эфрат беззвучно рассмеялась.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Раз. А вас?

– Эфрат, – коротко ответила она, – и не бойся, сегодня ты не умрешь.

Для каждой подобной ночи она выбирала из гардероба один и тот же набор одежды: порванные джинсы, футболку, клетчатую красно-черную рубашку и старые кеды. Многие думают, что охотиться проще всего в короткой юбке и незначительной майке на босу грудь, но это не так. Проще всего охотиться, когда люди уверены в том, что ты маленькая беззащитная девочка, которая спешит вернуться домой и случайно оказалась на пустой, плохо освещенной улице. Эфрат наблюдала за движением ветра сквозь ветви деревьев. Ветер жил в этом мире дольше, чем она, и знал намного больше, а еще он никогда не выдавал ее людям, и иногда ей даже казалось, что он ей помогает. Они давно дружили, ей нравилось, как ветер перебирает ее волосы, а еще он приносил с собой чужие мысли и воспоминания, истории, которые она слушала, когда оставалась одна. Но сейчас Эфрат была не одна.

Рахмиэль спал на кровати за ее спиной. С момента возвращения они не расставались ни на день, и уже порядком друг друга утомили, но это нравилось им обоим. Эфрат повернула голову и посмотрела на него через плечо – она готова была поклясться, что в воздухе чувствуется запах меда. Она подошла к кровати и осторожно, чтобы не разбудить Рахмиэля, присела на край. Чаще всего Эфрат засыпала, отвернувшись к стене, и настойчиво отбивалась от любых попыток Рахмиэля обнять ее, аргументировав это тем, что ей нужна свобода движения. Однажды она перестаралась, и Рахмиэлю пришлось снова пролететь пол комнаты, чтобы в итоге разбить антикварный кофейный столик своим приземлением. Эфрат пришлось заглаживать свою вину, и в ту ночь она впервые уснула, лежа у него на груди. Сейчас она наблюдала за его спокойным лицом и слушала тихое дыхание. В такие моменты, в тишине, которая принадлежала только им двоим, она переставала замечать мир за пределами комнаты, и все вокруг отходило на второй план.

Но пора было выдвигаться: ночь в самом разгаре, и ее будущая жертва уже идет по одной из пустынных улочек ночного города. Эфрат прикоснулась к щеке Рахмиэля, надеясь, что исходящий от нее холод уже стал для него привычным, и сейчас он не проснется. Было что-то успокаивающее в том, что он оставался здесь, и в том, что не задавал вопросов, находя на полу порванную и залитую кровью одежду.

– Спи, любимый, – тихо прошептала Эфрат, наклонив-

шлись над ним, чтобы поцеловать, едва касаясь губами. Затем поднялась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Услышав щелчок дверной защелки, Рахмиэль открыл глаза. Он просыпался каждый раз, когда она уходила. Казалось бы, оставаясь в одиночестве в особняке, продуманном лучше бункера, можно спокойно наслаждаться жизнью. Но все, что занимало его мысли – это ее присутствие, и когда она уходила, становилось по-настоящему холодно. Эфрат настаивала, что у нее холодная кожа и что если он будет постоянно прижимать ее к себе, то так и не сможет заснуть, но засыпать удавалось только прижимая ее к себе. А сейчас оставалось только ждать, когда она вернется, бросит на пол одежду, которую завтра сожжет, и снова окажется рядом, чтобы проспать еще несколько часов до рассвета.

Ночной воздух был особенно приятен летом, ветер рассказывал Эфрат не только истории, он говорил, где и когда окажется ее следующая жертва. Люди называли его ветром смерти, будто он ходит за теми, кого выбрал или кто перешел ему дорогу. И вот сейчас она ускорила шаг, отсчитывая резиновыми подошвами мгновения, оставшиеся ее жертве, которая не заставила себя ждать. Одинокая фигура в тени деревьев, которую не заметил бы случайный прохожий, но Эфрат знала, где и как они прячутся. Опустив руки в карманы, она быстро зашагала по улице и, поравнявшись с фигурой, сделала вид, что не заметила его. Все шло, как она и ожидала: человек вскоре вышел из тени и последовал за ней,

почти не скрывая своего присутствия. Эфрат ускорила шаг, и человек зашагал быстрее. Она знала, что за следующим поворотом направо будет узкая аллея из деревьев, уходившая в сторону от жилого квартала и почти не освещенную.

Эфрат быстро свернула в темноту, шаги за ее спиной замедлились, а затем послышались снова и вскоре перешли в бег. В следующий миг она почувствовала, как руки незнакомца сжались в кольцо вокруг ее тела. Это был ее любимый момент. Сколько самолюбования! Он даже не потрудился ее оглушить, абсолютно уверен, что справится, а может быть, просто хочет, чтобы жертва оставалась в сознании. Обычно Эфрат нравилось оттягивать момент, но сегодня хотелось быстрее вернуться домой, а потому она без малейшего усилия разорвала кольцо сжавших ее рук и развернулась к незнакомцу.

Сквозь ветви деревьев на ее лицо падал тусклый свет. Эфрат с шипением обнажила клыки и одним прыжком бросилась на застывшего человека. Жизнь, теплящаяся в нем, лишь отдаленно напоминала ту силу, которая ее интересовала, но сегодня Эфрат не была особенно голодна. Чаще всего она просто разрывала их тело на несколько кусков и только убедившись, что их кровь не угрожает ей, впивалась зубами в сочное парное мясо. Ей больше всего нравилось отрывать им руки и смотреть как они бегут, заливая пульсирующими потоками крови все вокруг. Тогда она обгоняла их, чтобы заглянуть прямо в глаза. Каждый раз она пыталась увидеть

хоть что-то, но всякий раз не находила ничего. Питаться такой кровью было не только противно, но даже вредно.

Но этот мужчина был другим. И подобный типаж ей тоже был знаком. Они носили дорогую одежду, которую бережно складывали и оставляли в припаркованной неподалеку машине. Где-то в багажнике всегда держали спортивную сумку, ведь никто не сможет обвинить вас в посещении спортзала, особенно если ваша репутация безупречна, а любые сомнения с легкостью разрешаются с помощью разного рода взаимных услуг и дорогих подарков.

Шипение перешло в приглушенный рык, и Эфрат, вцепившись мертвой хваткой в плечи все еще стоящего столбом человека, утопила клыки в пульсации его сонной артерии. С первым глотком крови, Эфрат увидела множество картинок, множество других ночей и других жертв, менее удачливых, чем она, а еще люди, много людей, которые скорее всего будут его искать. Ей даже показалась, что некоторых из этих людей она знает, но это уже не имело значения. Кровь была густой и насыщенной, как и у всех, кто мог позволить себе здоровый образ жизни. Он все еще подергивался в ее руках, но глаза уже закрылись, и его тело начало медленно оседать на землю.

Эфрат разжала руки и позволила телу с глухим ударом упасть. Она присела над ним и запустила руки в карманы куртки, нащупав ключи, вытащила и посмотрела на брелок. Audi. Ей всегда нравились эти машины, особенно их спор-

тивные модели, но сейчас она не рассчитывала увидеть одну из них, ей предстояло найти что-то неприметное.

– Давай детка, поднимаемся. – Она рывком подняла обмякшее тело с земли и закинула его руку на свое плечо – если кто-то их увидит, пусть думает, что она ведет совсем пьяного друга домой.

Но улицы были по-прежнему пустыми. Она вернулась той же дорогой и совсем недалеко от места их первой встречи она увидела темно-синюю Audi.

– Поехали. – Эфрат сняла машину с сигнализации, открыла пассажирскую дверь и закинула тело на сиденье. Надо было вывезти его за черту города. Она села за руль и завела машину, которая вскоре неслышно заскользила по улицам.

Выехав из города, Эфрат прибавила скорости и открыла окно, чтобы снова услышать ветер – вдруг происходит что-то, о чем ей нужно знать. Но все казалось спокойным. Ночь была нежной и прохладной. Свежая жизнь бежала по ее телу, и все чувства обострились.

Машина скользила по дороге в абсолютной темноте, что совершенно не мешало Эфрат, она уже видела кромку озера, которое и было конечной точкой их путешествия. Остановившись на обочине, она вышла из машины, чтобы пересадить остывающее тело на место водителя.

Несколько минут она стояла у края дороги, наблюдая за тем, как темно-синяя Audi медленно скатывается вниз и погружается в воду вместе с незадачливым охотником, став-

шим наконец жертвой. И когда машина окончательно скрылась под водой, Эфрат огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что ее никто не видел. Ночь по-прежнему была тихой и спокойной. Самое время, чтобы вернуться домой.

– Эй... проснись. – Эфрат забралась на кровать, набрасывая на плечи черный шелк халата.

– Я не сплю. – Рахмиэль повернулся к ней. В комнате было темно, только ночь, пробиравшаяся через распахнутое окно, решала, что открывать взгляду, а что спрятать.

– Твоя рука? – Эфрат взглянула на плохо затянувшуюся рану на его запястье, – все не заживает...

– Ты могла бы мне с этим помочь.

– Нет, моя кровь привяжет тебя ко мне навсегда.

– У меня нет возражений. – Он подвинулся к ней и положил голову ей на колени.

– А еще она постепенно начнет лишать тебя воли, – почти безразлично произнесла Эфрат, слышавшая такую просьбу уже в который раз.

Рахмиэль посмотрел на нее.

– Скажи, эти твои ночные вылазки... можно мне сходиться с тобой?

– Не поняла? – в ее голосе послышались металлические нотки.

– Я хочу посмотреть, как ты охотишься.

– Мне казалось, тебе навсегда запомнился этот опыт. – Выражение ее лица начало меняться и, если бы Рахмиэль мог

видеть в такой темноте, он непременно бы это заметил.

– Да, но...

– Но что?

Рахмиэль замолчал. Пусть он не видел ее лица, но по ее голосу можно было понять, что этот разговор лучше не продолжать. Он постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, и начал говорить, тщательно подбирая слова.

– Я люблю тебя...

– Ты уже говорил. – И пусть он ничего больше не сказал, но она уже знала, к чему идет этот разговор.

– Ты бессмертна...

– О, нет. Нет. Не начинай. – Эфрат закрыла лицо руками и запрокинула голову. За тысячу с лишним лет она слышала это примерно тысячу раз.

– Эфрат, – он поднялся и посмотрел на нее, – ты так много для меня значишь. Не отворачивайся, пожалуйста, – он придвинулся к ней ближе, – пожалуйста, я хочу остаться с тобой.

– Что ты, черт возьми, хочешь этим сказать? – Ее взгляд с легкостью раскрыл темноту ночи и добрался до его глаз.

– Я хочу сказать... – начал было он.

– Что пришел в мой дом, надеясь обрести бессмертие? – Эфрат точно не собиралась ждать, пока он ответит, – Вам людям кажется, что ваша жалкая жизнь стоит того, чтобы длиться веками?!

– Эфрат... – Рахмиэль протянул к ней руку, но не успел прикоснуться. В тишине ночи раздалось глухое рычание,

ударом в грудь Эфрат отбросила его в сторону. Обычно он пролетал несколько метров, а потом всегда смеялся, потому что оказывался в диванных подушках или в ворохе одежды, лежащей на полу. Но в этот раз она услышала только звук бьющегося стекла.

Эфрат спрыгнула с кровати и увидела под ногами сияющие осколки. Зеркало над ее туалетным столиком было разбито, и десятки мелких осколков укрывали пол. Ей не составило труда разглядеть тело, лежавшее на полу в обломках стола. Эфрат сделала шаг, чтобы подойти к нему, как тут все ее тело окутал кровавый ветер, запах человеческой крови, которой так много, что сознание, даже такое древнее, как ее, отказывается подчинять себе инстинкты, что еще древнее. Ветер хотел бы утаить от нее хрип и густой плотный звук вытекающей на пол крови. Каким-то непонятным усилием воли ей удалось сбросить с себя этот морок и в несколько шагов преодолеть расстояние между ними. Эфрат опустилась перед ним на колени, каким-то краем сознания понимая, что стоит в его крови, вытекающей из рваной раны на шее. Осколок зеркала величиной с ладонь упал на пол, когда очередной поток крови выплеснулся наружу, вторя ударам еще бьющегося сердца.

– Нет... нет. – Она зажала руками кровоточащую рану, кровь пробивалась из-под ее пальцев, а тело Рахмиэля дергалось в конвульсиях, пока он сам захлебывался собственной

кровью. — Нет-нет-нет, ты не можешь. — Эфрат продолжала зажимать руками рану на шее, хотя отлично понимала, что это не имеет смысла.

Решать надо было сейчас. Она смотрела в его глаза, удивительно ясные, как если бы он все еще был в сознании, и отпустила руки. Кровь заливала пол, касаясь ее ног и согревая холодную кожу. Все это казалось таким нереальным, как страшный сон, как будто, если закрыть глаза, то все вернется обратно, они снова будут сидеть на кровати и спорить о том, чего никогда не случится. Теперь точно не случится.

Эфрат продолжала смотреть в его глаза, ожидая увидеть, как в них постепенно угаснет жизнь. Ее ладони касались пола, она ощущала тепло свежей крови, которая не вызывала сейчас никакого трепета, пустота — вот что заполняло ее сознание. Эфрат сидела неподвижно, глядя в пустоту прямо перед собой, слушая, как сквозь хрип Рахмиэль пытается хватать ртом воздух, как выплескивается кровь из его рта и как затихают его движения. И тут она почувствовала что-то еще. Эфрат медленно перевела взгляд на пол, и увидела, что его пальцы касаются ее ладони. Совсем как тогда, когда они сидели на террасе ресторана возле его университета.

В мгновение в пустоте перед ее глазами возникли проведенные вместе ночи, полные таких же прикосновений, сон в самолете, берлинские клубы, и даже тот момент, которого они все вместе ждали в полях Баварии, когда она погрузила свои пальцы в мягкую овечью шерсть, плюшевую, как он то-

гда сказал.

– Проклятье! – прорычала сквозь сжатые зубы Эфрат и ударила кулаком в пол, от чего кровавые брызги разлетелись во все стороны. Она опустила голову и поднесла покрытую кровью руку к губам, чтобы прокусить запястье, кожа которого тут же покрылась густым багрянцем. – Пей! Давай! – Эфрат прижала прокушенное запястье к его губам, и пусть они уже не двигались, она ждала, пока в его тело вольется столько ее крови, сколько возможно. И снова начала зажимать рану на его шее. Внезапно послышалась тихая музыка. Эфрат обернулась на звук. В нескольких шагах от нее на полу лежала раскрытая музыкальная шкатулка, из нее на пол устремилась тонкая нить жемчуга. Эфрат на мгновение замешкалась, но быстро пришла в себя и снова повернулась к Рахмиэлю.

– Пей. – Кровь на пальцах, зажимавших рану, уже начала запекаться, а значит, кровотечение постепенно останавливалось. – Все закончится, скоро ты снова будешь со мной. Со мной. Вот так.

Теперь Эфрат ясно видела, что произошло: после вчерашней охоты ее сил было вдвое больше, чем обычно, и уступив контроль ярости, она даже не заметила, как отбросила его до самой стены, у которой стоял увенчанный зеркалом стол. Оглядываясь вокруг, она находила взглядом свои украшения, сияющие камни, покрытые теперь алыми брызгами и где-то уже превращающимися в коричневую пленку. Так

Эфрат сидела какое-то время. Без единой мысли, в полной пустоте. Покрытая его кровью. Опять.

Когда рана на его шее начинала затягиваться, она убрала руку и прижалась к его груди, чтобы услышать тихое биение сердца. Оно продолжало биться. Так их и застал рассвет, на полу, в осколках не всегда отражавшего ее зеркала, в луже еще не застывшей крови, и без малейшего представления о смысле происходящего.

– Все будет хорошо, любимый, – тихо проговорила Эфрат, ложась рядом с ним. – Все будет хорошо... – Ее сознание, обычно сильное, сейчас медленно погружалось в забытьё, такое желанное, пусть и вовсе не в тех обстоятельствах, в которых ей бы этого хотелось.

Эфрат открыла глаза. Вкус и запах крови давно перестали казаться чем-то необычным, а вот просыпаться в луже крови, обнимая человеческое тело, ей не приходилось очень давно, настолько давно, что она не смогла вспомнить, когда это случилось в последний раз. На пороге комнаты стояла горничная, за время службы в этом доме повидавшая многое, но не такое.

– Я вызвала вашу обычную службу, Госпожа, – она произнесла это каким-то очень спокойным голосом, – они уже в пути.

– Очень хорошо, – ответила Эфрат, поднимаясь. Ей пришлось сбросить халат и силой отрывать себя от поверхности пола.

– Госпожа, – также тихо произнесла горничная.

– Что?

– Отпустите мальчика. Вы убьете его. И не сможете себя простить, – еще тише проговорила она, отступая к двери.

– Вон! – закричала Эфрат, схватив первое, что попало ей под руку и запустив этим в дверь, которая почти тут же захлопнулась. Обломок стола отлетел от двери и упал на пол.

Глава пятая. Ты должен уйти

В этой комнате не было окон. Как и в некоторых других. Мало кто знал, что эти комнаты существуют, а тем, кто знал, не было никакого дела. У всех в узком кругу ее приближенных имелись свои секреты и особенности, а в таких случаях, если ты хочешь иметь друзей, стоит сохранять нейтралитет по отношению к их тайнам. Это помогало их сообществу держаться вместе уже не первое столетие. Если кто-то нарушает это правило, то его социальная жизнь начинается клониться к закату. Никому не нужны любопытные глаза в доме, единственной крепости, ограждающей власть имущих от стаи стервятников и почитателей.

Эфрат лежала поверх одеяла, укрывавшего его тело. Звук работающей медицинской аппаратуры стал ее новой любимой музыкой – пока аппараты стабильно работали, все было хорошо. Она провела в этой комнате два дня, наблюдая за тем, как ее кровь помогает телу Рахмиэля исцелиться и как преобразует его лицо. Последнее отнюдь не радовало Эфрат. А еще ей было совершенно непонятно, с чего она вдруг потеряла самообладание. Много в этой ситуации было выше ее понимания, начиная с ее собственного состояния. Пусть Эфрат сознавала, что происходит, она не понимала, как такое возможно и зачем. Ведь долгие десятилетия все было просто, шло по одному и тому же сценарию, а глав-

ное, все было ясно. Больше всего на свете Эфрат ненавидела что-то не понимать.

Рахмиэль не приходил в себя уже вторые сутки, по крайней мере, так сказал приходящий персонал, сама она едва ли замечала течение времени. Время поделилось на его более громкий и более тихий вдох, движение пальцев, поворот головы. Это было довольно необычно для Эфрат, чаще всего ориентирами во времени для нее служили более глобальные события: смена правителей, перемена в моде или замена одной социально-преследуемой группы другой, и чаще всего эти изменения происходили одновременно. Ее любимым занятием было наблюдать, как люди, с таким энтузиазмом истребляющие друг друга, находили все новые и новые поводы для этого. То, за что вчера можно было поплатиться жизнью или здоровьем, завтра становилось выражением уточненного вкуса и повсеместно входило в моду. Что-то странное было во всем этом волновом движении категоричности и неприимости, но несмотря на это, Эфрат всегда нравилось следить за тем, как это происходит.

Сейчас все было иначе. Время как будто утратило свою значительность и уменьшилось до размеров комнаты, где они стали двумя стрелками часов, вот-вот рискующих остановиться. Эфрат никогда не испытывала симпатии к людям, это продолжалось так долго, что ей уже начинало казаться, будто она все про них поняла и никаких открытий уже не предвещается. Однако, даже при всей ее непростой истории

взаимоотношений с этой расой, ей удавалось сохранить объективное понимание того, что у людей есть некое предназначение, которое им предстоит выполнить.

Так дальше не могло продолжаться, ведь даже для той, кто привыкла не замечать времени, в этой комнате минуты тянулись невыносимо долго. Эфрат поднялась с постели, посмотрела на неподвижное лицо Рахмиэля и как могла быстро вышла из комнаты.

– Как получилось, что ты начала покровительствовать искусству? – голос Эфрат в телефонной трубке звучал также непринужденно, как и всегда.

– И тебе желаю здравствовать, – ответила Шири, неспешно устраиваясь в широком уютном кресле. – Я никогда не думала об искусстве как о чем-то отдельном от своей жизни. Моя жизнь продолжается в том единственном в человеческом мире, что способно пересечь границу времени и существовать вне него. И если люди способны чем-то заслужить свое право на существование, так это способностью немногих из них создавать подобное.

– А кроме талантливых пианистов, – Эфрат говорила с улыбкой, – кого ты берешь под свое крыло чаще прочих?

– Галереи. Художественные галереи. Не отдельных художников, хотя и это случается, а пространства. Это похоже на возможность дать чему-то настоящему шанс жить в тот момент, когда оно появляется, а не тогда, когда люди наконец-то будут к этому готовы. Последнее чаще всего случает-

ся после смерти автора, и я считаю это чертовски несправедливым.

– Это удивительная слепота. Считать себя венцом эволюции только потому, что они с таким ожесточением уничтожали всех, кто мог бы сделать их жизнь лучше.

– Да, люди совершенно неспособны сосуществовать с кем-то, чье развитие превосходит их собственное.

– Поверь, я это очень хорошо помню, – Эфрат беззвучно усмехнулась и продолжила:

– Как думаешь, ты могла бы показать мне одно из созданных тобою пространств?

– Мне кажется, это отличный повод для встречи. Какие у тебя планы на следующую неделю?

Эфрат молчала. У нее были планы. Планы, которые ей не хотелось произносить вслух, ведь тогда они превратятся в решения, а за ними последуют действия.

– Зачем ждать так долго, – наконец ответила она, – поехали сейчас.

– Будь по-твоему, я готова. Отличный вечер для того, чтобы отправиться в долгое путешествие. Тем более, я давно не посещала свои итальянские галереи. Ты ведь возьмешь с собой Рахмиэля? Со старейшинами всегда лучше говорить предметно. А они захотят его увидеть.

– Тут может возникнуть проблема, – тихо ответила Эфрат.

– Что случилось?

– Он снова под аппаратами.

– ...ты невероятна, – вздохнула Шири после недолгого молчания. – Это ведь ты его туда отправила?

– Именно так.

– Да... ситуация. Есть что-то такое, что я еще должна знать?

– Возможно.

– Тебе придется уточнить.

– Я дала ему свою кровь.

– Старейшинам это понравится, – в голос рассмеялась Шири.

– С чего бы? – поинтересовалась Эфрат, не утруждая себя эмоциональной реакцией.

– Когда тысячи лет проводишь без особых развлечений, любое разнообразие в радость. Я думаю, тебе это отлично известно, королева берлинских клубов.

– Не без этого. – Эфрат улыбнулась, почувствовав некоторое облегчение, впервые за последние дни. Воспоминания о недавних ночах в Берлине легко дотронулись до ее памяти, рассеивая холод тягостных предчувствий.

– Есть еще один нюанс, который мы должны проговорить вслух прежде чем окажемся в доме Старейшин, – уже совсем другим голосом произнесла Шири.

– А именно?

– Ты же прекрасно знаешь, что приехать туда могут они оба, а уедет только один.

– Это если повезет, – отозвалась Эфрат, которая прекрас-

но знала характер Старейшин. Они были справедливы, но никогда не любили размениваться по мелочам, ювелирно выбирая тех, кто насытит собою вечность. Всех остальных они просто уничтожали. Быстро и без малейших объяснений. Привычная к богам и их путям Эфрат никогда не сомневалась в том, что эти действия в итоге приводили ко всеобщему благу и процветанию. И по ее наблюдениям, так оно и было. Поэтому выдержав небольшую паузу, она спокойно ответила, – Давай подождем, пока Рахмиэль придет в себя, а потом соберемся.

– Хорошо, уговорила. Но как только, так сразу.

– Всенепременно, Ваше Величество.

– Услышимся.

Эфрат повесила трубку. В коридоре было темно. И тихо. Только лунный свет едва слышно ступал по лакированному полу, пробираясь через окно. В его тихой поступи Эфрат различала голоса, чувствовала запах благовоний и едкий привкус керосина. Всего несколько шагов отделяли ее от дорожки перламутрового света, способной отправить путника в любой уголок мира, куда мог дотянуться шепот ночного светила. Эфрат любила отвечать на этот зов, он увлекал за собой туда, где нет ни времени, ни памяти, где есть только ты и мир, живой и дышащий, пульсирующий в такт твоим движениям.

Быстрыми шагами она пересекла коридор, объединяющий два крыла второго этажа. За дверью спальни всегда бы-

ло темно, что ничуть ее не смущало и не мешало передвигаться. Наоборот, в темноте все чувства обострились и даже малейшее движение не оставалось незамеченным. Но в этот раз все было спокойно. На полу больше не было осколков, как не осталось и пятен крови. Не было и прежнего туалетного столика – на его месте теперь стоял новый, очень похожий по цвету и форме, а под ним лежал пушистый белый ковер. Может быть, оно и к лучшему. Молча постояв в проеме дверей, Эфрат шагнула в комнату, где недавние события все еще метались в воздухе, а запах человеческой крови невозможно было не почувствовать. Как пахнет кровь? Как мед, как влажный воздух после дождя, как солнечный свет на подушке. По крайней мере, эта пахла именно так. Или ей так казалось.

Платья в шкафу висели в идеальном порядке. Вот то кружевное, которое было на ней, когда они познакомились, вот то, которое она чаще других надевала в клубы. Взгляд Эфрат остановился. В этом незначительном отрезе ткани умещалось столько приятных событий, столько хорошей музыки и ночей безо всяких воспоминаний, которые даже сквозь столетия умудрялись цепко за нее держаться. Это было именно то, что нужно. Что-то знакомое, что всегда одинаково. Она сняла платье с вешалки и привычным движением повернулась к зеркалу, чтобы оценить картину. Но зеркала больше не было. Помедлив немного, Эфрат вернулась к шкафу, открыла вторую створку шкафа и сняла с полки подходящие к

платью туфли. Это был ее любимый ансамбль: полупрозрачное сияющее платье и босоножки, напоминающие ей о самом быстром из греческих богов.

Облачившись в кружевные доспехи, она подошла к туалетному столику и опустилась на ковер. Ее тут же окутало медовое облако, и если закрыть глаза, начинало казаться, что все в порядке, все так же, как было несколько дней назад. Музыкальная шкатулка стояла на своей обычном месте и Эфрат точно знала, что ее содержимое в полном порядке.

«Да ну, что на меня нашло, – проносилось в голове Эфрат, пока она искала тот самый блеск для губ, – даже если он пришел за этим сомнительным бессмертием... какая разница? Через пару-тройку лет его бы все равно отпустило. Ну, может быть, через десяток...». Она наносила макияж небрежно, зная, что все равно никто не будет его рассматривать. Закончив, Эфрат поднялась, оставив косметику лежать на полу. Когда она покидала комнату, ее плечи укрывала незаметная глазу мантия, привычная для всех богинь и богов и оставляющая за собой сладкий аромат меда.

Ночные дороги были спокойными и тихими, по крайней мере, в этой части пригорода. Эфрат не включала фары, почти никогда на темной дороге. Ей нравилось быть частью ночи, где только она и мир, живой и дышащий, только она и ветер, который двигался с ней на одной скорости и был рад разделить все ее приключения вот уже не одну сотню лет. Впервые Эфрат ощутила его присутствие, когда луна позва-

ла ее подняться на поверхность, отнимая одно сознание и награждая другим. Тогда не было ничего, кроме момента сейчас, кроме той силы, которая наполняла ее тело, окутывая холодным лунным светом. Эта сила навсегда отпечаталась на ее губах вкусом крови и песка. В ту ночь она сама не знала, как нашла горящие огни своей первой деревни, и лишь много десятков лет спустя начала задумываться над этим – тогда, когда стало ясно, что есть и другие такие, как она. Ветер часто приносил обрывки их разговоров, а иногда указывал туда, где еще недавно их тонкие пальцы касались старых стен. Они были повсюду и нигде одновременно, совсем как ветер. А однажды, когда Эфрат бродила по темным городским улицам, ветер коснулся ее лица и оставил на нем алую каплю, еще теплую, с легким ароматом ежевики. В ту ночь она знала, что кто-то смотрит на нее и следит за ней, но так и не смогла понять, кто это и откуда он или она за ней наблюдали.

Все эти воспоминания проносились в ее голове с той же скоростью, с которой машина неслась по дороге. Эфрат было необходимо забыться и вернуться к сладкой бездумной дреме, в которую она погружалась, пересекая порог клуба. Скоро, в сопровождении привычных заинтересованных взглядов, она въехала в центр города. Теперь на низкой скорости, позволяющей водителю оценить сегодняшнее меню, машина двигалась в сторону любимого некоторыми жителями городом места, где нет видеокамер, а вход открыт только для тех, кто уже знает, где он. В узком переулке было непросто найти

свободное место среди уже стоявших здесь машин. И судя по представленному ассортименту, меню будет представлено самое изысканное.

– Эфрат! Неужто сама королева берлинских танцполов посетила наше скромное заведение? – Из темноты, окутывающей входные двери, выплыл высокий и стройный мужчина в аккуратном черном костюме. Вряд ли кто-либо заподозрил бы в нем хозяина заведения, и теме не менее, это было так. Эфрат никогда его не любила – было в нем что-то странное, то самое странное, которое стоит за плечами всех, кто живет за счет чужих слабостей.

– Да, давно не виделись, – привычно улыбнулась она, хлопывая дверцу машины, – есть кто-то интересный сегодня?

– О, для тебя мы всегда готовы найти все самое интересное в этом городе и организовать доставку, – он сделал паузу, – в номер.

– Ты знаешь, да, сегодня это именно то, что мне нужно. Веди.

Перед ней открылись неприметные деревянные двери, выкрашенные черной краской, и они попали в длинный коридор, тускло освещенный якобы случайно расположенными лампами. В темноте стояли молчаливые друзья хозяина, уже знакомые ей по предыдущим посещениям.

– Не смотри, что они такие хмурые, тут тебе всегда рады.

– Конечно, вы сделали себе неплохую рекламу, распро-

странив слухи о частоте моих посещений.

– Ну, так и ты тоже, – ничуть не смутившись ответил хозяин. – Поведай мне лучше, что я могу сделать для тебя сегодня. И помни, – он обернулся к Эфрат, – я всегда к твоим услугам.

– Как такое забудешь. Сегодня я бы хотела сначала посмотреть.

– Мальчики или девочки?

– И те, и другие.

– Я всегда был поклонником твоего аппетита. – Хозяин радушно распахнул перед ней следующие двери. Эфрат всегда было сложно понять, о каком из ее аппетитов идет речь, ведь в этих стенах столько всего произошло за последний десяток лет.

– Благодарю, твои комплименты всегда приятный аперитив, но я бы уже хотела приступить к основному блюду, – Эфрат вошла в небольшой, тускло освещенный зал, где за каждым бархатным габардином слышался стук человеческого сердца. Свечи, горевшие в выставленных вдоль стен высоких канделябрах, служили единственным источником света. Небольшой низкий стол в центре комнаты предлагал гостям на удивление пустые бокалы.

Эфрат опустилась на подушки одного из диванов, стоящих вокруг стола. Как она ни старалась заглушить это чувство, но природу было сложно изменить, и каждый раз, прикасаясь к чему-то, она слышала и видела историю, которую

все прочие стремились игнорировать, пусть даже отлично все понимали.

– Мне здесь нравится, – сказала она, сбрасывая черные лаковые туфли и с комфортом располагаясь на диване. – Вы можете начинать.

– В таком случае, я оставлю тебя в заботливых руках твоего сегодняшнего лакомства. Развлекайся.

И стоило гостеприимному хозяину раствориться в темноте коридора, из которого они пришли, как шорох бархата начал свой путь сквозь мерцающие огни свечей, прямо к ее ушам, а за звуками последовали прикосновения. Сначала легкие, едва ощутимые, самыми кончиками острых ногтей к затылку, чтобы потом спуститься ниже по позвоночнику. И вот она почувствовала чье-то дыхание на своей шее. Она запрокинула голову, чтобы согреться в руках новой знакомой.

Во всех многочисленных ликах Эфрат неизменным оставалось одно: она любила крек. По крайней мере, именно так все и думали. И вот сейчас она любовалась тем, как тонкие пальцы сидевшего напротив юноши готовили для нее свежую порцию этого лакомства. Она не мешала и не останавливала его, напротив, ей было абсолютно комфортно в объятиях еще теплого тела, обладательница которого еще несколько минут назад так приятно сжимала ее ногами.

Сейчас Эфрат лежала головой на ее груди, слушая, как все тише бьется ее сердце. Эфрат любила ощущать тепло человеческого тела. Разумеется, она не нуждалась в нем, просто

было в этом что-то притягательное, его хотелось переживать снова и снова. Как-то в шутку она сравнила себя со змеей, которая согревается теплом своей жертвы.

Мальчик раскуривал тонкую трубку, не отрывая от Эфрат глаз. Конечно, он знал, кто она, тут все знали. И все молчали.

– Встань и подойди ближе, я хочу тебя рассмотреть.

Он ничего не ответил, послушно отложил трубку и подошел к Эфрат. Рубашка на нем была расстегнута, черный шелк поблескивал в свете свечей. Ухватившись двумя пальцами за пряжку его ремня, Эфрат подтянула его к себе и прижалась губами к обнаженному телу, чтобы затем сомкнуть их в мягком поцелуе.

– Мне всегда нравилось это ощущение невероятно мягкой кожи, вот здесь, – Эфрат снова прижалась к нему губами, – чуть ближе к косточке. Иногда я чувствую пульс под губами.

Приоткрыв рот чуть шире, Эфрат медленно, наслаждаясь каждым мгновением разорвала клыками нежную, почти прозрачную кожу, из-под которой ей навстречу устремился теплое и густое лакомство со вкусом железа. Она почувствовала, как он положил руки на ее плечи, услышала, каким прерывистым стало его дыхание. А потом его рука легла на ее голову, так мягко и спокойно, как будто...

– Почему ты меня не боишься? – спросила она, снова посмотрев на него.

– Боюсь, – ответил он, все так же приживая ее к себе.

Эфрат отстранилась, чтобы лучше рассмотреть его лицо.

– Тогда почему... почему ты не боишься смерти?

– Я рано или поздно умру, а ты кажешься отличным вариантом.

Эфрат усмехнулась.

– Мне так давно не доводилось слышать ничего подобного, что я даже теряюсь. – Она облокотилась на спинку дивана, ничуть не смущаясь лежащему под ней телом. Он продолжал стоять между ее ног. Светлая кожа продолжала покрываться багряными узорами в месте укуса.

– Вставай на колени, – сказала она.

– Мне так часто приходится это слышать, – он медленно и послушно встал перед ней на колени, – что скоро я научусь спать в процессе.

– Ты хочешь спать?

– А ты можешь помочь мне заснуть?

– Я могу помочь тебе ненадолго забыться.

– Но...

– Помолчи, – Эфрат прижала палец к его губам, чтобы потом медленно погрузить его внутрь, сейчас она могла лучше рассмотреть его, но не стала. Обхватив его ногами, она подвинулась ближе, чтобы вскоре снова почувствовать металлический привкус во рту.

Когда ее каблуки снова застучали в гулком коридоре, хозяин снова возник из ниоткуда. По крайней мере, так ему казалось, а она не давала себе труда его в этом разубеждать.

– Тебе понравлюсь мое угощение? – спросил он поравняв-

шись с ней.

– Все было идеально, спасибо. Вот только...

– Что?

– Будь с мальчиком нежнее.

– Ты что?... – он на мгновение замолчал, как будто подбирая слова. – Ты? Они?

– Что? – Эфрат повернулась к нему.

– Да неужто?! Неужто сердце беспощадной королевы смягчилось, и я в этот раз останусь без неустойки? – Он хохотал и его смех удивительно гармонично вторил шагам Эфрат.

– Ой, помолчи...

– Кто он? Или это она?

– Заглохни! – Эфрат с улыбкой посмотрела на его и толкнула последнюю дверь, ведущую на улицу.

– Я буду думать, что это я, – рассмеялся хозяин, прикладывая руки к груди, – ведь ты же знаешь, что меня ты околдовала однажды и навсегда!

– Для этого не требуется особого умения, – рассмеялась ему в ответ Эфрат, уже открывая дверь машины.

– Зато требуется хороший банковский счет.

– На счастье, он у меня есть. – Двери машины захлопнулись, и вскоре черный Бентли уже несся по вымощенным старыми камнями улицам.

Человек в черном еще какое-то время смотрел ей вслед, с его лица не сходила легкая ухмылка. Кому-то могло пока-

заться, что его интересы уходили далеко за пределы сомнительных заработков. Но по счастью рядом не оказалось никого, кто был бы способен за эти пределы заглянуть.

Машина Эфрат теперь медленно скользила по ночной дороге, то и дело попадаясь в призрачные сети, сотканые лунным светом и ночными тенями. Впрочем, из этих сетей она выбиралась так же уверенно, как и из любых других. Это не всегда было просто, но выбраться удавалось всегда. Кто-то сдавался, кто-то менялся или просто ломался, а она продолжала быть собой, и порой казалось, что это мир меняется в угоду ее желаниям. С каждым разом масштабы этих изменений были все больше и больше, а сети все изощренными. Как будто ловчие учились вместе с ней, хотя нетрудно догадаться, что они начали ходить по этой земле задолго до Эфрат. Иногда ей было сложно представить, каково это «задолго до» и все еще быть здесь. Как можно преодолеть эту реку времени и научиться пропускать через себя ее стремительные воды с такой же легкостью, как люди вдыхают и выдыхают воздух. Сама Эфрат уже забыла, как это. Что она хорошо помнила, так это то, что не хочет обернуться застывшей мраморной статуей, пребывающей без движения долгие столетия, а может быть, и тысячи лет. И пусть созерцание вечности кажется иногда невероятно заманчивой перспективой, но куда больше она любила движение, непрерывное движение, безостановочное, как если бы пыталась добежать до края земли и кинуться в бездну, чтобы узнать, что там.

На подъезде к дому Эфрат заметила свет, горящий в окнах второго этажа. Это незамедлительно вернуло ее к реальности, о которой она уже успела забыть.

– Госпожа, – горничная встретила ее уже на пороге, – вам будет приятно узнать, что с вашим гостем все хорошо. Ее глаза смотрели в пол, а сама она, похоже, хотела быстрее уйти.

– Я и правда рада, спасибо. – На самом деле Эфрат не понимала, рада она или нет. И чтобы это выяснить, отдала пальто горничной и медленным, будто бы неуверенным шагом пересекла парадную залу на пути к лестнице на второй этаж.

Мягкий приглушенный свет согревал деревянные перила и делал все цвета вокруг яркими и глубокими, так что казалось, будто ее каблуки утопают в водах багровых рек, а потому их стука не слышно.

Дверь, за которой она оставила Рахмиэля, была приоткрыта. Эфрат прислушалась. Было тихо. Она открыла дверь и увидела Рахмиэля по прежнему лежащим на кровати. Он повернул голову и посмотрел на нее. Она ничего не сказала. Он тоже молчал. Какое-то время Эфрат неподвижно стояла на пороге и смотрела ему в глаза. Он не отводил от нее взгляда. Эфрат была хорошо знакома вечность, но некоторые мгновения оказались способны вместить ее всю. Наконец она подошла к кровати и села на край. Не хотелось ничего говорить,

и меньше всего на свете она понимала, почему заговорила.

– Ты должен уйти, – Эфрат сделала паузу. – И лучше всего уехать из этой страны. Скажи родителям, что передумал, что тебе не нравится здесь. Пусть они купят какой-нибудь другой институт, и ты сможешь снова жить нормальной человеческой жизнью. И снова услышишь мой голос только на Spotify или YouTube. Никто из нас никогда к тебе не приблизится и не вмешается в твою жизнь. Но ты должен уехать сейчас. Потому что другого шанса сделать это у тебя не будет.

Рахмиэль ничего не ответил, а закрыл глаза и отвернулся от нее. А Эфрат хотелось одновременно уйти и остаться. И выбрать становилось все сложнее. Но чтобы потом ему было проще выбирать, она встала и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Ночь начинала рассеиваться под первыми лучами рассвета. Ей никогда не нравилось это время. Легенды, которые Эфрат помнила так отчетливо, как будто впервые услышала лишь вчера, рассказывали, что когда-то этот мир был иным. Когда-то, еще до появления людей, в нем жили две очень похожие и абсолютно разные расы. Одна жила при свете дня, во дворцах, парящих в кронах деревьев, и с каждым солнечным днем их королевство становилось все шире, а сами они все сильнее. Природа и звери слушались их, с одного их слова реки принимали другое направление, а деревья превращались в города. Вторая же раса черпала свою силу в лунном

свете, их холодная бледная кожа сверкала в ее свете как мрамор. Они обращали свои глаза к ночному светилу и движению звезд, чтобы узнать судьбу своего мира и иных миров, материя не была для них ни препятствием, ни необходимостью, она изменялась под одним лишь их взглядом. Две расы жили в мире и гармонии, подобно всему, что было в мире, пока однажды мир не решил измениться. А точнее, не решила, ведь планета Земля определенно женского рода. Некоторые даже утверждают, что она по гороскопу Весы, но это уже другая история.

Свет напоминал Эфрат, что люди существуют. А еще – о том, что они почти неотъемлемая часть ее жизни. По крайней мере, если она хочет оставаться активной участницей этой самой жизни. И Эфрат хотела. Или думала, что хотела. Делать было совершенно нечего. Ничего не хотелось. Только сбросить туфли и платье, умыться и отдохнуть. Несколько десятков лет.

Следующая ночь наступила слишком быстро. Не было ни малейшего желания возвращаться в мир, который все еще удерживает тебя непрожитым опытом и нераскрытыми тайнами. И все бы ничего, но всякий раз эти тайны либо приходится с кем-то делить, либо нельзя разделить ни с кем. И то, и другое всегда неудобно. Если что-то и утомило ее больше выбора между этими двумя крайностями, так это метание между двумя мирами. Сначала это виделось забавным,

увлекательным и даже нравилось Эфрат. Что неудивительно, ведь других занятий практически не было. Затем она научилась получать удовольствие от пребывания то в одном, то в другом мире, стремясь взять лучшее от обоих. Но сейчас ей казалось, что их возможности исчерпали себя.

Она продолжала лежать, не открывая глаз. Невозможно убежать от наблюдения хотя бы одного из миров, но можно смотреть сквозь каждый из них. И там точно что-то было, возможно, обещание прекращения бега, метаний, разочарований или же начала чего-то большего, чем все то, что уже когда-то случилось.

Оставаясь без движения, Эфрат ждала, когда откроются двери и она сможет в них войти, навсегда оставив необходимость притворяться человеком, носить личину и отражаться в зеркалах. Когда-то она услышала, что для того, чтоб прекратить стоять по середине, нужно отпустить оба края, за которые держишься. Тогда ты увидишь все то, что и без тебя удерживало и будет удерживать их вместе. А ты сможешь идти дальше.

Рано или поздно, но глаза придется открыть. Нужно найти тех, кто сможет ответить на ее вопросы. И она знала, где их искать. Шири тоже знала. Оставалось убедиться, что Рахмиэля больше нет в доме, и можно собираться.

– Я все еще здесь. – И это то, что меньше всего хочешь услышать, когда хочешь знать обратное. – И нет, я никуда не уйду.

Его голос звучал так же, как и всегда, и даже еще спокойнее. Или это просто сказывалась нехватка сил.

– Послушай, – Эфрат села на кровати, без особой радости уставившись в пространство перед собой, – если ты останешься, я не ручаюсь за то, что тебе в этом году придется сдавать экзамены. А если уйдешь – продолжишь жить как ни в чем ни бывало. Запомнишь все произошедшее как приключение, а еще – я всегда могу помочь тебе все забыть.

– Ты и это умеешь? – Рахмиэль продолжал стоять в дверном проеме, скрестив руки на груди.

– Да, и это тоже. – Эфрат опустила ноги на пол, касаясь босыми стопами пола.

– Подожди. – Он в два шага оказался у кровати, как будто хотел успеть до того, как она встанет, и, опустившись перед ней на колени, помог надеть домашние туфли.

Эфрат так и осталась сидеть на кровати, глядя на него. Не понимая, что именно изменилось, она просто отмечала, что перемены произошли и ей предстояло разобраться, что делать теперь. Это было очень странное чувство, как если бы она существовала и не существовала одновременно. Как если бы линия времени, по которой она бежала до сих пор, внезапно оборвалась и под ее ногами распростерлась вечность.

– Тогда собирайся. И я надеюсь, ты любишь итальянскую кухню. — Эфрат провела рукой по его волосам. – Хочешь в душ?

Она не ощущала прикосновения воды к своей коже, не чувствовала ни температуры, ни движения. Только тепло его тела служило ей ориентиром в пространстве, предназначенном для людей и равнодушном к таким, как она.

– Ты вообще что-нибудь чувствуешь, когда я к тебе прикасаюсь? Когда кто-то к тебе прикасается? – после короткой паузы добавил Рахмиэль.

– Да, чувствую. Тепло, жизнь, бегущую по твоему телу. И для меня это всегда больше, чем только прикосновение, и больше, чем только твое тело.

– В смысле? – Он прижал ее ближе к себе, стараясь согреть своим телом.

– В смысле для меня все начинается задолго до прикосновения, с ощущений, с того, что я знаю о тебе, даже прежде чем на тебя посмотреть.

– Сложно, – ответил Рахмиэль, прижимаясь к ней губами. – Куда именно в Италию мы едем?

– Пока что это секрет, – уклончиво ответила Эфрат. – Ширри и Гедалья составят нам компанию.

– Ну конечно, куда же без них, – он тихо рассмеялся. – Когда мы выезжаем?

– Завтра, если у тебя нет других планов.

– У меня больше нет никаких планов.

– А как же... что ты там изучаешь?

– Бизнес-администрирование. Но я могу сделать паузу ради тайн вселенной.

– О, вселенная нуждается в администрировании, так что паузы не получится, уж извини, – Эфрат рассмеялась и положила голову ему на грудь. И если бы кто-то посмотрел в ее глаза, он бы не увидел, где этот взгляд начинается и куда он уходит.

Всю ночь они провели в комнате, собравшей в своем странстве лучшие воспоминания об ушедшем веке аналогового искусства, той самой комнате, где когда-то ночевали Шири и Гедалья.

– Ты всегда одна?

– Разве я сейчас одна?

– Я имею в виду...

– Да, я поняла. Да, всегда.

– Почему так?

– Честно? – Эфрат лежала головой на его коленях и смотрела в потолок. – Понятия не имею. И мне никогда не приходилось задаваться этим вопросом. Наверное потому, что я никогда не задумывалась, зачем постоянно быть с кем-то. Видишь ли, я уже очень давно живу эту жизнь.

– Тебе нравится?

– Ты опять начинаешь? – Эфрат улыбнулась. – Мне очень лень сейчас снова подвергать твою жизнь опасности, – она старалась улыбаться, хотя ей не очень хотелось.

– Нет. Я и тогда не имел в виду ничего такого, – Рахмиэль старался говорить спокойно, но получалось не очень. – Я... интересуюсь тобой, как ты думаешь, что ты чувствуешь, что

для тебя важно.

– Это очень странно, ты же понимаешь. – Эфрат повернулась к нему, так, чтобы видеть его глаза, насколько это было возможно в условиях почти полной темноты, в которой кто-то другой наверняка потерпел бы неудачу. Но она отчетливо видела, что он смотрит прямо на нее, и что-то в этом взгляде напоминало ей, что и она может чувствовать тепло. Это были скорее воспоминания, бесконечная карусель того, что случилось однажды и никогда не повторится, в чем она так и не успела разобраться до того, как измениться. – Я не знаю, что тебя так испортило, хорошая музыка или хорошая литература, но ты стоишь опасно близко к реальному миру и вот-вот рискуешь упасть в его пропасть.

– Прошу заметить, я сам приехал, – тихо ответил Рахмиэль.

– Еще и сам остался. Практически не спрашивая моего о том мнения, – рассмеялась Эфрат.

– Для меня это было... – Он сделал паузу, опустил пальцы на ее лицо, чтобы почувствовать, как она закрывает глаза, а потом легко дотронуться до виска. Ее кожа оставалась холодной и пульс невозможно было различить, зато можно утонуть в этом необъяснимом чувстве умиротворения, которое испытываешь, когда находишь ответы на вопросы. – ... Как возвращение.

– Прости?

– Я знаю тебя как будто целую вечность.

– Ты – человек, ты не знаешь, что такое вечность.

– Знаю. Она лежит у меня на коленях.

Поднимающийся за окном рассвет тоже знал, что такое вечность, но для него это были несущественные мелочи. Как и самолет, вылетающей из центральной Европы в Италию.

Улицы Миланского центра всегда оживленные и в них так легко затеряться, особенно когда вы молоды и прекрасны. Так и поступили эти двое, и хотя оба были одеты в черное, никто из окружающих не придавал этому значения. Невозможно не заметить, как сияют даже в тени ее золотые волосы, а его на первый взгляд самодовольная ухмылка была довольно заурядна в сочетании с солнечными очками, украшенными сбоку тонким логотипом Gucci. Таких пар тут было очень много, и Эфрат это нравилось. А вот солнце досаждало ей все больше и больше. Она старалась отвлечься, рассматривая собор, который при свете дня и вполночь не так хорош, как в тумане ночи. Она улыбнулась про себя, вспоминая, как когда-то давно перепрыгивала лестничные пролеты в погоне за кем-то, чье лицо она уже давно не помнила.

– О, смотри! Это же Gucci!

– Где? – Эфрат нехотя повернулась. Вся улица за ее спиной была залита солнечным светом, уже одна мысль об этом вызывала у Эфрат аллергию.

– Гедалья, рубашка на нем – это Gucci. Дышать в них просто невозможно, – пояснил Рахмиэль.

– Здесь в принципе дышать невозможно, жуткая страна в дневное время суток.

– Но тебе и не нужно, – улыбнулся Рахмиэль. Он стоял у Эфрат за спиной, обнимая ее, и от и дело прижимался щекой к ее золотым волосам. Иногда ему казалось, что волосы Эфрат живут своей жизнью, потому что они тоже его обнимали. Или ему просто казалось?

– Подождем их здесь, — продолжил он. – А вообще, как так? Шири спокойно ходит по улицам, залитым солнцем, а ты боишься выйти из тени, как будто тут же начнешь дымиться?

– Это земля. Связь Шири с этими землями куда сильнее, чем моя, и эта сила поддерживает ее. Помнишь этот фильм о валашском графе, который пересек океан под покрывалом земли, собранной вокруг его замка?

– Да, я смотрел его.

– Ну вот, все довольно просто. Кроме самого графа.

– В смысле? – Он смотрел на ее лицо, всегда такое отстраненное, но сейчас, когда они стояли в тени, скрывающей их от солнцепека, который здесь заменял воздух, когда они просто смотрели друг на друга, и золотые волосы Эфрат как змеи обвивали его, а шелк ее длинного платья укутывал их обоих в легкое облако, сейчас, когда здесь были только они двое, она казалась совершенно другой. Так можно часами смотреть на то, как льется лунный свет через оконную раму, как луна медленными шагами пробирается все дальше и

дальше в комнату, чтобы наконец пригласить вас в путешествие всей вашей жизни.

– Граф буквально взял свою землю с собой, в нее корнями уходила его сила. Благодаря ей он преодолел время, посмеялся над смертью и приобрел массу хорошей недвижимости. Все ради чего? Он хотел вернуть любовь всей своей жизни.

– А где в этом мире ты можешь ходить под солнцем? – Можно было подумать, Рахмиэль не расслышал то, что она сказала.

– Я слишком стара, чтобы где бы то ни было ходить под солнцем, – уклончиво ответила Эфрат и шагнула навстречу Шири, которая никогда не обременяла себя излишней одеждой, а под небом Италии и вовсе решила, что ткань нужно экономить.

– Как тебе итальянское солнце, детка? – Шири заключила ее в объятия.

– Как и любое другое, непереносимо и удушающе, – ответила Эфрат. Они простояли какое-то время, держа друг друга в объятиях. Их спутники молчали и терпеливо ждали, что было неудивительно: половина улицы замедлила шаг, чтобы полюбоваться двумя девушками, а может быть, реальность была простым отражением происходящего в их сознании.

– Не буду спрашивать, хотите ли вы погулять. – Шири наконец отпустила подругу и мир вернулся к своим привычным отношениям со временем.

– Вот уж не стоит. – Эфрат отступила обратно в тень. –

Где ваша машина?

– Мы пришли пешком... – подал голос Гедалья, что для облаченного в Gabbana можно считать подвигом.

– Вы что?! Вы... нет, я отказываюсь в это верить! Это слишком для меня! – сокрушалась Эфрат, прижимаясь к Рахмиэлю, укрывающему ее в своих объятиях.

– Не могу не поддержать это заявление. – Шири посмотрела на Рахмиэля, для которого мир снова вышел за пределы оговоренных большинством возможностей. Тишина. Ничего, даже стука собственного сердца. Никаких ощущений. Пропал ветер, пропало солнце и даже Эфрат, которую он укрывал руками, как будто исчезла. – Почему ты еще жив и почему ты все еще здесь, мальчик?

– Потому что я так решил. – Он скорее подумал, чем сказал это. – Потому что это мой выбор.

– Отличный выбор! – Шири улыбнулась, и белоснежная улыбка, очерченная алой помадой, вернула в мир звуки, ощущения и Эфрат. – Тогда мы можем, не теряя времени даром, вызвать машину и отправиться в гости к нашим общим друзьям.

Эфрат повернулась к ней и не произнесла ни слова вслух, а Шири не произнесла ни слова вслух в ответ.

– Я надеюсь, эта вечеринка понравится мне не меньше предыдущей. – Рахмиэль взял Эфрат за руку, и в ответ та мягко сжала пальцы. Она все еще молча смотрела на Шири.

Гедалья стоял рядом с Шири, почти не двигаясь и никак не показывая своего интереса к происходящему. Рахмиэлю было сложно понять его. Хотя, если задуматься и забыть на секунду обо всем, что помогало отвлечься от мыслей, то где-то вдалеке можно расслышать ту тишину, что слушал Гедалья и которая минуту назад окружала самого Рахмиэля.

– О, я в этом не сомневаюсь, – голос Эфрат был спокойным и тихим, – мы об этом позаботимся.

– Мы? – переспросил Рахмиэль.

– Конечно, ведь это друзья не только Шири, но и мои тоже.

– Если мы разобрались с планами, давайте действовать. – Шири вытащила телефон из миниатюрной лаковой сумочки, дополнявшей ее ансамбль из черного мини-платья и высоких, очень высоких шпилек.

Никто ничего не говорил, пока они ехали. Обменявшись любезностями с водителем, все четверо перемещались дальше в молчании. Стороннему наблюдателю могло показаться, что они просто утомлены жарой и солнцем. Но зачем же тогда было надевать на себя столько черного? Впрочем, кому это интересно. Водитель забудет, что видел их сразу после того, как они выйдут из машины, как забудет и то, куда отвез.

Эфрат не хотелось говорить, потому что все силы уходили на то, чтобы понять, что произойдет дальше. Что может случиться с ней? И что может случиться с ним? Нежный медовый мальчик, в руках которого она снова начала засыпать без кошмаров, без бесконечной пустыни, без непрерывного

вкуса крови во рту. Покой, который она уже позабыла, смех, каким она его давно не слышала. Любовь. Может быть. Наверное. Потому что Эфрат понятия не имела, что это такое. Она не успела это узнать. Если любовь – это нечто способное укротить хаос, превратив его в красоту мира, поделенного на двоих, если любовь – это смотреть в его глаза и чувствовать, что с другой стороны на тебя смотрит бог, взгляд которого, такой желанный и нежный, тот самый, который когда-то погас для нее под сводами храма, из которого ее выволокли почти в беспомощности, выплевывающей собственную кровь, если любовь – это улыбаться в вечность, и смотреть в нее всей собой, без страха, без попыток убежать, чувствуя ветер движения мира, если все это любовь – то да, Эфрат полюбила его. И теперь она ни о чем больше не могла думать, кроме того, что везет его туда, откуда он может не вернуться. И не потому, что это надо было сделать, а потому что еще несколько недель назад ей было совершенно безразлично, что с ним будет. Какое ей было дело до еще одного, очередного. А теперь не представляла, что делать и как исправить то, что она натворила.

Всю дорогу Рахмиэль прижимал ее к себе, боясь отпустить, отчего-то зная, что этого ни в коем случае нельзя делать. И хотя Эфрат внешне ничем не выдавала своего беспокойства, он знал, что с ней происходит. В те дни и ночи, когда они спали вместе, когда она лежала рядом, он часто просыпался, безо всякой видимой на то причины, просто пото-

му, что становилось холодно. Это был не тот холод, который ощущаешь телом, а тот пронизывающий холод, который не дает спать по ночам, когда что-то непоправимое и при этом неизбежное должно произойти. И тогда он обнимал Эфрат так крепко, как мог, прижимаясь губами к ее лицу, согревая своим дыханием, как если бы пытался растопить лед. И тогда холод отступал, не сразу, постепенно, но каждый раз становилось теплее, постепенно Эфрат становилась спокойнее, а он все чаще просыпался просто чтобы увидеть ее рядом.

– Я люблю тебя, – едва слышно прошептал Рахмиэль, и слова потонули в золотых локонах. Но Эфрат все слышала и еще плотнее прижалась к нему. Ей хотелось погрузиться в тот тонкий аромат меда, который она всегда чувствовала рядом с ним, исчезнуть в нем, раствориться подобно тому, как растворялась боль каждый раз, когда он покрывал ее поцелуями, каждый раз, когда он смеялся, каждый раз, когда они занимались любовью. Она изо всех сил старалась хотя бы ненадолго забыть, что машина продолжает свое движение по дороге, с каждой минутой приближая их к неизбежному. И уже слышала безмолвное присутствие этой неизбежности. Шири тоже его слышала.

Гедалья молча смотрел на Рахмиэля. Он знал, что может случиться. И знал, что то же самое, если не хуже, может случиться с ним.

Больше никто ничего не произнес в этой поездке. Как будто все единогласно решили, что если и нужно что-то сказать,

то именно это и было сказано.

Когда, согласно стоящему на дороге указателю, машина повернула на узкую дорогу, уводящую будущих гостей в декорации итальянской провинции, Эфрат почти перестала реагировать на происходящее. Ее лицо стало неподвижным, и, если присмотреться внимательнее, то заметили бы, что оттенок ее кожи изменился, как если бы мрамор или молочный нефрит были полупрозрачными и могли покрывать собой человеческое тело. К моменту как они остановились возле высоких кованых ворот, она уже не была похожа на себя ту, которая садилась в машину возле Соборной площади. Шири тоже выглядела иначе, но эти перемены было сложно уловить, само ее присутствие теперь окутывало сомнениями всех, кто находился рядом, сомнениями и тишиной, где ее голос был единственным и самым желанным звуком.

Ворота открылись перед ними, и машина медленно въехала во двор. Можно было бы сказать, что то же самое происходило при подъезде к дому Эфрат, но масштабы очень сильно отличались. Здесь могло поместиться несколько домов Эфрат вместе с садом. Наконец они подъехали к дому. Это был небольшой замок типично южного образца, небольшой по меркам замка и внушительный по меркам местных жителей. Машина остановилась у главного входа, где их уже ожидали.

– Добро пожаловать, – раздался умеренно громкий и спокойный голос дворецкого. – Мы ждали вас.

Ни у кого не возникло в этом сомнений. Дверцы машины захлопнулись, и водитель счастливо поехал обратно. И где-то в глубине своей души он знал, а потому по приезду домой обнял супругу крепче, чем обычно, и в этот вечер предпочел общение с детьми привычному телевизионному вещанию. Кто знает, может быть, случайся с ним подобное чаще, его жизнь претерпела бы значительные изменения.

Глава шестая. Столкновение

Это было непросто. Во всех смыслах этого слова. Преодоление ворот напоминало вход в пространство, которое во все тебе не радовалось. Напротив, готовилось размолоть тебя, превратив в уместный в этом доме вид свежеприготовленного бодрящего напитка. И не было такой силы, которая могла бы противостоять этому. Был только один шанс выжить – если тебя здесь ждали.

Шири не отрицала, что ей невероятно любопытно услышать мнение Старейшин о том, что за странный мальчик однажды вошел в особняк Эфрат в поисках смерти и затем обрел перерождение, которого никто из них еще не видел. Она предпочитала не думать о том, как переживает происходящее Эфрат. И чтобы немного отвлечься, Шири взяла с полки одну из книг.

По прибытию каждого из них проводили в отдельную комнату. Здесь не было ничего даже отдаленно напоминающего такие блага цивилизации, как выход во всемирную паутину или возможность смотреть НВО, имелись только книги. И итальянская мебель, которая пусть и не была старше хозяев, но могла бы составить честь любой музейной коллекции. «Большая книга кофейных мыслей» – гласило название. Книга мыслей. Звучит обнадеживающе, не каждый современный сборник печатного слова мог похвастаться по-

ДОБНЫМ.

Я уезжаю

Сначала я сказала тебе, что не хочу замуж, а потом – что уезжаю учиться в университет. Затем каждое утро я просыпалась на своей кухне. Без какой-то особой причины, просто, когда все так, первое, что я делаю каждый день – пью кофе. Я встаю, смотрю на солнце или на серые тучи, думая о том, что скоро буду смотреть на них из окна кампуса, а сразу после этого поднимаюсь с пола, на котором сплю, и ставлю чайник. Потом я расчесываю волосы, и у меня есть время, сколько угодно времени, чтобы насладиться тем, как в них отражается солнечный свет, а еще – вкусом и ароматом кофе. Я так успела к нему привыкнуть, что когда после трех чашек кофе невозможно заболела голова, мне не хотелось в это верить. А при мысли о том, что от кофе придется отказаться, голова начинала болеть еще больше. И так до самой середины дня. Время о времени мне казалось, что кофе становится горьким на вкус, но я отгоняла от себя эти мысли и просто ждала, когда можно будет снова начать его пить. Мне показалось, что в какой-то момент я начала осознавать, что от кофе мне становится хуже, а не лучше, но я гнала от себя и эти мысли, ведь он так долго делал меня счастливой. Но когда пришлось выбирать между собой и кофе, я не знала, что делать дальше. Потому что у меня не было никакого сценария. До этого момента все ка-

залось доступным и понятным, не то чтобы я так любила предсказуемость, но было приятно осознавать, что есть что-то, что не изменится. Я всегда выбираю себя, потому что как иначе. Смогу ли я дальше жить без кофе? Конечно. И тем не менее, у меня нет ни малейшего представления, как именно. А потому я решила начать с твоего голоса. От него у меня проходит головная боль и я начинаю улыбаться солнцу в ответ. Ты – мой личный сорт кофеина.

Мыслей здесь хватало. Прямо скажем, настоящий поток сознания, как если бы Вирджиния Вульф начала завидовать Стефани Майер. Как можно так кого-то любить? Или что-то, если мы поверим автору и примем за данность, что кофе – это и вправду кофе. Как вообще можно было любить? Даже когда понимаешь, что это вредно для твоего здоровья, или может разрушить тебя до основания? Что это за неведомое проклятие, заставляющее людей и всех прочих следовать каким-то странным, непонятным для непосвященных законам? Шири была знакома преданность и даже увлеченность, во всем этом она находила смысл, но во всем происходящем вокруг ей виделось что-то искусственное, иллюзорное. И она была глубоко убеждена, что Эфрат скоро сама это осознает.

Кофе и то, чего мы не говорим

Кофе уместен всегда. Утром, вечером, ночью, днем, да ко-

гда угодно. Кофе – это лучший способ признаться в любви. Такой приятный бонус на дне каждой чашке, привкус которого ощущаешь в каждом глотке. А потому такого кофе всегда мало. Именно по этой причине кофейные чашки должны быть самых разных размеров. От короткого поцелуя в щеку перед расставанием, до долгой ночи, переходящей в утро. Кофе оказывается рядом, когда мы ждем и когда наслаждаемся моментом безо всяких ожиданий. Иногда чей-то взгляд может обещать кофе. А иногда не нужно даже взгляда. Можно вообще ничего не говорить или думать, что сказали бы. Но ничто не звучит так громко и так понятно, как тишина.

В комнате очень тихо, и слышно только солнечный свет, касающийся твоих ресниц. Я поднялась с кровати и вышла на кухню, чтобы через несколько минут вернуться обратно с чашкой свежего кофе. Мне всегда будет казаться, что в твоих опущенных ресницах смысла больше, чем во всех моих словах. Надо было поставить чашку на прикроватный столик, но вместо этого я сделала первый глоток. Было бы странно не выпить кофе, который заварила для себя. В комнате я была одна. Хотя нет, еще там был кофе.

Модернизм в литературе и истории никогда не казался Шири привлекательным, она закрыла книгу и легла на кровать. Постепенно она погружалась все глубже и глубже в пространство, где одни находят сон, в то время как другие – со-

здают эти самые сны, преследуя свои, исключительно личные цели.

– Не грусти, а то потом будешь жалеть, – произнесла Эфрат, стоя на пороге комнаты.

– Это означает, что «потом» все-таки настанет? – спросил Рахмиэль, стараясь придать голосу оптимизм.

– Всенепременно. – Эфрат закрыла за собой дверь. Комната Рахмиэля, как и ее, была довольно скромной, если можно считать скромными музейные интерьеры. Он сидел на краю кровати и смотрел на все еще стоящую в дверях Эфрат.

– Сколько мы будем... ждать? – Он не был уверен в том, что именно происходит, а потому предположил, что какое-то время у них есть на то, чтобы прийти в себя.

– Зависит... смерть, как известно, ездит быстро. А мы вот все еще живы.

– Все так серьезно?

Эфрат подошла к нему и положила руки на его плечи, чтобы прижать к себе. Странно, но он никогда не замечал холода, который, по словам Гедальи, так и скользил по пальцам вампирши, оставляя за собой аромат холодных белых цветов. Для него она всегда была... обычной. Теплой, нежной, любящей. Даже тогда, когда ему казалось, что открыть глаза уже не суждено. Он положил руки ей на бедра, прижал к себе еще сильнее, ее золотые волосы как будто обнимали его в ответ. Эфрат всегда шутила, что они живут своей собствен-

ной жизнью. Ее шутки, однако, никогда не казались тем, чем являлись. Рахмиэлю было удивительно спокойно. Так, как будто он ждал этого столько, сколько себя помнит.

– Так сколько у нас времени?

– Не знаю, – ответила она, медленно опуская его на кровать.

Прикосновения ее губ как будто заключали его в пространство, где он был совершенно другим, где он был собой, где было только то, что важно. Ее податливое тело, отзывалось на его прикосновения, спина выгибалась, пока его пальцы скользили по ней вниз, задевая кожу чуть заостренными ногтями. Сейчас Эфрат обнимала его ногами, и это было его любимое из объятий. Их губы соприкоснулись, он ожидал, что, как и обычно, почувствует вкус собственной крови, но этого не случилось. Вместо этого Эфрат слегка отстранилась и положила пальцы на его подбородок, что-то странно спокойное было в ее взгляде.

– Скажи, а если бы...

Договорить ей не пришлось. За дверью раздались нарочито громкие шаги, и через минуту в дверь постучали.

– Вас желают видеть, – сообщил голос, с хозяином которого они уже встречались. И, в каком-то смысле, скоро снова встретятся.

Эфрат и Рахмиэль вышли из комнаты и последовали за дворецким. Если и был в их недолгой совместной жизни лучший момент, чтобы держать друг друга за руки, то это был

ТОТ МОМЕНТ.

– Я не хочу рассказывать тебе о тех, с кем тебе предстоит сейчас встретиться. – Она сильнее сжала его руку. – О них ходит множество легенд и все, как известно, правдивы. Я расскажу короткую версию. Старейшины говорят, что вампира делает вампиром Тьма, бесконечное полотно, усеянное звездами, часть которого живет в каждом из нас, и потому мы ходим по земле ночью, чтобы быть ближе к источнику своей силы, мы есть везде, где есть тьма, потому что мы – ее часть. Мы можем слиться с ней, обернувшись туманом, и можем снова стать собой, появившись заново в любой точке, где есть тьма. И как ты знаешь, – продолжала Эфрат, – этот мир любит баланс. И там, где есть существа, созданные тьмой, обязательно найдутся существа, созданные светом. Старейшины называют это Великим Танцем, когда тьма и свет, находя опору друг в друге, день изо дня создают этот мир.

– Это как плохие и хорошие? – спросил Рахмиэль, следуя за ней по тускло освещенным коридорам.

– Нет, и тьма и свет играют за одну команду, на определенном этапе осмысления происходящего все начинают это понимать. Но отвечая на твой вопрос, плохие парни существуют, я называю их паразиты, эти играют только за себя и им все равно, что разрушить, лишь бы оторвать свой кусок. В последние тысячелетия человеческой истории их стало очень много, поэтому ты видишь в мире все то, что ты в

нем видишь.

– Ты помнишь, как это началось?

– Конечно, я там была, – ответила Эфрат, – все началось, когда люди решили, что они не глупее жрецов, и могут найти храмам и храмовому золоту применение получше, что из этого получилось в долгосрочной перспективе ты видишь вокруг сегодня.

– Твой храм был одним из них? – Он держал ее за руку все время пока они шли, ему казалось, так он слышит ее лучше.

– Да, был, – кивнула Эфрат, – но позволь я договорю, у нас не так много времени. Бытует мнение, что вампиры и свет плохо совместимы, в действительности это не так, свет и тьма следуют друг за другом, и если один оступится – другой всегда подхватит. Старейшины не распространяются о созданиях света, но говорят, что те превращаются в то, что нам вампирам нужно больше всего. Совершенно неважно, что именно. Они могут быть лучшими друзьями, незаменимыми ассистентами, или такими же поклонниками приключений, которые последуют за тобой куда угодно, идеальными друзьями или идеальными любовниками для одних, совершенными врагами и преследователями для других. Нам всем нужен кто-то особенный, чтобы прожить свою особенную вечность.

– Особенная вечность звучит хорошо, – отозвался Рахмиэль.

Эфрат вдруг остановилась, повернулась к нему и взяв его

за руки очень медленно и спокойно продолжила говорить:

– Рахи, ты можешь оттуда не выйти. И если Старейшины решат в пользу Гедальи, я ничего не смогу сделать.

– Я знаю, – кивнул Рахмиэль в ответ, – а потому я уверен, они простят нам минутную задержку.

В настенных светильниках горели свечи, их пламя отражалось на коже Эфрат, следовавшей за Рахмиэлем в медленном импровизированном вальсе. В коридоре было тихо, и только звуки их шагов и треск фитилей создавали некое подобие ритма. В этой тишине голос Эфрат зазвучал как шепот стен, как лунный свет, льющийся в окна, как тонкий аромат цветов. Рахмиэлю было сложно поверить, что это и вправду голос, как если бы это было что-то намного старше голоса и самого звука:

There is something
I want to carry through
My life
It's something more
Then you and I

It keeps me awake
Till morning comes
And brings me back
Into your arms

Apart again I need to go

Get back to all the things I know
But I'll stay awake till dawn
To feel you for another hour

Through any distance
Any time
Just stay with me
Where ever I am
Remain close
To my heart
And even closer
Is not enough

Just stay with me
Where ever I am
Through any distance
Any time

No matter what
The day will bring
You are my home
And my dreams

I want to watch you
All night long
And an hour more

An hour more

Sometimes I don't
Believe you're real
And so am I
And all between us

I stay awake
I watch you sleep
You are my dream
And you are real

Она готова была поклясться, что даже невозмутимый дворецкий как-то изменился и, возможно, предпочел бы раствориться в пространстве, чтобы избежать неловкости. Рахмиэль, напротив, был столь же спокоен, как и по дороге в особняк. Это спокойствие одновременно завораживало и настораживало Эфрат. Но она сделала скидку на то, что смертные быстро ко всему привыкают, и что ветер вечности обязательно собьет их с ног.

– Это новый текст для песни?

– Да, тебе нравится?

– Очень.

– Госпожа. – Дворецкий открыл перед ней дверь.

Все еще сжимая руку Рахмиэля, она посмотрела на него.

– Рахи...

– Мм?

– Я тоже тебя люблю.

Эфрат отпустила его руку и повернулась к открытой двери, за которой ее ждала знакомая незнакомая неизвестность.

Он ничего не видел перед собой. В комнате было совершенно темно. Знал только, что Эфрат стоит прямо перед ним. По крайней мере, он ведь шел сразу за ней. Проверять не хотелось. По какой-то причине двигаться вообще не хотелось. Как если бы он оказался в месте, где он его не существует, где его настолько мало, что едва удастся сохранять сознание.

– Очень трогательная сцена, — Рахмиэль это услышал или почувствовал? – Невероятно трогательная для той, кто вот уже тысячи лет заслуженно ненавидит все человечество и без устали трудится над уменьшением его численности.

Эфрат молчала. В комнате и правда было темно, но только не для нее. И не для тех, кто сидел перед ней. Она не видела их, потому что их невозможно было увидеть, и при этом каждый, кому они желали показаться, мог без труда их описать. Их лица не были лицами, но взгляд был повсюду. И они видели все.

– Мы глубоко чтим Дом, к которому ты принадлежишь. – И это была правда. – А потому пригласили вас стать гостями нашего Дома.

– Мы благодарны Вам за оказанную честь. – Рахмиэль впервые слышал голос Эфрат таким. И был ли это голос? Он

звучал повсюду, как будто из него состояло само пространство. Вдруг Рахмиэль ощутил холод. Такой, какого не чувствовал раньше. Это был взгляд. Он точно не мог сказать, как понял это, а затем услышал еще один голос.

– Подойди, дитя. Выйди из-за спины жрицы, лишившейся храма.

Услышав это, Эфрат выпрямила спину еще больше и подняла подбородок еще выше:

– Моя госпожа, я есть храм, и пока я есть, храм продолжает жить.

Он снова почувствовал ее голос вместо того, чтобы услышать. И из этого голоса сплеталась реальность. Впервые Рахмиэль как будто что-то разглядел перед собой. Это были высокие колонны с яркой цветной росписью, уходящие рядами вдаль, чтобы привести к алтарю, залитому синим, как небо, светом. Видение растворилось, и его снова окружала тьма.

– Справедливо, – раздался все тот же голос, – и он теперь тоже это знает. А разве нам не пристало хранить свои знания при себе? Подойди же, не прячься.

Рахмиэль сделал шаг в сторону, чтобы обойти Эфрат, и не услышал собственных шагов. Он даже не был уверен, что идет, но точно думал о том, чтобы идти. Сделав, как ему показалось, несколько шагов, он остановился.

Там, где несколько минут назад его лица касались пальцы Эфрат, он ощутил прикосновение, легкое и тяжелое одновременно, как если бы чьи-то нежные пальцы были про-

питаны смертью. Сладкой и желанной смертью, той самой, которой бывают очарованы, любуясь мрамором надгробий, подолгу оставаясь возле них, не то по воле случая, не то по еще чьей-то.

Тишина длилась вечность. Как и все здесь. Эфрат продолжала стоять. Молча. Терпеливо. Ничем не выдавая себя. Она была спокойна, потому что знала, что они оба шли к этому моменту с самого начала, потому что знала, что надо держаться за руки, когда есть такая возможность, и потому что она верила. Верила, когда стены храма сияли красками, верила, когда глотала собственную кровь, верила, когда хватаясь за лунный свет выбиралась из под земли, верила, когда одна эпоха сменяла другую перед ее глазами, верила, когда приходилось скрываться в горах Румынии, верила, когда мир утратил всякую веру. И даже сейчас она продолжала верить. Эфрат знала, что вера творит мир, и пусть через мгновение он мог исчезнуть навсегда, оставив аромат меда лишь в ее памяти, она была спокойна. Она верила и пока она верит, храм есть.

– Уходите.

Тишина звенела, пространство, повиновавшееся лишь мысли и ее силе, расступилось перед ней, когда она протянула к нему руку, чтобы в следующее мгновение увлечь за собой вдоль по полоске тусклого света, пролившегося в открывшиеся двери.

Они снова стояли в коридоре, слушая удаляющиеся шаги

дворецкого.

– Идем. – Так и не выпустив его руки, Эфрат почти бегом прошла коридор, чтобы затем пересечь погруженную во тьму залу, где их шаги эхом разносились во все стороны, и только она знала, до кого они долетают, когда затухают в темных углах. Они молча дошли до спальни Рахмиэля и, несмотря на то, что каждому гостю была отведена своя комната, Эфрат не собиралась сегодня оставаться одна. Они были в самом сердце ночи, это сердце беззвучно билось в ее груди, и сейчас, впервые за долгие сотни лет, она чувствовала, что в этом есть смысл.

– Что ты хотела спросить? – Они уже час молча сидели у окна и наблюдали за движением луны. В другие дни Эфрат называла это «любование луной», а он потом всегда с трудом вспоминал, в чем состояла прелесть этого занятия.

– Я уже не помню...

– Неужто я стал свидетелем минуты слабости?

– Свидетелем, виновником... минуты или пары месяцев, не все ли равно?

Рахмиэль замолчал. Почему-то ему было известно, что это не тот вопрос, на котором стоит настаивать. Так прошла минута, а за ней другая. Луна продолжала плыть по небу, касаясь их призрачным покрывалом своего света. Ему мерещились голоса, а может быть, он и правда их слышал. Язык, на котором они говорили, было сложно разобрать, да он и не старался. В какой-то момент Рахмиэлю показалось, что он

начал их понимать... и тогда она заговорила.

– Я хотела спросить, – Эфрат сделала паузу, потому что слова давались ей нелегко, что само по себе бы было трудно представить всем, кто ее знал, – если бы... если бы... как же это трудно! – Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Тогда он поднялся с кресла, стоявшего рядом, и опустился перед ней на колени, чтобы взять за руку и прижать ее ладонь к губам. Она снова открыла глаза и подняла голову, чтобы посмотреть на него.

– Если бы я предложила тебе остаться со мной, что бы ты сказал?

Что-то не так было в отношениях между этим домом и временем, последнее старательно обходило своим вниманием скромные на первый взгляд комнаты. И сейчас отсутствовало вовсе.

– Но... – начал он, – я же и так с тобой.

– Я имею в виду, – она снова выпрямилась в кресле, – я имею в виду...

– Эфрат, – прервал он ее, чего обычно не случалось, – ты

...

Что-то в лунном свете или в этой комнате противилось не только времени, но и всему тому, на что его тратили, и в подтверждение этому безо всякого стука и прочих церемоний в комнату ворвалась Шири.

Увидев влюбленных в положении, которое любой другой

счел бы весьма двусмысленным, она ненадолго замешкалась. Но лишь ненадолго.

– А вы не сочли нужным сообщить мне, что живы, прежде чем сочетаться священными узами, того, что вы там планируете. Что бы это ни было, – сказала она.

– Узами? – переспросила Эфрат. К этому моменту Рахмиэль уже поднялся и стоял рядом с ней.

– Ну да. – Шири закрыла дверь и подошла к ним. – Разве это не самая распространенная среди смертных поза для священных уз?

– Представления не имею, – ответила Эфрат. – Я не большой специалист в этом вопросе.

– Как и все мы, – поддержала Шири, – впрочем...

– Гедалья? Это кудрявый-то пианист? – не выдержав рассмеялась Эфрат.

– И то верно... – Шири улыбнулась, оценив нежную шутку. – Как бы то ни было, я буду очень признательна вам обоим, если в следующий раз вы соизволите поставить меня в известность, когда вам удастся избежать почти неминуемой гибели.

– Я прошу прощения, – начал терпеливо молчавший все это время Рахмиэль, – что значит «в следующий раз»?

– Вечность известна тем, что всячески избегает времени или держится от него на расстоянии, так что возможностей у вас будет предостаточно. Впрочем, – повторилась Шири и посмотрела на них с той же улыбкой, – ладно, я рада, что вы

живы и, пожалуй, оставлю вас.

Одарив подругу многозначительным взглядом, полным сумеречной иронии, она вышла из комнаты.

– Удивительно, каким драматичным может быть подобный разговор при свете луны и в интерьерах итальянского особняка. Так мы, кажется, о чем-то говорили, — Эфрат повернулась к нему, и то ли полупрозрачный свет луны сыграл злую шутку, то ли голоса, все еще носившиеся в воздухе, подсказали, на что обратить внимание, но сейчас Рахмиэль отчетливо видел перед собой будущее, которое открывалось ему. И ему оно не нравилось. Потому что это было страшно.

В одно короткое мгновение он осознал, что мира, который он знал и по-своему любил, больше не существует, что жизнь, такая простая и полностью оплаченная деньгам родителей, сейчас была невероятно далека, что тогда, в загородном особняке при взгляде на ее портрет он увидел то же самое, что видел сейчас – смерть. Она была повсюду: в прикосновении ее рук, в золоте ее волос, в том как скользил по нему ее взгляд, в ее голосе, которому, как теперь понимал Рахмиэль, он никогда не мог сопротивляться. Вне всяких сомнений, если присмотреться, под ее ногтями можно будет различить запекшуюся кровь, ровно как и в ее волосах, и этот запах... Точно такой же, как в том тупике в ее доме. Рахмиэль знал, что за запах, потому что однажды, когда-то очень давно, он пропитался им насквозь.

– Не строй себе иллюзий, – не произнося ни слова, сказа-

ла Эфрат, – я никогда не пыталась тебя очаровать. Все то, что тебя так пугает, ты искал и находил сам. Ты пришел ко мне, потому что, как и все прочие, искал смерти. Потому что случившееся с тобой невозможно пережить и остаться прежним, потому что когда происходит подобное, люди перестают понимать, зачем им жить дальше. – Она смотрела на него, смотрела прямо в глаза и видела, как не сходя с места, он становится все дальше и дальше.

Молчание. Молчание всегда вне времени и всегда преодолевает пространство быстрее всех прочих.

– Ты чудовище... – Он все еще стоял рядом с ней, но старался не поднимать на нее глаз.

– Это так, – кивнула она, – по крайней мере, это преобладающее мнение. Вопрос, кто ты? Ведь ты пахнешь смертью ничуть не меньше меня.

– Нет, это не так.

– Не так? — Эфрат удивилась настолько едко, насколько позволяли приличия и правила этикета. – Тогда что привело тебя в мой дом? Мальчик, который кричал «Крек»?

Рахмиэль снова повернулся в ней. Ее лицо казалось таким же, как и всегда, и при этом изменилось до неузнаваемости. В комнате царил тьма, но ему не нужно было видеть. Он знал, знал что за этими изогнутыми губами есть острые клыки, которые каким-то образом остаются невидимыми для всех, кто ее видит, знал, что ее кожа иногда бывает цвета пепла, если она долго не ест. Он отчетливо помнил,

как она открывала пакеты с донорской кровью, как если бы это были пакетики с соком, а в его ушах все еще раздавались звуки аппаратов, вернувших ему жизнь после того, как этот монстр чуть ее не отнял.

– Эфрат...

– Да? – отозвалась она, не давая себе труда пошевелиться.

– Мне очень жаль, что так получилось...

– А мне-то как жаль... – Приличия, она всегда помнила о приличиях, может быть, даже больше, чем о самой себе.

– Это не должно было зайти так далеко.

– И, дай угадаю, ты правда не хотел, чтобы так получилось?

Рахмиэль молчал. Она рассматривала его рубашку, хотя ведь это была ее рубашка, одна из самых любимых, из тонкого черного хлопка. Такая мягкая на ощупь.

– Я пойду. — Эфрат наконец поднялась с кресла. – Может быть, еще увидимся.

Она вышла из комнаты, оставив его наедине со временем, которое ему осталось. И никто не мог точно сказать, сколько времени осталось с ним в комнате.

– Мне кажется, или ты бледнее обычного? – Шири открыла дверь до того, как Эфрат успела постучать.

– Я голодная, – сообщила Эфрат, заходя в комнату. Они были одни. – А где Гедалья?

– Там, куда его проводили сразу по прибытию.

Эфрат вопросительно посмотрела на подругу.

– Я старше тебя, – ответила Шири на ее немой вопрос, – но если ты голодна, то здесь есть целый мини-бар.

– Подойдет, – безразличноотреагировала Эфрат и подошла к стенному шкафу, вырезанному, как и вся остальная мебель, из цельного дерева. Когда-то очень давно. Пластиковые пакеты были аккуратно сложены на подносе за небольшой приоткрытой дверцей. Она взяла один из них, открыла и осушила не отрываясь.

– Как идет? – Шири пристально смотрела на нее.

– Ты о чем?

– О внезапном прозрении, конечно.

– Откуда ты знаешь? – Эфрат открыла пакет с кровью и сделала большой глоток.

– В противном случае ты бы сейчас ужинала не этим сухим пайком. Еще раз, я старше тебя, – ответила Шири.

– Процесс пошел, – нехотя ответила Эфрат, опускаясь на один из стульев, окружавших стол в центре комнаты.

– Ставки делать будем? – спросила Шири, садясь на стул рядом.

– Ставки?

– Свадьба или казнь. Так или иначе, повеселимся!

– Ты права. Когда ты права, ты права. – Эфрат протянула ей второй пакет. – Будем.

– О! Я любить крек! – Шири, взяла из ее рук запечатан-

ный пакет и слегка подняла его вверх в знак благодарности. Кольца на ее пальцах издавали приятный щелкающий звук, когда касались друг друга.

Они обе сделали по глотку живительного багрянца. И может быть – только может быть – у него был легкий привкус крека.

– Нам нужно больше народу для таких посиделок, – наконец произнесла Эфрат.

– Тебе не хватает массовки?

– Мне не хватает...

– Меня! – Эфрат не успела договорить, потому что в этот момент дверь распахнулась и на пороге появилась высокая и стройная рыжеволосая девушка. Ее тело закрывали длинные черные одежды, больше напоминавшие балахоны странников пустыни, а потому не сразу можно было понять, что это вовсе не девушка.

– Раз... – тихо произнесла Эфрат и обе вампирши отвернулись от двери.

– Здравствуйте! Меня зовут Раз. Мне можно все, всех и одновременно, – сказала уже совсем не девушка, в несколько шагов преодолев расстояние от двери до стола, – Эфрат. Эфрат, дорогая, приди же в мои объятия.

– Какого черта тебе здесь надо, мелкая парижская шлюха? – Эфрат сжала пакет со своим ужином в руке, так, что фонтан алых брызг разлетелся во все стороны, несколько капель осели на лице внезапного гостя.

– А я вижу, память твоя не спит с другим. – Прикосновением тонких белых пальцев Раз стер со щеки каплю крови. – В отличие от тебя самой. – Он облизал кровь с пальцев.

– Завидуешь? – поинтересовалась Эфрат.

– Еще бы... твои каблукы невозможно забыть.

– Я не знаю, способны ли вампиры краснеть, – вступила в разговор Шири. – Возможно, я войду в историю именно благодаря этому, но пока подобного не случилось... Вы так громко думаете и такое, что мне тоже захотелось попробовать.

– Дамы, я знал, что мы придем к соглашению!

Одним движением, едва заметным глазам смертного, Эфрат схватила край черного балахона и подняв в воздух его хозяина, швырнула в стену обоих. Только чтобы через мгновение ее собственное тело ударилось о противоположную стену, с легкой и изящной руки обладателя рыжих кудрей.

– А я и не знала, что в Париже и правда случается любовь, – прокомментировала Шири, которая с энтузиазмом и благодарностью наблюдала за летающими через комнату телами, запивая это достойное во всех отношениях зрелище первой отрицательной, по крайней мере, именно так было написано на выжатом пакете.

– Это было давно, – отозвалась Эфрат, и без того короткая юбка которой сейчас устремилась к талии, открывая ценителям чудесный вид.

– И это было отлично. – Раз подхватил ее на руки, и за-

кружил по комнате.

– Это точно. – В ответ Эфрат обхватила его ногами, и смеясь, вытерла окровавленные руки о его лицо.

– А ты по-прежнему прекрасна и по-прежнему невыносима. – Он поцеловал ее в лоб, закрытый выпачканными кровью волосами. – Золото и кровь, такой я тебя и помню.

– Традиции, – Эфрат тряхнула головой, чтобы отбросить со лба пряди волос, – мы должны придерживаться традиций, они сохраняют наше общество.

– Разумеется, именно они, – Шири снова улыбалась, – Раз, – обратилась она к старому знакомому, – мы делаем ставки.

– Слышал. – Он отпустил Эфрат, которая решила не использовать эту возможность, чтобы вернуть юбку на отведенное дизайнером место. Они медленно подошли к столу, и несмотря на избыток стульев, сели на один. Эфрат с комфортом разместилась на его коленях.

– Я вообще слышал много интересного. Не изволите ли объяснить? Хотя бы в общих чертах.

– Можно начать с того момента, как вы двое познакомились, – поддержала Эфрат, всерьез подумывавшая доесть то, чем так расточительно украсила лицо Раза.

– Мы вместе охотились. – Шири, кажется, и правда не придавала значения этому факту.

– Да. Только смерть, ничего личного, детка. Так что не ревнуй. – На этот раз он нежно поцеловал Эфрат в самый

кончик носа.

– Тебя-то? Вот уж нет уж. – Она улыбнулась и прижалась к нему, медленно укутываясь в черные ткани одежды. – Ты мой.

– Как и ты – моя, – ответил он.

– Да что здесь происходит? – наконец спросила Шири.

– Мы женаты, – ответила ей Эфрат, которую вообще похоже ничто не смущало.

– А... ну, нормально, нормально, – у Шири не было слов, которые могли бы в равно степени выразить ее удивление и его отсутствие.

– Уже давно, – добавил Раз, – но это не то, что ты думаешь.

– Да, мы просто друзья, – поддержала Эфрат, – а дайте мне второе блюдо.

Шири медленно поднялась с кресла, чтобы принести ей новый пакет донорской крови из бара.

– А женаты вы, потому что кто-то хотел скрыть свою нетрадиционную ориентацию?

– Нет, – Раз перехватил пакет, который рассекал воздух в полете в сторону Эфрат и передал его супруге.

– Вы женаты, потому что кто-то хотел скрыть свою традиционную ориентацию? Это встретило бы во мне куда больше понимания. – Шири взяла еще один пакет для себя и вернулась к столу.

– Нет, – Эфрат открыла пакет зубами и сделала большой глоток, – мы женаты, потому что мы этого хотели.

– Так точно, – Раз улыбался окровавленной улыбкой. – Жить не могу без этой сумасшедшей стервы. На протяжении нескольких счастливых столетий она была моим медвежонком, без которого нельзя было уснуть.

– Тогда почему, позвольте поинтересоваться, вы так долго не виделись? – Шири тоже открыла свою вторую порцию.

– Мы слегка повздорили, да, милый?

– Да. И я сжег ее дом, – его смех, должно быть, слышал весь дом и еще пара соседних кварталов.

– Это был мой любимый особняк! Ты невыносим. – Эфрат тоже рассмеялась и кровь, все еще наполнявшая ее рот, снова полетела в лицо супругу.

– Я был невыносим, потому что ты была невыносима, – на брызги крови он уже никак не отреагировал. – А еще я чувствовал явную конкуренцию со стороны этой сомнительной постройки. Ты проводила больше времени за оформлением его интерьеров, чем за оформлением меня. Ну и другие нюансы были.

Эфрат вопросительно посмотрела на него.

– Ты за одну ночь опустошила половину деревни и вернулась домой, оставляя за собой кровавый след. Ты открыла двери дома, оставляя на них кровавые разводы и запустила неизвестной оторванной головой в стену, – он прервался, чтобы сделать глоток из пакета, который Эфрат почти опустошила, – и попала ею в уникальный китайский фарфор!

– А... – решила вмешаться Шири. – Если бы это была

известная голова, это бы меньше ранило твои чувства?

– Не знаю, – ответил он. – К тому моменту выбор был небольшой: сжечь деревню или сжечь особняк, чтобы люди думали, что мы сторели вместе с ним. Ну вот зачем, скажи, ты это сделала?

– Ты думаешь, я помню? – Эфрат осушила пакет и бросила его на стол. – Привычка, должно быть.

– Разумеется, в любой непонятной ситуации...

– Иди опустошать деревню! – Двери снова распахнулись, и на пороге появились новые гости. А все новое, как известно, хорошо или не очень забытое старое.

– Да что за проходной двор-то... – тихо прошептала Эфрат.

– Что мы все тут делаем? Вот это вопрос, которым стоит задаваться, – так же тихо прошептала Шири, и уже громче добавила:

– Я не верю своему счастью! Овадия, друг мой! – Она поднялась и подошла к дверям, чтобы поприветствовать старого приятеля.

Старого почти во всех смыслах слова. Хотя сегодня было бы уместнее сказать, элегантно возраста. Овадия и правда являлся воплощением элегантности, как если бы кто-то тщательно выбирал гардероб по принципу «что бы выбрал человек, имеющий неприлично много денег и хороший вкус». Его отличали высокий рост и пронзительные голубые глаза, впрочем, среди немцев он без труда мог затеряться, чем и

пользовался вот уже сколько столетий.

– Лия! Как давно мы не виделись! – Шири подошла к стоявшей за спиной Овадии внешне юной особе, локоны которой были цвета сухой пшеницы, а пышную грудь не мог бы скрыть ни один предмет гардероба, даже если бы Лия пыталась это сделать. Она была из тех, кто умел просто жить и получать от этого удовольствие. И Овадия с не меньшим удовольствием поддерживал ее увлечения, украшая ее приятными взгляду и прикосновению вещами. Всем своим видом Лия напоминала куклу. Не настоящую куклу, которую передают из одного поколения другому, чтобы та сохраняла дом и семью, а одну из тех кукол, которые привлекают яркими красками, а потом вызывают недоумение своей бесполезностью.

– Счастлива снова видеть тебя, – ответила Лия. Кто-то мог подумать, что она устала или вовсе не рада быть там, где находится. Но это было бы ошибкой. Лия просто так разговаривала. Ей было безразлично все, кроме нее самой.

– Моя богиня! – Овадия стремительно приблизился к Эфрат, лежавшей на муже, как на кресле. Безо всякого стеснения и юбки. – Вы прекрасны, как и всегда. Распоряжайтесь своим покорным слугой как вам захочется. – Овадия поцеловал протянутую ему руку и не без удовольствия поднял глаза на предмет своего восхищения. Богиня благосклонно улыбалась и не спешила подниматься со своего весьма комфортного не то трона, не то святилища. Предназначение Ра-

за у многих вызывало вопросы. Может быть, даже у самого Раза.

– Счастлив видеть тебя, дорогой друг. – Овадия слегка поклонился Разу, учтиво и старомодно, как подумали бы многие, но Раз только слегка наклонил голову в ответ.

– И теперь, когда все в сборе, – обратилась к присутствующим Шири, – давайте перейдем к делу.

– Или к телу, как пойдет, – поддержал Раз.

– Раз, твои шутки не заострит даже тысяча лет. – Лия прошла мимо супругов, демонстрируя все возможную утомленность жизнью в целом и их счастьем в частности.

– Овадия, мой прекрасный немец, почему ты держишь при себе это несносное создание? – И Шири можно было так говорить — Лия была самой младшей из присутствующих и, как ни странно, они были довольно дружны.

– Она милая, – пожал плечами Овадия, которому Лия уже принесла ужин и бокал к нему.

Никто никогда не интересовался, как Лия и Овадия нашли друг друга. Ходили слухи, что это он нашел ее, в высоких горах Норвегии, за что чуть не поплатился головой. Видимо в этот момент невысокая блондинка и покорила его сердце, в конце концов, что еще могло случиться, когда встречаются два вампира.

– Свадьба или казнь! – констатировал Раз.

– И мы делаем ставки, – добавила Эфрат.

– Оспариваю, – ответил Овадия. – Ты уже замужем, а се-

годня все не так просто с двойным браком.

– Да, поверьте ему, – покачала головой Лия, – он знает, о чем говорит.

Овадия сделал вид, что не услышал.

– А мы, вот кажется, что-то упустили, – и Шири ни на секунду в этом не сомневалась.

– Упустили и немало, но если мы начнем этот разговор, к его окончанию мы сами превратимся в Старейшин. – И Овадии было можно поминать последних всуе и в их собственном обители.

– О, да! Ты всегда был магнитом для женщин, – Эфрат сделала небольшую паузу, – и мужчин.

– Ты ничего не докажешь, – парировал Раз.

– Его фото на заставке твоего телефона! – предположила Эфрат.

– Откуда ты знаешь?

– Да ладно, – Эфрат повернулась к нему, – да не может быть! Серьезно?!

– Что сказать, – Раз вынужден был сознаться, – кто из нас может устоять перед двухметровыми немцами?

– Вообще никто, – ответила Шири, – мы все в этом клубе. Но давайте уже ближе к телу. К делу. Которое в перспективе может стать телом.

– Или двумя телами. – Эфрат посмотрела на подругу.

– Или двумя телами, – вынужденно признала Шири.

– Кто вообще сказал, что нам нужны новенькие?

– Лия, если бы кому-то время от времени не захотелось разбавить атмосферу новыми лицами, тебя бы тут не было, – доходчиво объяснил Раз.

– Мой супруг груб и несдержан, – сказала Эфрат, обнимая упомянутого супруга. – Вы должны извинить эту невыносимую сволочь.

– Только после вас, моя богиня, – отозвался Овадия.

– Проницателен, как всегда. Может быть, напомнишь мне, в чем еще ты хорош?

– Раз! – Лия метнула в него пустой пакет из-под ужина.

– Да что за вечер такой, я весь в крови, а так толком и не ужинал, – возмутился рыжий вампир.

– И мы во всем обвиним тебя, – Эфрат протянула ему свой третий пакет, в котором оставалась еще добрая половина.

– Так, стоп. – Шири пришлось их прервать. – Я счастлива, что мне открылось столько доселе неизвестных фактов...

– А я уже просто игнорирую все подобные факты сегодня, – отмахнулась Эфрат.

– Эфрат, позволь. – Шири словила недовольную гримасу подруги, но наконец стало тихо и она продолжила:

– Мы все здесь не потому, что так решили, и не потому, что нам нужны новые лица. Мы здесь, потому что Эфрат...

– Сожгла город! – предположил Овадия.

– Опустошила город, – предложила свою версию Лия.

– Скупила пол города, – добавил Раз.

– А затем опустошила и сожгла, – подытожила сама Эф-

рат. – Увы, но нет.

– Эфрат нашла нечто... – начала было Шири.

– Оно само меня нашло.

– Неважно. Она нашла нечто, что, как бы это сказать, сумело выжить, – подытожила Шири.

Тишина снова наполнила комнату. И это была не та звенящая тишина, с которой хорошо знакомы люди, это была густая, плотная тишина. Которую никто не хотел нарушать.

– А Шири, – наконец зазвучал голос Эфрат, пытавшейся перевести стрелки, – Шири завела питомца, на котором не заживают мои укусы.

– Но они и не должны, – устало отозвалась Лия, – он же человек. Они регенерируются, только если умеют, а все, кто умеют, держатся от нас подальше.

– Как и всякая разумная форма жизни. И тем не менее, – Овадия прервал свою очаровательную, но недальновидную спутницу, – ты ведь наверняка давала ему свою кровь, Шири.

– Да, и это одна из причин, по которой мы здесь. Я хочу, чтобы он стал одним из нас.

– Я не слышу уверенности в твоём голосе, – Раз смотрел на нее, стараясь понять что-то, что понять пока не мог.

– Укусы не заживали даже когда я поила его своей кровью, – подчеркнула Шири.

– Какие-нибудь еще новости? – спросил Овадия, осушив свой бокал. – Устойчивые к нашей притягательности люди?

– Прекращение войн, – поддержала его Лия.

– Гетеросексуальные подростки... – мечтательно добавил Раз.

– Давайте не будем выходить за рамки возможного, – прервала их Шири.

– Поддерживаю, гетеросексуальность любого возраста лежит далеко за рамками моих возможностей, – откликнулась Эфрат. И тут же добавила:

– И понимания.

– Как и сама концепция возраста, моя богиня, способная в древности своей тягаться с задницей Антарктиды. Позволь наполнить для тебя бокал. – Овадия встал, чтобы вытащить из бара еще несколько пакетов и высокий прозрачный бокал.

– Прошу прощения, – отозвался Раз, – но наличие у Антарктиды задницы не было документально установлено.

– К чему эти хлопоты, – ответил Овадия и кивнул в сторону Эфрат, – вот она сидит.

– А ты тогда стар как задница Сфинкса! – ответила Эфрат и продемонстрировала ему покрытый кровью язык.

– Наличие задницы у Сфинкса, тем не менее, установлено, – поддержал супругу Раз.

– И я не хочу знать, как это случилось, – мрачно отозвалась Лия.

– Вы ничего не докажете! – одновременно ответили Раз и Овадия.

– Господа! – Шири снова пыталась вернуть внимание собравшихся. – И дамы. Кто-нибудь слышит меня? У нас про-

блема. Две.

– И одно решение, – Раз принял протянутый Овадией бокал и поднес его ко рту Эфрат, – разобраться наконец, почему задница считается самой древней частью чьего-либо тела.

– Как я по вам по всем скучала, – буднично отметила Лия, и сделала глоток из своего бокала, – в сущности, мы могли бы наполнить ими обоими бокалы, избавиться от тел и продолжить жить счастливо.

– Это не решение, это расточительство. Мы не можем позволить себе вот так разбрасываться любопытными артефактами. – Шири давно покончила с трапезой и теперь не без удовольствия наблюдала, как Эфрат продолжала свою.

– Безусловно, так и начинаются все истории со счастливым концом...

– Лия, когда твои идеи будут хотя бы немного аргументированы – дай знать.

– Раз, полегче, Лия старается. – Овадия не обязан был вступаться за спутницу, но исправно проявлял заботу о ней. – По-своему Лия права. Сейчас у нас все хорошо. Нужны ли нам перемены? И что могут принести нам подобные перемены?

– У меня есть другой вопрос, – Эфрат вытерла кровь с подбородка небрежным движением руки, – тут все знакомы с Шири, так?

– Видимо да, – ответил Раз.

– Как так получилось, что до недавнего времени я ни ра-

зу о Шири не слышала? И познакомилась с ней «случайно» в случайном же клубе?

Повисло молчание. Собравшиеся переглядывались между собой.

– Я думаю, ответить на этот вопрос предстоит самой Шири, – она приготовилась отвечать, удобно разместившись в кресле и закинув ногу на ногу. Даже сейчас на Шири были туфли на высокой острой шпильке, она выглядела точно так же как в ту ночь, когда они с Эфрат впервые встретились. – Мы все действительно давно знакомы, и у каждого из нас довольно занимательная биография. Ну, или почти у каждого, – она лукаво посмотрела на Лию.

– Ой, я тебя умоляю... – та закатила глаза и запрокинула голову, так что кукольные соломенные кудри рассыпались по ее нежным белым плечам. Овадия слегка улыбнулся.

– Так вот, все мы давно знаем друг друга, как все мы каким-то образом давно знаем Старейшин, хотя мы узнали их задолго до того, как встретились с ними лично. Среди нас есть мнение... – продолжала Шири.

– У которого нет определенного автора, – отметил Раз, подняв голову к потолку.

– Прошу прощения, Раз полагает, что все мы связаны единой нитью. Или, что еще хуже, все мы, по сути, одно существо, – продолжила Шири.

– Что вовсе не означает, что теперь мы все должны одеваться как дорогие проститутки и вести себя как дешевые

только потому что Шири так делает, – Раз довольно улыбался, за что получил укоризненный взгляд Овадии, – нет, ну а что?

– Может быть тебе стоит попробовать, – парировала Шири, – вспомнишь молодость.

– Подводя итог сказанному, если в наши ряды волеется не то сознание или сознание ненадлежащего качества, то пострадают все, как единые организм или одно существо, куда более высокого порядка чем все мы по отдельности. – Закончил мысль Овадия.

Эфрат с интересом слушала и пока не слышала ничего нового. Но что-то в воздухе подсказывало ей, что речь тут все не о ней и не об их с Шири знакомстве, и даже не о ком-то присутствующем в комнате.

– И оно смотрит на мир нашими глазами, – дополнила Эфрат. — Именно так мы когда-то говорили о богах.

– Очень похоже, да, – согласилась Шири, – Разница лишь в том, что между твоим сознанием и сознанием божества разница все же есть, в то время как для нас разницы нет. Каждый из нас может слышать и знать то, что слышит и знает другой, если возраст позволяет...

– Ваши инсинуации начинают утомлять, – перебила ее Лия.

– Что ж, тогда у меня нет для вас хороших новостей, вы бы слышали это... – рассмеялась Эфрат. Все знали, что в этой комнате она была знакома со временем дольше других.

– Озари же нас светом своего знания, моя бо... – начал было Овадия.

– Да прекрати же! – не выдержал Раз. – Формально мы с ней давно мертвы, но смерть, как известно, не повод для развода, и я выражаю неудовольствие твоей склонностью обожествлять мою супругу.

– А в эти медные кудри когда-нибудь закрадывалась мысль, что я делаю это не без повода? – Овадия вопросительно посмотрел на него.

– Что закрадывалось? – переспросил Раз.

– Ты все равно не знаешь значения этого слова, дорогой. – Эфрат похлопала Раза по щеке. – Шири, извини, мы сегодня особенно невыносимы. Пожалуйста, продолжай.

– Благодарю, – ответила Шири, которая уже сомневалась, что ей дадут возможность снова заговорить сегодня. – Так вот, мы долго ждали, пока ты, Эфрат, как бы это сказать деликатно ...

– Не существует способа деликатно сказать «прекратишь быть бешеным чудовищем», – помог ей Овадия.

– Моя супруга чрезвычайно разносторонняя личность!

– Заткнись, дорогой. Шири, пожалуйста.

Шири кивнула в знак благодарности.

– И вот, после довольно долгого ожидания, сменилось несколько эпох и тысяча фасонов тужель, мы пришли к выводу, что этого не случится и мы готовы рискнуть.

– Рискнуть? – переспросила Эфрат.

– Да, присоединив твое сознание к общему, мы рискуем, все мы, – и снова этот голос как будто заполнял собой все вокруг, перекрывая и вздохи Лии, и тихий смех Раза, и даже мысли Овадии. – Ты видела, что случилось с Гедальей.

Эфрат молчала. Очевидно, что этот разговор только начинался.

Раз вышел из комнаты, неплотно прикрыв за собой дверь. Ему не нужно было долго вглядываться в темноту коридора, чтобы различить в ней человеческий силуэт.

– Я слышал, что ты уникален, – обратился Раз к скрывающемуся во мраке, – но вот подслушивать занятие далеко не оригинальное. И к тому же, больше по моей части.

В несколько быстрых шагов он пересек коридор и через несколько мгновений уже стоял перед Рахмиэлем, который тут же узнал медные кудри и полыхающие янтарным огнем глаза.

– Привет, – произнес Раз, – мальчик, который выжил. Дважды.

– Привет, – отозвался Рахмиэль. – Ты Раз, верно? Муж Эфрат?

– Да, полагаю она не упоминала обо мне раньше.

– Вслух – нет. Но от ощущения твоего присутствия очень непросто избавиться, – ответил Рахмиэль, он пока не знал, что по натуре Раз был таким же легко воспламеняющимся, как и его супруга. В следующий миг, тонкие пальцы Раза уже

вцепились в горло Рахмиэля и поднимали последнего над землей.

Дышать было не то что трудно – невозможно, перед глазами становилось темно, и только искры разлетающиеся из глаз Раза помогали сохранить контакт с реальностью. Рахмиэль перехватил его руку, пытаясь ослабить сомкнувшуюся на горле хватку.

– А я слышал, тебя начали одолевать сомнения, – пальцы вампира сжимались все сильнее, – Что это? – медленно произнес Раз, разглядывая лилию на руке Рахмиэля, и явно ожидая ответа, – ах да ...

Раз отпустил Рахмиэля и тот медленно опустился на пол.

– Так что это? – Раз повторил свой вопрос.

Какое-то время Разу пришлось слушать кашель в ответ.

– Раз! – раздался голос Эфрат, – что по-твоему ты делаешь?

– Я? Веду непринужденную беседу, – ответил Раз.

– И почему твой собеседник задыхается?

– Волнение, – развел руками рыжий вампир.

– Такое чувство, что я все пропускаю, – показался в дверях Овадия.

– Ничего необычного, только беспардонное поведение моего будущего бывшего мужа, – произнесла Эфрат.

К этому момент кашель Рахмиэля начал затихать, но этого никто не заметил.

– И это то, что я слышу спустя почти столетие разлуки, –

сокрушался Раз, – ни тебе объяснений, ни цветов, ни прощального секса!

Рахмиэль снова закашлялся.

– Раз, мы расстаемся потому что я так хочу, – спокойно ответила Эфрат, опираясь на открытые двери.

– Ах да! Меня зовут Эфрат и я делаю все, что захочу! – продолжал Раз.

– Я надеюсь, это не должно было стать сенсацией, потому что если так, то это провал столетия, – сдерживая смех прокомментировал Овадия.

– Раз, мы бы все равно расстались, при участии Рахмиэля и без такового, – все также спокойно произнесла Эфрат.

– Да, кстати, о твоём милом питомце, – Раз посмотрел на стоящего перед ним человека, – я уже где-то видел такие табуировки.

– Ты преувеличиваешь, – отмахнулся Овадия, – люди сейчас покрываются надписями раньше, чем заканчивают школу.

В темноте и в тайне от собеседников Овадия и Эфрат обменялись взглядами.

– Задница Сфинкса! – произнес Раз, возвращаясь обратно в комнату.

– Эту загадку тебе не разгадать, заходи давай, – ответил Овадия, пропуская его в двери, – нам все еще есть что обсудить.

– ... и Старейшины сожгут нас вместе с этим особняком, – заключила Лия.

– Нет, сжигать особняки – это фишка моего мужа, – отклонила предположение Эфрат.

– Конечно, ты-то сразу городами берешь, богиня... – Овадия тихо рассмеялся и лукаво посмотрел на Эфрат.

– Ну прости меня! Долго ты еще будешь мне это вспоминать?

– Гамбург девятнадцатого века всем нравился, так что ответ «да»! – У него имелось свое чувство юмора. И Эфрат его полностью разделяла, оно стоило Гамбургского поджога. А вот стоит ли предстоящая им игра свеч, она не была уверена. Только решение принимать уже не ей и никому из присутствующих.

Эфрат наконец поднялась, даже не думая при этом поправлять юбку, все еще украшавшую ее талию. Она справедливо полагала, что если Agent Provocateur оценивают свою работу не меньше, чем ювелиры, то нельзя лишать окружающих удовольствия созерцать произведение искусства. В конце концов знаменитое: «Каждый должен быть произведением искусства или носить произведение искусства» записала в блокноте Оскара именно она.

– Дорогая, – Раз тоже поднялся и взял ее за руки, – есть привычка, а есть правила чести. Нельзя быть, и я знаю, у тебя имеется масса весомых аргументов в пользу обратного, но нельзя быть с двумя мужчинами одновременно.

– Нет, – ответила Эфрат, сжимая его руки. – Ты *не* знаешь, сколько весомых аргументов по этому поводу у меня есть.

– Держу пари, у твоей тряпичной куклы в сердце Европы даже есть к ним иллюстрации, сделанные в его маленьком клубе по интересам. – Овадия сделал еще один глоток из своего бокала.

– К этому замечанию мы вернемся позже, – прокомментировала Шири.

– О, еще как вернемся! – Лия выражала неподдельную заинтересованность.

– Лия, пожалуйста! Мы тут пытаемся разводиться и не умереть во второй раз. Тебе и в первый толком не удалось...

– Дорогой, – сказала Эфрат, смеясь, – мне будет не хватать твоего выдающегося интеллекта, который мог бы найти и лучшее применение.

– Никто не знает, любовь моя, никто не знает, чем в действительности занят мой интеллект. – Раз улыбнулся, и кому-то могло показаться, что даже немного грустно. – И так, дорогие собравшиеся...

Все присутствующие также встали.

– Официально я и моя супруга давно мертвы. Как и все присутствующие. Мы живем другую жизнь и в этой жизни я и Эфрат – законные супруги вот уже несколько сотен лет. И сегодня мы просим вас засвидетельствовать прекращение этого союза между нами. – Раз говорил негромко, но слышали все, даже стены и те, кто за ними стоял.

Эфрат закрыла за собой двери. В коридоре было темно, но не настолько, чтобы она не разглядела в темноте его профиль.

– Как получилось, что ты никогда не упоминала о своем муже? – тихо спросил Рахмиэль.

– Не приходило в голову, мы не виделись около сотни лет.

– Ты сожгла Гамбург?

– Не весь.

– Должно быть, это добрый знак, – он рассмеялся, но как-то вовсе без смеха.

Эфрат подошла к нему. Очень близко, так чтобы он снова мог почувствовать холод, заглянуть в глаза и увидеть, что все ее существо – не более, чем иллюзия, сотканная из разрозненных представлений людей о том, как должны выглядеть такие, как она. В какой-то момент Рахмиэлю даже показалось, что эта иллюзия начинает таять, уступая место чему-то совершенно иному, тому, что он ощутил в той комнате, куда их не так давно провожал дворецкий.

– Ты существуешь? – спросил он.

– И да, и нет, – ответила она. – Зависит от того, в какой форме мне удобнее, чтобы ты меня видел, а точнее, какой ты быстрее поддашься.

– И я, я буду таким же?

– Возможно, мы все разные. Но, в любом случае, это произойдет не сразу. Нет даже гарантии того, что ты выживешь.

– Мне уже удалось однажды, – Рахмиэль сделал паузу, – даже дважды.

– И правда...

Какое-то время они молча стояли в темноте. За дверью как будто не раздавалось ни единого звука. Как если бы там и вовсе никого не было.

– Пойдем, – сказала Эфрат и снова открыла двери.

– Но... – Рахмиэль не закончил фразу. Комната, из которой только что доносились громкие голоса и смех, была абсолютно пуста. И только грязные бокалы, окруженные пакетами из-под донорской крови, свидетельствовали, что здесь кто-то был.

– Да, здесь нам не обязательно придерживаться общих правил.

– Здесь ты только что развелась со своим мужем, – задумчиво произнес Рахмиэль, – и что, достаточно просто произнести несколько слов в присутствии свидетелей и столетий брака как не бывало?

– Вампирам свойственно уважение к таким ценностям как слово и честь, для нас сила одного и другого примерно равнозначна. И если я говорю, что больше не хочу быть в браке, я говорю это потому что я имею это ввиду, а не потому что у меня день не задался, – пояснила Эфрат.

– И что, теперь он просто исчезнет из твоей жизни? –

спросил Рахмиэль.

– Просто исчезнуть он не может, нас связывают узы одного клана, который тот еще подарок, – Эфрат картинно закатила глаза к потолку, – мы заботимся друг о друге.

– Но ты исчезнешь из его жизни?

– Это так, – Эфрат внимательно посмотрела на него. Не было никакого объяснения тому, что она испытывала, и тому, что чувствовала тепло, исходившее от него, – ведь как мы уже выяснили, я – чудовище.

– Да, – ответил он, – это так. И я тебя люблю. – Они стояли возле еще открытых дверей, и, если бы кто-то наблюдал за ними издали, то не увидел бы ничего необычного, ничего кроме того, что увидел бы любой, заставший влюбленную пару на фоне заката. – Когда я слышу твой голос, когда я прикасаюсь к тебе, я слышу голос бога. Я вижу, как целые миры возникают и распадаются в твоих глазах, как жизнь, твоя и сотни тысяч чужих, бегут по твоим венам, и как в золоте твоих волос застывают мелкие рубины, хранящие память, и если бы я мог выбирать мир, в котором жить, Эфрат, я бы выбрал тебя.

– Так значит, ты сделал свой выбор?

– Да.

– Тогда скажи мне, чего ты хочешь...

Если есть в мире тайна больше смерти и любви, то это свобода выбора. К дверям никто не подходил, но почему-то они сами беззвучно сомкнули свои створки. Возможно, же-

лая скрыть происходящее от глаз случайного наблюдателя, если бы таковой оказался рядом. Все в этом доме служило хозяевам, у которых были все шансы стать самым могущественным кланом вампиров в Европе.

Наступило утро. И его все проигнорировали. Никого не волновало еще одно утро, прелесть которого они давно перестали ценить, потому что давно обрели другие ценности. Особенно в это утро.

– Подвиньтесь, я должен зайти туда первым! – кричал Раз, распахивая всех собравшихся локтями.

– Ты *бывший* муж, не забыл, – Шири была не согласна с озвученным мнением.

– Прошла всего пара часов! – возмутился вампир.

– Часов или столетий, время – не аргумент. – Овадия подерживал Шири.

– Вы вообще уверены, что нам стоит... что мы можем... что это вообще уместно? – Лия старалась. Все это ценили.

– Да, – Раз облокотился на двери, – я почти уве...

Двери распахнулись, и бывший муж скрылся в темноте.

– Что ж, вопрос решен, – Шири незамедлительно проследовала за ним.

Овадия и Лия молча прошли следом. Двери оставались неподвижны.

Свечи давно погасли, а никто из присутствующих не

любил электрическое освещение. Некоторые предпочтения умудряются пережить своих хозяев. Но сейчас выбирать не приходилось. Кто-то из них зажег свет, очень осторожно и медленно, все что угодно могло быть разоблачено его искусственными волнами.

– Овадия прав, вы – беспардонные плебеи, – раздался голос Эфрат откуда-то с кровати.

– Кх-кхм...

– Прости, Овадия, все, кроме тебя – беспардонные плебеи, – исправилась Эфрат.

– Что ж, по крайней мере, один из них жив, – констатировал Раз.

– А что со мной могло случиться? Ты прямо как тогда, помнишь, – Эфрат села на кровати, так что ее все еще укрытое багряной вуалью лицо стало видно всем присутствующим, – когда ты пытался не пустить меня в церковь, утверждая, что я «перемолюсь»?

– Я выразился фигурально, – отозвался Раз. – Мне не хотелось вот так сразу, в первую же неделю истребить целую деревню и попасть в немилость за излишний аппетит.

– Где Рахмиэль? — сказала Шири за всех.

Эфрат повернулась и откинула покрывало. Рахмиэль лежал рядом с ней. Неподвижно. Никто не произнес ни слова.

– Кто-нибудь хочет поесть? – Эфрат обращалась ко всем и ни к кому одновременно.

Глава седьмая. Выбор

В то утро Рахмиэль не проснулся. Ничего не изменил и наступивший вечер.

– Как дела у моей бывшей супруги? – голос Раз крался к ней из полумрака.

– Как и в последние несколько десятков лет, – неоднозначно отозвалась Эфрат, наблюдавшая в окно ночной пейзаж.

– Прямо как любая из тех ночей, что мы провели вместе, – произнес Раз, подойдя к ней ближе, – высокие окна, городской пейзаж, все тихо и спокойно пока мы по эту сторону окна.

– Ночь никогда не будет спокойной, даже тогда, когда мы остаемся по эту сторону, – ответила Эфрат, наблюдая за плавным течением ночного пейзажа.

– Что же теперь будет делать Эфрат? – задумчиво и почти нараспев задал свой вопрос Раз. – Остаться без мужа и без любовника в один день. Как такое пережить?

– Учитывая, что один из них ты – легко и непринужденно, – язвительно ответила Эфрат.

– Перестань, – Раз заключил ее в кольцо своих рук и Эфрат почти скрылась в черных крыльях его мантии, – ты будешь скучать по мне.

– Нет, Раз, не буду. Как не скучала все это время, – Эфрат обернулась в его мантию и прикрыла глаза.

– У меня есть кое-что для тебя, – произнес Раз, высвобождая руки из черного облака своей одежды, – на память об этой прекрасной ночи.

– Нашел какую ночь увековечить в моей памяти, – ответила Эфрат, не открывая глаз.

Скоро ее шею коснулось что-то прохладное и когда она наконец открыла глаза, в отражении она увидела сверкающую каплю крови, упавшую ей на грудь. Каплю рубиновой крови в окружении бриллиантовых слез.

– Красиво, – Эфрат дотронулась до сверкающего рубина кончиками пальцев.

– Это мои застывшие слезы, чтобы ты всегда помнила, как сильно я тебя люблю, – Раз снова обнял ее.

– Дурак, – не пытаясь высвободиться из его рук, Эфрат улыбнулась и повернулась к нему, – дорогой, мы провели вместе массу волшебного времени. Теперь давай проведем еще больше волшебного времени порознь.

Эфрат мягко отстранилась от него и медленно зашагала по коридору в сторону своей комнаты. Раз остался стоять у окна, провожая ее взглядом. Отчего-то он знал, что она еще не скоро снимет этот рубин.

Оживленные итальянские улицы были залиты солнцем следующего дня, что не вызывало восторга ровным счетом ни у кого. Кто-то из них еще помнил эти улицы несколько столетий назад, и вместо сверкающих больше ценника-

ми чем действительными сокровищами витрин одни видели старый кирпичный фасад и его потрескавшиеся украшения, другие слышали голоса, что когда-то разносились по этим улицам. Только Лия и Эфрат неизменно радовались ни разу не оправдывающему ожиданий блеску новых магазинов и их сомнительной публики.

– Мы обязаны увидеть новую коллекцию лично! И старую тоже, Bottega Veneta находятся в тех же отношениях со временем, что и я.

– То есть? – не поняла или сделала вид, что не поняла, Лия.

– Они вне времени, – пояснила свой восторг Эфрат. – А ты не желаешь обновить гардероб, *ma chéri*?

– Не особо, – отозвалась Шери. Она пристально наблюдала за Эфрат, – но если ты хочешь...

– Хочу! – и в уверенности Эфрат сомневаться не приходилось.

Машина, медленно плывшая по улице, остановилась и они почти незаметно, насколько это было возможно для трех молодых женщин в Италии, скользнули в тень. Нет, они чувствовали себя спокойно под солнечными лучами, но были бы куда счастливее вдаль от них. Эфрат так и вовсе утверждала, что солнечный свет покушается на ее жизнь. Некоторые с ней соглашались.

Эфрат легко толкнула дверь, и они оказались внутри бутика, где царила прохлада во всех смыслах этого слова. Пер-

сонал натянуто улыбался их банковскому счету, и в это приветствие уже было включено холодное шампанское в примерочной и кофе для тех, кто не употребляет алкоголь с утра.

Спустя несколько платьев и разнообразных комментариев Эфрат на тему кружева и его прозрачности, Шири наконец спросила:

– Он проснулся?

– Нет, – ответила Эфрат. И тут же добавила, – видимо, это один из тех случаев, когда мы не можем войти в одну реку дважды.

– Хорошо, что мы можем. Войти, выйти и все без особых потерь, – сказала Лия, примерявшая костюм необычного для нее бежевого цвета, – для нас река времени по большей части остается неизменной.

– Согласна, – и Шери действительно была согласна с этим утверждением.

– Я похоронила тысячу и одного любовника, и столько же любовниц, – отмахнулась Эфрат, перебирая руками кружевной подол легкого летнего платья, – будет тысяча и два.

– Иначе говоря, тысячу и один раз ты не разводилась ради них с мужем, – тихо подытожила Шири, наполняя свой бокал.

– И еще столько же раз в случае с дамами, – напомнила Лия.

– Пожалуйста! – воскликнула Эфрат, – не отравляйте мне удовольствие! Ты не можешь взглянуть на новое платье два-

жды. Это можно сделать лишь один раз.

– Раз всегда говорил, что ты невероятно оторвана от мира. – Шири наполнила свой бокал и теперь наслаждалась комфортом широкого кресла, обтянутого шелком нежно-голубого цвета. – И что за ходом твоих мыслей не уследишь. Но что он понимает...

– Намного больше, чем многие и ничего из того, что доступно твоему разуму, *ma chéri*, – ответила Эфрат.

– Как и все мужчины, – поддержала Лия.

– Тебе, Лия, повезло больше прочих, Овадия всегда был проницателен, – Эфрат примеряла новое платье, – а с возрастом эта черта только усиливается.

– Почему он все время называет тебя «моя богиня»? – наконец задала свой вопрос Лия.

– Что в имени тебе моем? – уклонилась от ответа Эфрат.

Лия посмотрела на Шири, но та лишь лукаво улыбнулась, скрыв это за бокалом шампанского.

– Я вижу, леди отдает предпочтение легкому платью, – отметила консультант, когда Эфрат вышла из примерочной.

– Именно, пожалуйста, найдите для меня что-то похожее, только с более меланхоличным настроением. Как если бы я гуляла по Парижу одна, без видимых перспектив на компанию.

– И пусть для такой синьорины как вы это совершенно фантастическая ситуация, я сейчас же исполню ваше желание. – Консультант удалилась на поиски, оставив Эфрат в

окружении ненавязчивой музыки и зеркала, где она могла видеть себя во весь рост.

– Синьорина... – повторила за ней Эфрат, – ничто не ускользнет от их избирательного слуха. Синьорина...

– И каково это? – спросила появившаяся за ее плечом Шири.

– Как новое платье. Первые десять минут ты не узнаешь себя и жалеешь, что вообще вышла из дома. А затем ты влюбляешься в него и в каждый новый день, что его носишь.

– Очень на это надеюсь, – Шири обняла подругу за плечи, рассматривая вместе с ней отражение в зеркале, и повторила:

– Очень на это надеюсь.

– Тебе невероятно идет этот костюм.

Шири и правда отлично смотрелась в ярко-красном. Простой на первый взгляд крой выделял все достоинства ее фигуры, сосредотачивая внимание зрителя на ней, а не на одежде.

– За это я их и ценю, они умеют подчеркнуть личность, вместо того чтобы восполнять ее нехватку. – Эфрат уже видела, как будет носить это платье долгими и теплыми итальянскими вечерами. Если, конечно, пророчество Лии не сбудется и они все не сгорят заживо в самое ближайшее время.

Вскоре они снова стояли на улице. Дул свежий теплый ветер, он нес с собой аромат цветов апельсина и разговоры, которые шли за десятки и сотни метров от них.

– Так что, пойдём куда-нибудь поесть? – поинтересовалась Шири.

– А ты знаешь какое-то место, где нам будут рады? – спросила Эфрат.

– Не то, чтобы... а помнишь те прекрасные времена, когда можно было бросить на стол золотой и не волноваться о последствиях?

– Ещё как помню, – Эфрат ностальгически улыбнулась. – Предлагаю выбрать заведение наугад и рискнуть.

– Поддерживаю. – Лия поддержала бы любое предложение, способное увести их с улицы – жизни здесь было куда больше, чем она хотела видеть.

– Тогда давайте найдем одно из тех, где дамы полусвета встречаются со своими клиентами, там нас точно никто не осудит, – предложила Эфрат.

– О! Классика никогда не стареет, идемте. – Шири не нужно было долго уговаривать.

Они перешли дорогу под крики и аплодисменты стоящих неподалеку мужчин, и двинулись вниз по улице, чтобы свернуть в неприметный для туристов переулок, скрывавший один из самых дорогих и бессмысленных ресторанов города.

– Столик на троих, – бросила Шири на входе и направилась прямо вперед, не особо разбираясь, куда пыталась их посадить хостес.

Они заняли стол в глубине зала, подальше от солнца, с возможностью панорамного вида на зал, где их вниманию

предлагались самые разные блюда: от свежих по высоким ценам до слегка обветренных с уже сниженным ценником, попадались и редкие экземпляры, подобные выдержанному вину. Все присутствующие то и дело поглядывали на них.

– Лия, узнаешь бывших коллег? – поинтересовалась Эфрат, укладывая салфетку на колени.

– Я бы попросила, – рассмеялась Лия, – мы в окружении профессионалов, а я просто за искусство.

– Овадия всегда покровительствовал искусствам, – отметила Шири.

– Как и ты, – Эфрат улыбнулась ей и лукаво подмигнула.

– Дамы, добрый день, – официантка подошла тихо, стараясь не нарушать ход их беседы.

– Добрый, – ответила Шири, – три безалкогольных мохито, бутылку вашего лучшего красного вина, и ответ на вопрос.

– Если это будет в моих силах, – официантка сдержанно улыбнулась.

– Кого из местных дам вы начали видеть здесь не так давно? – голос Шири снова звучал так, как если бы кроме него в мире не было других звуков.

– Двух блондинок у окна справа, —ответила официантка, уставившись в пространство перед собой стеклянным взглядом.

– Благодарю, несите вино, – ухмыльнулась Шири, подмигнув блондинкам, сидевшим у окна.

– Сию минуту, – официантка удалилась, пытаясь на ходу понять, что только что произошло, но вскоре оставила это занятие.

– Итак, сегодня в меню... Я беру ту, что в красном, – улыбнулась Лия.

– Давай на двоих? – предложила Эфрат.

– Согласна, – Лия встала, лениво и медленно, как обычно, посмотрела на блондинку в красном и удалилась в сторону дамской комнаты.

– Мне выбора не оставили, получается. – Шири недовольно топала туфелькой под столом.

– Ой, не капризничай. – Эфрат встала и последовала за блондинкой, которая, как это ни странно, тоже решила попудрить носик.

– Что ж, кто не рискует, тот на всю жизнь остается с менеджером ресторана и перспективой проститься с той самой жизнью в этом самом ресторане, – с этими искренними и полными неприкрытого смысла словами Шири направилась к столику, где сидела оставшаяся блондинка, в глазах которой отражался не самый высокий в этом заведении ценник, как, впрочем, и не самый низкий.

Когда двери дамской комнаты захлопнулись за тремя милыми леди, Эфрат повернулась, чтобы закрыть замок. Она подошла к блондинке довольно близко, а затем еще ближе. Та сделала шаг назад, а затем еще один, и вот она уже упиралась спиной в стену. Эфрат прижалась к ней и очень близко

к пульсирующей на шее артерии произнесла:

– Я любить крек. У тебя есть крек?

Блондинка не успела ответить, Эфрат уже прижалась губами к ее шее, и вскоре первая багровая капля появилась на тонкой загорелой коже ее дневного лакомства. С другой стороны стояла Лия, поднося к губам запястье девушки.

– Прошу вас. – Эфрат отпустила жертву, уступая место Лии.

– Благодарю, – ответила та и демонстративно оскалилась, открывая искусственному свету чудесное зрелище окровавленных клыков. Если кто-то и умел получать удовольствие от процесса, так это тот, кто меньше всего задумывался.

– Так и тянет бросить сверху несколько монет.

– Ты хотела сказать, банкнот? – Лия отстранилась от оседающего на пол тела и подошла к раковине, чтобы умыться.

– Да, именно. Это все влияние Шири. – Эфрат тоже посмотрела в зеркало, чтобы стереть следы трапезы.

– Говорят, раньше мы не отражались в зеркалах. – Лия вытирала руки теплым полотенцем.

– Правду говорят. Ведь раньше зеркала были настоящими, как и многие другие вещи, – ответила Эфрат.

– Например?

– Да неважно, – отмахнулась Эфрат и щелкнула замком двери.

Лии пришлось оттащить тело в одну из кабинок и закрыть дверь, она хотела спокойно выпить вина. Затем молча после-

довала за Эфрат.

Когда они вернулись в зал, Шири за столиком не было. Как не было и второй блондинки.

– Однако интрига, – сказала Эфрат, садясь обратно за стол.

– Я уверена, эта интрига скоро раскроется, – обоснованно предположила Лия. – Смотри, наше вино уже принесли.

– Я бы удивилась, если бы этого не произошло, – вздохнула Эфрат. – Ты ее видишь?

– Я ее слышу. Как и ты. – Лия расположилась на кресле с выражением полного блаженства на лице, свежая жизнь с легкими привкусом самообмана растекалась по ее венам.

– Да, ей хорошо, – Эфрат попробовала вино и одобрительно кивнула.

Штора, загораживающая выход на балкон, приоткрылась, и из-за нее медленно вышла Шири.

– Что ж, самое время оценить местное вино, – сказала она.

– Ведь местной кухни мы уже отведали. – Лия приподняла свой бокал в знак начала отличного обеденного часа, по окончании которого они оставили весьма и весьма щедрые чаевые, кто-то бы даже сказал, весом в один золотой.

Вечерний воздух был куда приятнее, и Эфрат наслаждалась им через открытое окно машины. Они подъезжали к особняку, ворота которого гостеприимно распахнулись без малейшего участия со стороны возвращающихся. Когда они подъехали ближе к парадному входу, сидевшие в машине

увидели, что их ждут. И это был не только дворецкий.

Овадия, Раз и Рахмиэль стояли у дверей. Чуть дальше от них стоял Гедалья. Шири неслышно рассмеялась.

– Вы знаете, что Овадия – бывший священник?

– Да иди ты! – Эфрат рассмеялась так, что слышно было стоящим у порога.

– Это неправда, – Лия тоже смеялась, – но согласитесь, было бы символично.

– Я протестую. Дайте мне побыть свободной и независимой женщиной, – Эфрат не спешила выходить из машины. Она смотрела на Рахмиэля, одновременно испытывая невероятное облегчение и вместе с тем пытаясь уловить перемены и понять, изменилось ли в нем что-то и что именно. Если бы сердце Эфрат билось, сейчас оно было бы очень занято.

– Ты знала, что он выживет? – спросила Лия.

– Нет, – ответила Эфрат, – каждый сам выбирает, выживать ему или нет.

– Вот как? Не знала. – Лия и правда не знала как это работает.

Эфрат наконец вышла из машины. На первый взгляд Рахмиэль остался таким же, как был, только глаза стали другими: они как будто искрились, переливались яркими медно-золотыми искрами. Эфрат все так же чувствовала аромат меда и тепло, исходившие от него. Он подошел к ней ближе и обнял.

– Рахи... – Эфрат обнимала его, ее пальцы гладили снова

идеальную укладку, – Рахи, ты будешь носить такую прическу тысячи лет, надеюсь, она тебе нравится. – Она улыбалась, и могло показаться, что какие-то незаметные перемены произошли и в самой Эфрат.

– А ты будешь на это смотреть, – ответил он.

– Ты...? Все хорошо? Ну, кроме пожизненного приговора к осветленным волосам?

– Да, все хорошо, – он сделал паузу и поцеловал ее в лоб, – и мне нравится моя прическа.

– Хорошо. – Она посмотрела через его плечо. – Как дела, Гедалья?

– В порядке, спасибо, – отозвался Гедалья без малейшего движения.

Стоявшие вокруг молчали. И только Шири не была так спокойна, как все остальные. Что-то в происходящем настораживало ее.

– Я думаю, нам всем пора вернуться в дом, – и она подкрепила предложение своим же примером. Гедалья тут же последовал за ней. В самых дверях они взялись за руки и молча ушли куда-то в глубь дома.

– Ты голоден? – спросила Эфрат, когда они с Рахмиэлем остались одни.

– Нет, – ответил он. – И, как ни странно, я вообще не чувствую голода, хотя после того, как мы опустошили запасы в трех мини-барах, это неудивительно.

– Мы тоже пообедали. – Она упала на кровать и начала

расстегивать платье. Обычно Эфрат не надевала вещи прямо в магазине, но это платье было особенным. Потому что она не знала, что найдет по возвращению, и оно одинаково должно было подходить для обоих случаев. Ей вовсе не хотелось думать о том, как это опустошение выглядело, но она хорошо помнила себя на его месте. Поэтому Эфрат удивляло, насколько Рахмиэль был спокоен. Слишком спокоен.

– Тебе помочь? – поинтересовался он.

– Безусловно.

Рахмиэль подошел и положил руку на ее колено, его прикосновение казалось таким же теплым, как и всегда. Скоро Эфрат почувствовала это прикосновение выше и выше, и когда она почувствовала его тепло всем телом, ей оставалось только закрыть глаза и улыбнуться.

Эфрат ожидала, что он изменится, что будет вести себя иначе или чувствовать себя иначе, но все было нормально. Как обычно. Только Рахмиэль больше улыбался и больше смотрел на нее.

– Когда я смотрю на тебя, я вижу звездное небо, – отозвался он на ее мысли, – и что-то еще, что я пока не могу объяснить.

Они лежали на кровати, укрывая друг друга своими телами и оба сейчас смотрели куда-то в темноту. Впрочем, это длилось недолго. За дверью снова раздались шаги и остановились. Не нужно было долго думать, чтобы понять, что это означает.

– Вас ожидают, – раздался из-за двери сдержанный голос дворецкого, который готов был ждать сколько понадобится.

– Это за тобой, – лениво произнесла Эфрат.

– За мной?

– Да, иди, поговори с мальчиками, – Эфрат не дала себе труда вдаваться в объяснения, а Рахмиэль не стал просить уточнений.

Через минуту он уже следовал за дворецким вдоль по коридору. Они остановились у слегка приоткрытых дверей. Дворецкий остановился и жестом пригласил Рахмиэля войти. Рахмиэль обнаружил, что стоит на пороге небольшого кабинета, высокое окно не добавляло света в помещение, зато на его фоне сразу можно было различить огненные кудри Раза, стоявшего спиной к дверям.

– Проходи, – раздался голос откуда-то из темноты, скрывавшей Овадию, – присоединяйся к нашей неспешной полночной беседе.

Рахмиэля не нужно было приглашать дважды.

– Надеюсь, мы не отвлекли тебя ни от чего важного, – повернулся к присутствующим Раз.

– Нет, – спокойно ответил Рахмиэль, – когда поступило ваше приглашение все важное мы уже закончили.

Овадия сдержанно улыбнулся.

– Давайте начнем, – Овадия взглядом указал на стоящие в центре комнаты кресла, которые в свою очередь окружали небольшой столик, где стояли три бокала до середины на-

полненные густой бордовой жидкостью.

Рахмиэль сел в одно из кресел и протянул руку к стоящим перед ним бокалам.

– Интересная татуировка, – отметил Раз.

– Эту я сделал не так давно, – ответил Рахмиэль, взяв один из бокалов.

– И что, твоя семья не возражает? – на этот раз в голосе Раза послышалась тонкая нотка ехидства.

– Моя семья ... скорее вызывает массу вопросов, чем возражает чему бы то ни было, – уклончиво ответил Рахмиэль.

– Давай начнем с самых простых, – улыбнулся Овадия, – ведь мы теперь – твоя новая семья.

– Доставшаяся тебе вместе с возлюбленной, – добавил Раз, который так и остался стоять у окна.

– Как ты намерен сообщить им хорошую новость? Начиная с той, что теперь ты придерживаешься новой и далеко не кошерной диеты, заканчивая тем, что теперь в отличии от них ты будешь жить вечно? – продолжал Овадия.

– Настолько вечно, насколько повезет, – уточнил Раз.

– Я пока об этом не думал, – честно признался Рахмиэль, – но как я уже сказал, они довольно странные и я уверен, они просто не заметят, если со мной что-то будет не так как обычно.

– Ты всерьез считаешь, что ты настолько безразличен твоим родителям? – слегка удивился Овадия.

– Я считаю, что у них очень своеобразные критерии для

беспокойства, – ответил Рахмиэль, – например, когда я начал днями сидеть возле портрета Эфрат, это не вызывало у них никаких вопросов.

– Портрета Эфрат? – Раз вопросительно поднял бровь.

– Да, уже почти легендарный «Портрет незнакомки с лилией», – глаза Рахмиэля как-то странно блеснули, и он сделал еще глоток.

Раз снова провел взглядом по татуировке Рахмиэля, но на этот раз ничего не сказал. Его опередил Овадия.

– Расскажи о портрете, – попросил он.

– Отец привез его с аукциона, как и многие другие в его коллекции, – начал Рахмиэль, – он никогда не говорил, как их выбирает, а я когда я задавал вопросы, он всегда отшучивался. Говорил что-то в духе, это вопрос личной симпатии. Он всегда сначала выставляет новое приобретение на всеобщее обозрение, так случилось и с этим портретом, он повесил его в гостиной комнате загородного дома, мы как раз отдыхали там в это время.

– Дай угадаю, – произнес Раз, – ты увидел ее и не смог перестать смотреть.

– Однажды и навсегда, – поддержал его Овадия, утопив улыбку в глотке крови.

– В буквальном смысле слова, – добавил Раз, – как это в духе Эфрат, вцепиться во что-то и не отпускать.

– Вернемся к портрету, – настоятельно произнес Овадия.

– Все так, однажды и навсегда, – согласился Рахмиэль, –

сначала я просто часто приходил посмотреть на нее, потом я начал подолгу сидеть возле портрета, до тех пор, пока она не начала приходить ко мне во сне.

– Потом ты стал плохо спать? Стал чуточку бледнее, чем обычно? Начал терять аппетит? – перечислял Овадия.

– Да... – кивнул Рахмиэль.

– И когда все это дошло до крайности, ты отправился ее искать, – уже не спрашивал, а утверждал Овадия.

– Вообще сначала я увидел ее фотографию в журнале, – Рахмиэль сделал глоток из бокала и реальность стала чуть насыщеннее, чем была за секунду до этого.

– Да тут куда не посмотри, она повсюду, – отмахнулся Раз.

– А если ты подпишешься на ее Инстаграм, то всегда будешь знать, где она и чем занята, – подмигнул ему Овадия.

– Да? – Раз достал телефон откуда-то из складок мантии, – сейчас вот она в Берлине, сегодня ела вафли. С шоколадным сиропом.

– Кто может осудить за любовь к шоколадному сиропу? – невозмутимо произнес Овадия.

– Технологии несовершенны, – сдерживал смех Рахмиэль, – но ты прав, Овадия, сразу после того как я понял, что девушка на портрете и девушка с обложки – одно и то же лицо, я решил найти ее. – Рахмиэль внезапно замолчал, как будто размышляя о чем-то, что только сейчас пришло ему в голову. – Вообще все это было похоже на череду случайностей и совпадений.

– Да, так и должно казаться со стороны, – кивнул Овадия, – никто ничего не должен заподозрить.

– Опиши портрет, – произнес Раз, – как она там выглядит?

– Зеленое платье, открытые плечи, волосы убраны в высокую прическу, светлая, почти мраморная кожа без тени румянца, – Рахмиэль улыбался, – я помню, что ее алые губы были единственным прикосновением цвета, и еще ее глаза, изумрудно-зеленые, искрящиеся. Она держит в руках белую лилию, отчего ее кожа кажется еще бледнее.

– У тебя, наверное, и фотография есть? – спросил Овадия.

– Есть, – ответил Рахмиэль, – только она в телефоне.

– Что ж, – вздохнул Овадия, – как уже и было сказано, технологии несовершенны, иногда мы оставляем их позади.

– У меня тоже есть вопрос, – произнес Рахмиэль, сделав еще один глоток.

– Я внимательно слушаю, – ответил Овадия.

– Портреты. Что с ними не так? – спросил Рахмиэль.

Раз рассмеялся и наконец подошел к креслу, чтобы сначала накрыть его своей мантией, а потом приземлиться за ней следом.

– С ними наоборот все очень так, – продолжая смеяться, он взял со стола последний бокал, сделал глоток и повернулся к Овадии, – помнишь, как ты запер меня в каком-то чулане?

– В мою защиту, ты вел себя как задница! – рассмеялся Овадия.

– В мою защиту, моя жена заперла меня в подzemелье, – ответил Раз.

На этот раз Рахмиэль не выдержал и рассмеялся в голос.

– Что ты смеешься? – спросил Раз. – Мне это больше не грозит, а для тебя это дивная новая реальность.

– Когда Эфрат чуть не убила меня в первый раз, – произнес Рахмиэль, глядя на Раза, – она принесла в комнату, где я лежал твой портрет. Зачем?

– Чтобы я присмотрел за тобой, очевидно, – ответил Раз.

– Как это? – Рахмиэль наклонил голову на бок.

– Это как если бы у меня была лишняя пара глаза везде, где появляется мое живописное изображение, – ответил Раз.

– И лишняя пара клыков, – добавил Овадия, – видишь ли, мы живем вечно, и никто не знает, что в следующий момент может произойти. Если твое тело пострадает и тебе будет негде переждать столетие-другое, то у тебя, друг мой, большие проблемы.

– Очень большие, – поддержал Раз, отпив из бокала.

Полы его мантии терялись в темноте, разливавшейся по комнате. Рахмиэлю казалось, он чувствует ее движение, как если бы она была живой и осязаемой. Он перевел взгляд на Раза. Там, где должен был сидеть кудрявый вампир, теперь не было ничего, ничего кроме искрящейся тьмы. И хотя Рахмиэль точно знал, что Раз сидит прямо перед ним, он не мог его разглядеть, вампир просто растворился, исчез, оставив вместо себя танцующие во тьме искры. Рахмиэль закрыл гла-

за, а когда открыл их снова, Раз снова сидел напротив. В нем было что-то невероятно притягательное, обезоруживающее, начисто лишаящее любого желания с ним спорить, как будто где-то в складках своей бесконечной мантии Раз прятал ключ от всех дверей.

– Получается, портрет, это что-то вроде запасного тела? – спросил Рахмиэль.

– Что-то вроде, но не совсем, – ответил Раз.

– Представь, что теперь ты можешь быть там, где находится твой портрет и тебе ничего не нужно для этого делать, ты просто пользуешься им как дверью, – пояснил Овадия.

– Или как номером в отеле, – добавил Раз, – жить там невозможно, но без них путешествия бы значительно осложнились.

– И у каждого вампира есть такой портрет? – решил уточнить Рахмиэль.

– Не у каждого, – ответил Овадия, – но у некоторых есть. У тебя тоже скоро будет.

– Подаришь папе в коллекцию, – Раз рассмеялся, продемонстрировав острые белые клыки.

– Возвращаясь к теме семьи, – бокал Овадии к этому моменту почти опустел, – расскажи нам о них.

– Почему это так важно? – Рахмиэль тоже почти опустошил свой бокал.

– Видишь ли, – Овадия поставил опустевший бокал на стол, – твои татуировки выдают тебя. Насколько бы стилизо-

ванными рисунки ни были, их все равно несложно узнать. – Он поднялся с кресла, и подошел к одной из книжных полок.

– Я уверен, Эфрат будет рада рассказать тебе куда больше, – продолжал Овадия, – ведь лилия – это ее символ, но уже сейчас я могу сказать тебе, что твоя семья намного более странная, чем ты можешь подумать.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Рахмиэль.

– Я хочу сказать, – Овадия протянул ему раскрытую книгу, – что пока ты находился между одним миром и другим, а твоя возлюбленная продолжала жить как ни в чем ни бывало, я дал себе труд рассмотреть твои татуировки чуть более внимательно. И они кое о чем мне напомнили.

Рахмиэль взял протянутую ему книгу, на открытых страницах был текст, который он не понимал, а еще изображения, в них без особого труда можно было узнать татуировки, которые он носил на своем теле вот уже несколько лет. Наслаждение открытием прервало появление гости.

– Нам пора, – раздался с порога голос Эфрат, она обращалась к Рахмиэлю, – и мне не очень нравится то, что тянется к нам из будущего.

– Ты можешь видеть будущее? – поинтересовался Рахмиэль, поднимаясь из кресла.

– Видеть – нет, скорее понимать. Это как если бы ты слышал что-то, а затем выбирал из имеющихся вариантов развития событий тот, который подходит больше всего.

Это уже случалось с ними. Они уже выходили из этой ком-

наты, уже держались за руки, пока шли по коридору и уже проходили эту парадную залу.

– Я не замечал их прежде... – сказал Рахмиэль.

– Не замечал чего?

– Кого, – поправил он, – портреты. Они тут почти повсюду.

– А, да. Это так, – подтвердила Эфрат, – и так было всегда. Тут даже мой где-то есть. Удивительно, – вдруг понизила голос она, – но я никогда не видела здесь портрет Шири. Я вообще никогда не видела ее на портретах.

– Может быть, – предположил Рахмиэль, – она просто умело скрывает свою личность?

– Может быть, – поддержала предположение Эфрат, хотя сама не верила этому ни на мгновение. Как, впрочем, и Рахмиэль.

– Вы правы, – внезапно раздался голос дворецкого, – портретов госпожи Шири и правда нет *здесь*.

Эфрат и Рахмиэль переглянулись. Но времени для обсуждений и вопросов не осталось, они уже стояли у знакомых дверей.

– Подождите здесь, – сказал дворецкий и удалился.

– Интересно, чего мы ждем? – это был риторический вопрос, но Рахмиэль все равно решил ответить.

– И снова не чего, а кого, – произнес он.

– Откуда такая уверенность? – Эфрат повернулась к нему. Его взгляд был направлен в никуда, а сам он будто стал мед-

леннее, чем мир вокруг.

– Предчувствие, или... предзнание, – ответил он. – Я как будто знаю, что случится дальше.

– Или кто-то хочет, чтобы ты это видел...

Рахмиэль медленно повернулся к ней, как будто его сознание оставалось все в том же недалеком будущем. Его взгляд был спокойным, таким же спокойным и легким, как его улыбка.

Из глубины коридора снова послышались шаги. На этот раз дворецкий был не один. За его спиной можно было разглядеть Шири и Гедалью. Когда они приблизились, дворецкий сделал им знак остановиться и подошел к дверям, чтобы их открыть.

– Прошу, – неизменно отстраненным голосом произнес он.

Один за другим все четверо скрылись в темноте, и двери закрылись за их спинами. Они снова оказались там, где только трое из них могли что-то видеть. Ничто в этой комнате не предназначалось для человеческих глаз, и Шири это знала. Она стояла молча и неподвижно. Перед ее глазами проносились последние месяцы. Все те многочисленные, сладкие и страшные моменты, наполненные ожиданием и надеждами, которым не суждено было сбыться. Может быть, она знала это уже тогда, просто не хотела себе признаваться.

– Дитя, ты слишком могущественна, чтобы сокрушаться об утрате, – голос, подобный ее собственному, заполняющий

все пространство и раздающийся со всех сторон одновременно, звучал так, как будто обращался к ней одной, хотя она была уверена, его слышат все. Пусть даже они об этом не догадываются.

– Добро пожаловать в семью, – раздался второй голос, и он обращался уже не к ней, хотя она отлично его слышала.

– Мы выбрали тебя, – снова зазвучал первый голос, – твои таланты и качества нам пригодятся.

И тогда Рахмиэль впервые увидел *их*. Если «увидел» в данном случае уместно. Они были повсюду и нигде одновременно, двое, которых его сознание пыталось безуспешно облачить в форму. Их присутствие невозможно было сравнить ни с чем, что он когда-либо испытывал. Были ли они богами или кем-то иным? Кем-то, в ком он начал узнавать себе подобных.

– Что до твоего спутника, Шири, – заговорил второй голос, – мы приняли иное решение.

Мысли Шири остановились, и все вокруг нее замерло вместе с ними. Так замирает линия жизни, прежде чем оборваться, так звучит тишина, после которой меняется все.

И перемены не заставили себя ждать. Она чувствовала, как Гедалья, стоящий рядом с ней, тщетно искал ее глазами, но ничего не мог рассмотреть в темноте. Шири стояла без движения, зная, что этот последний взгляд сделает только хуже.

Темнота становилась удушливой, как будто сгущалась,

стремясь поглотить их. Раздался хруст. Шири вздрогнула, но не обернулась, она знала, как хрустят человеческие кости. Она слышала звуки фортепиано, где-то далеко, на самом краю своего сознания, слышала тихие шаги по деревянному полу, совсем как тогда, когда они танцевали, только они двое, только вдвоем. Музыка становилась громче, приближаясь и заглушая крик. В лицо ударили брызги, но Шири не закрывала глаза, капли превращались в тонкие ручейки, стекавшие к ее алым губам. Он навсегда останется частью нее, как и его музыка, и неважно, что это было старый польский ноктюрн или значительно более молодые немецкие мелодии. Через мгновение Шири ощутила пустоту. Там, где только что был Гедалья, теперь не было ничего. Казалось, даже пустоты не было. Капля крови стекала по ее подбородку и упала на пол с последними аккордами фортепиано. Его больше нет.

Шири могла бы написать тысячу и один стих на тысячи и одном языке мира, выразить потерю, глубину которой до конца не представляла даже она сама. Но ни в одном языке, который она знала, не было подходящих слов. Кроме молчания. И она молчала.

– Не печалься, дитя, – один из голосов снова обратился к ней, – он слишком близко подошел к бездне и не был готов к этому. Мы все знали, что это может случиться. И хорошо, что случилось только это.

Шири молчала. Она знала, что Старейшины были правы. Скоро для нее и для всего клана откроется новая глава. Но

пока не было ничего, кроме пустоты. Хотя, пожалуй, даже пустоты не было.

Двери за их спинами снова открылись, и они медленно вышли обратно в коридор. Первой шла Эфрат, за ней Рахмиэль и последней – Шири. Ей так хотелось обернуться и увидеть его, но за ней никого не было. В этом мире больше не было ее кудрявого пианиста.

Глава восьмая. Вместе

Никто ничего не говорил. До тех пор, пока Овадия не нарушил тишину.

– *Ego* не было уже давно, ты же знаешь. Люди, как и мы, абсолютно разные и никогда не скажешь наверняка, что с ними произойдет. Я даже не могу сказать, что мы сами вне опасности, – закончил он.

Они сидели в комнате, которую отвели для Шири. Перед тем, как собраться, они вытащили запасы из всех мини-баров и перенесли сюда. Теперь на диване, где рядом сидели Эфрат и Рахмиэль, лежали пара литров крови, где каждый мог найти любимую группу, страну происхождения, возраст и пол донора, а иногда даже род занятий. Последнее мало кого волновало, ведь доноры редко говорили правду, но это было и не нужно, кровь расскажет обо всем, что вы захотите знать.

Шири продолжала молча сидеть со взглядом, направленным в пустоту, которой теперь стало более, чем достаточно. Пустота была повсюду: в ее будущем, что исчезло за одно мгновение, в ее доме, который опустел и затих, в ее планах, где она больше не видела выставок и биеннале в компании, которой она так наслаждалась. Ей вот уже почти час рассказывали о том, что поведение Гедальи в последние месяцы переливалось всеми оттенками безумия, что делать такого

«одним из» означало бы открыть двери кошмару, ведь рано или поздно он бы окончательно утратил контроль и его пришлось бы уничтожить. Для тех, кто не отличает добро от зла, кто постоянно нуждается в чьем-то руководстве и покровительстве, другого пути просто нет. И Шири знала, что они правы. А потому продолжала спокойно сидеть. В абсолютной тишине, в которой больше не слышно было звуков фортепиано.

– Почему тебе так нравится фортепианная музыка? – раздался голос Эфрат.

Шири не ответила. Она сама не знала. Или не помнила. А может быть, помнила и просто не хотела вспоминать снова. Всегда, когда она слышала звуки фортепиано, она менялась, менялся мир вокруг нее. Все вдруг становилось настоящим, наполненным смыслом, как если бы она не смотрела на мир глазами, а слушала его и, если бы мир существовал только пока звучит музыка. И когда музыка обрывается, мир умирает вместе с ней.

– Я не помню, – наконец произнесла она, потому что даже в таких условиях она оставалась леди, а леди отвечают на вопросы друзей, это важно. Что бы там ни говорил Раз.

Эфрат поверила ее ответу. На ближайшие несколько месяцев.

– Овадия, а что ты имел в виду, когда сказал, что не уверен в нашей общей безопасности? – поинтересовалась Эфрат. Сама того не заметив, она обняла Рахмиэля еще крепче,

чему тот пусть и удивился, но вида не подал.

– Мы уже говорили об этом, – ответил Овадия, – но ты права, мы не вдавались в подробности. Существует легенда, она нигде не записана, но передается от одного из нас к другому. Что бездна, из которой пришла наша сила, однажды захочет сделать этот мир своим. Не то, чтобы полностью, но в большей степени, нежели сейчас.

– Как если бы ей захотелось 51% акций компании? – спросил Рахмиэль.

– Именно, – кивнул Овадия, – и лично мне эта идея импонирует.

– Почему? – поинтересовалась Эфрат. Что-то в его словах вызвало у нее любопытство.

– Потому что я считаю, что это естественный ход вещей, который надо поддерживать, если уж мы все оказались в это время в этом месте.

– Если уж мы все вообще случились, – раздался голос Шири.

Присутствовавшие в комнате посмотрели на нее. А Шири продолжила:

– Мне всегда казалось наше существование чем-то намного более естественным, чем существование людей.

– Об этом тоже есть предание, – сказал Овадия. – Кто-нибудь желает послушать?

– Есть по меньшей мере один, которому будет точно не лишним узнать о нас больше, – ответила Эфрат.

– Согласен, моя богиня, – эти слова спровоцировали легкую морщинку на лбу Лии, – есть мнение, что вампиры и другие создания ночи не задумывались никем изначально, мы и прочие случились как неизбежное проявление хаоса, действие вселенной, которая не терпит ограничений и стагнации. Вселенная в мудрости своей дополнила красивый план «я создам человека и однажды он станет богом», внося в это сомнительное предприятие элемент гибкости и новизны. Человек, может быть, и станет богом, но открытым остается вопрос: каким именно?

– Все мы когда-то были людьми ... – начала Эфрат, – все, кроме ...

– Да, Старейшины никогда людьми не были, – подтвердил ее предположение Овадия.

– Тогда кем они были до того, как появились те, кто назвал их «Старейшинами»? – задал вопрос молчавший все это время Раз. Он сидел на кровати, скрестив ноги и закутавшись в свои черные бесформенные одежды, рыжие кудри делали его кожу еще бледнее, а янтарные глаза – еще ярче, Эфрат всегда казалось, что в нем живет пламя, которое никак не может обрести покой, хотя бы потому, что его не ищет.

– Хороший вопрос, Раз, – Овадия, составлявший ему яркий контраст, тем не менее, всегда любил разговоры с этим рыжим проходимцем, ведь кто еще соберет мудрость со всего мира и принесет тебе ее за бокалом первой отрицательной. – Об этом есть самые разные легенды, я придержива-

уюсь той, которая говорит, что когда-то в этом мире жили две очень похожие друг на друга расы. Одни просыпались, когда всходило солнце, и засыпали, когда в мир проливался холодный свет луны. Ведь вместе, когда луна появлялась на небе, просыпалась вторые, ночные жители этого мира.

Лия подошла к лежащим на диване пластиковым пакетам и взяла один не глядя, чтобы наполнить свой бокал и для Овадии. Она всегда любила слушать его истории, ей искренне казалось, что он знал все на свете, что, разумеется, было не так, но ее это совершенно не волновало. Она отодвинула один из стульев, стоящий вокруг стола, и села рядом с Овадией, напротив Шири.

– Жизнь в мире шла без каких-либо изменений или волнений, казалось, они могут жить так целую вечность, – продолжал Овадия.

– Сейчас что-то будет, – тихо рассмеялась Лия.

– Ты права, несравненная. Их безмятежное существование нарушила сила больше, чем все они вместе и каждый из них в отдельности. Видите ли, сегодня люди уверены, что мир, в котором они живут, это некий неодушевленный предмет...

– Люди считают, что все вокруг – отражение их самих, и что все они одинаковые, – вздохнула Эфрат.

– Однако, они ошибаются и в первом, и во втором, – Овадия принял из рук Лии полный бокал и продолжил, – мир жаждал движения, точнее жаждала, ведь все мы знаем, что

планета Земля – это она, и ей хотелось больше жизни, больше действия, ведь даже для нее жизнь, которую вели Дневная и Ночная расы почти никак не менялась и не двигалась с места. Они были слишком отстраненными, слишком погруженными в себя и в изучение процессов за пределами видимого мира, чтобы обеспечить миру видимому достаточно движения. И тогда пришли люди...

– Мне никогда не нравилось слово «пришли» ... – Шири все так же смотрела в пространство.

– Особенно когда за этим следует «люди», – поддержала Эфрат.

– А можно их как-то обратно отправить? – с надеждой спросил Раз.

– Историю не перепишешь, – ответил Овадия, – по крайней мере, если ты хочешь сохранить понимание происходящего, этого делать не стоит. Пожалуйста, – он сделал паузу, предвещая реакцию аудитории, – ничего не говорите про людей и то, как они относятся к истории.

Лия хохотнула и сделала следующий глоток. Овадия продолжал свой рассказ.

– Люди были повсюду и распространялись со скоростью, к которой старым расам было сложно адаптироваться. Скоро стало понятно, что мир меняется и меняется так, чтобы быть удобным для людей. Дневная и Ночная расы замечали, что среда становится враждебной к ним, что сил у них становится все меньше и им пришлось задуматься над тем, как

выжить. И они выжили. Дневная раса включалась в человеческий генофонд, в силу своей близости к природе, которая делала их совместимыми с людьми. Ночная же раса включила людей в свою пищевую цепочку. Просто потому, что изначально помимо этого мира у них был еще один, тот, откуда они пришли и в который всегда хотели вернуться. И если когда-нибудь наши Старейшины расскажут нам подробности этой истории, это будет большой удачей для нас.

Шири слышала его голос где-то на периферии сознания. Все ее планы, которые она строила, все их шутки, звучавшие в этой комнате еще какие-то часы назад, все это сейчас казалось какой-то злой издевкой. Она старалась отстраниться от своих чувств, любое прикосновение к ним сейчас напоминало прыжок с поезда, идущего на полном ходу, – удар об землю не убьет тебя, но боль будет невыносимой. Этот поезд должен был отвезти ее в идеальное будущее, а теперь она едва понимала, что происходит. Где-то далеко раздавался голос Рахмиэля.

– Похоже на легенды о светлых и темных эльфах. Существа с невероятно высоким интеллектом и такой же высокой продолжительностью жизни. Их всегда описывают как отстраненных от мира и всего, что с ним происходит, занятых делами своего народа и той части мира, в которой они живут.

– Очень похоже, – задумчиво сказал Овадия.

– Компьютерные игры все же развивают, – Эфрат улыбну-

лась, потому что они вместе играли несколько недель назад, и эльфийская легенда была в заставке игры.

– О, я едва не забыл, – Овадия обернулся к ним, – Рахмиэль, завтра пригласят художника. Нужно написать твой портрет.

– А фотография не подойдет? – спросил Рахмиэль.

Лия улыбнулась и опустила глаза. Овадия какое-то время молчал, но потом все же ответил:

– Нет, фотография не подойдет.

– Хорошо, что у нас еще есть время для первой охоты, – Эфрат с удовольствием посмотрела на Рахмиэля и провела рукой по его осветленным волосам.

– Кстати, ты серьезно говорила, что «это навсегда»? – Рахмиэль повернулся к Эфрат с выражением легкого беспокойства на лице.

Любая другая на месте Эфрат, или почти любая, подумала бы, что речь идет о романтических узах, но Эфрат слишком хорошо успела узнать своего избранника.

– Нет, если ты обрежешь волосы, они отрастут снова. Только очень, очень медленно.

– Насколько медленно? – поинтересовался он.

– Мои отрастали несколько столетий, – ответила Эфрат.

– Твои локоны способны опоясать землю, богиня, а его прическа займет от силы лет пятьдесят, – рассмеялся Овадия.

– Да, ты говорила серьезно, я обречен носить эту прическу

вечно.

– Брось. Тебе идет. Неужели ты не хочешь пару десятков лет походить ... как бы это сказать... с прической древнего египтянина? – поинтересовалась Эфрат.

– Я обескуражен, – Раз снова заговорил, – и любой, кто знает твою историю и видит тебя, сейчас тоже.

– Я сказала египтянина, а не египтянки, – Эфрат старалась не смеяться, получалась плохо. Хотя при этом она и Рахмиэль были единственными, кого Шири не могла видеть, потому что они сидели за ее спиной. Эфрат все же старалась вести себя деликатнее, несмотря на то, что не сомневалась в стойкости своей подруги.

– Это сильно прояснило ситуацию, – Рахмиэль все еще не понимал, что она хочет сказать.

– Да Боги Ночи! – закатила глаза Лия, – она спрашивает, не хочешь ли ты походить пару десятков лет отвратительно лысым!

Все присутствующие выразили единогласное отвращение при мысли о подобной безвкусице. Даже Шири не смогла оставаться безучастной и вздохнула, приложив руку к груди.

– Я скорее спрыгну с одной из арок миланского собора, – ответил Рахмиэль.

– *Мой мальчик*, – сказала Эфрат и поцеловала его.

– Но все же, почему так долго? – спросил Рахмиэль.

– Дело в том, друг мой, – отозвался Овадия, – что у нас другие отношения со временем.

– Да, оно нас избегает, – подтвердил Раз.

– И в твоём случае я его отлично понимаю, – скорчила гримасу Лия.

– Я начинаю думать, что ты ко мне равнодушна, – Раз игриво подмигнул ей.

– Как же вас много, – раздался тихий голос Шири. Все замолчали, – как будто вы все одновременно звучите в каждом уголке моего сознания.

– Эй, – Раз спрыгнул с кровати и подошел, чтобы обнять ее за плечи, – я знаю, что тебе погано. Но мы все наконец вместе.

– Я знаю. – Шири положила свою руку поверх его руки. Ее тонкие пальцы были увенчаны все теми же рубинами безупречного маникюра. Впрочем, вся она была безупречна, как будто ничего не случилось.

– Когда я думал, что эта безумная погибла в очередном пожаре...

– Ты с расстройства поджег Бостон? – слабо улыбнулась Шири.

– Нет, это была я, – поспешила подтвердить свои авторские права Эфрат.

– Seriously? – Рахмиэль посмотрел на нее с некоторым беспокойством.

– Может быть, – уклончиво ответила она.

– Я был безутешен и открыл бордель, – закончил свою мысль Раз.

– Я вне себя от удивления, – произнесла Лия и поставила на стол пустой бокал.

– Как и все мы, – поддержал ее Овадия.

– Это был хороший бордель, чтоб вы знали, – парировал Раз.

– А что случилось потом? – спросила Лия, – Эфрат сожгла его?

– О, да, вместе с городом, – рассмеялся Овадия.

– Это отвечает на вопрос, почему в девятнадцатом веке было столько пожаров. Семейные неурядицы. Гугл будет безутешен и озадачен, – Рахмиэль сохранял поразительное спокойствие в присутствии бывшего мужа своей возлюбленной.

– Еще бы, столько информации, которую от него все еще скрывают, – вздохнула Эфрат.

Они продолжали шутить, перебрасываясь остротами, перемежая их колкими репликами, один пакет с краткими обозначениями на стикере сменялся другим и скоро весь запас был исчерпан.

Шири сидела без движения. Бокал, стоящий перед ней, остался нетронутым.

– Дамы и господа, – тихо сказала Эфрат. И ей не было нужды продолжать. Все присутствующие, включая Рахмиэля, встали и молча вышли из комнаты, оставив их с Шири вдвоем.

– Я слышала однажды легенду, – так же тихо продолжила Эфрат, – о японском поэте. Он написал стихотворение под

названием «Утрата», в нем было три слова. Но поэт соскочил с них, потому что утрату нельзя прочесть.

Она замолчала. Как и все в комнате. Даже свечи горели беззвучно. Как если бы единственным звуком в комнате осталась тишина, а единственным, что заполняло мир вокруг, стала пустота. В какой-то момент Эфрат показалось, что и она сама, и Шири, и комната вокруг исчезают, как если бы ничего не существовало вовсе, даже ее самой.

– Мне жаль, – сказала наконец Эфрат, надеясь, что ее голос долетит до Шири даже сквозь пустоту, в которой существование любого звука казалось нереальным.

– Мой мальчик... – наконец заговорила Шири, чтобы тут же замолчать, – это моя вина.

– Я бы хотела сказать, что в этом есть твоя вина, но это не так. По крайней мере, это не совсем так, – отозвалась Эфрат. Она встала и подошла к столу, чтобы сесть рядом с подружкой.

– Сила не меняет нас, она только усиливает то, что в нас есть изначально, – продолжила она.

– Иначе говоря, храмы строили из камня, потом что ты извела все дерево? – Шири слегка улыбнулась.

– Можно и так сказать, – Эфрат поддержала ее улыбку, – говорили, что я могу зубами разорвать еще бьющееся сердце, потому что это угодно богам, что могу залить кровью все храмовое золото и на меня снизойдет благодать, потому что так угодно богам, что во мне спят силы стихии, которые могут разрушить все, подобно лесному пожару, который хочет

дотянуться до небес.

– И ты все еще пытаешься?

– Дотянуться?

– Да.

– Конечно. И мой свет сияет тем ярче, чем темнее становится небо.

– Как поэтично, – притворно удивилась Шири.

– Это Рахмиэль написал.

– Прошу прощения?

– Да, что-то про небо, звезды, мои глаза и то, что он хочет умереть у меня на руках.

– Что ж, некоторые мечты сбываются, – вздохнула Шири.

– Ты бы не смогла его спасти, – мягко ответила Эфрат. –

И даже сами эти слова бессмысленны, потому что люди наделены свободой выбора, и только они решают, какими им быть. Мы можем видеть их потенциал в перспективе вечности, мы можем видеть множественные варианты их судьбы, но только люди решают, какой их вариантов выбрать. И иногда они выбирают тот, с которым не могут справиться.

– Мне до сих пор кажется, что все еще можно изменить, – прошептала Шири, закрыв глаза, – что можно вернуться в какой-то момент в прошлом, где все можно исправить.

– В какой-то момент, где, как тебе кажется, все пошло не так?

– Где можно все исправить...

– И какой это момент?

Шири подумала какое-то время, а затем ответила, будто бы нехотя.

– «Я. Любить. Крек. У вас есть крек?».

Эфрат покачала головой.

– Мы не знаем и никогда не узнаем, могло ли все быть иначе. Мое мнение ты знаешь, я всегда говорю: «Да, могло». Я знаю, что мы способны воплотить все, чего пожелаем, мы никогда не знаем, как именно, потому что это невозможно знать наперед. Важно только одно – желать.

– Знать, дерзать и хранить молчание, – добавила Шири.

– Так точно, дерзать. И не забывать ужинать, – Эфрат пододвинула к ней наполненный бокал.

Шири посмотрела на него и отвернулась.

– О нет, только не приступ вегетарианства! – воскликнула Эфрат, – Не вынуждай меня звать на помощь бывшего мужа и заставляй его держать тебя, пока я буду заливать тебе еду прямо в рот.

– Я превращу твоего бывшего супруга в салат, – усмехнулась Шири.

– Причем не вставая, – кивнула Эфрат, – поешь.

Шири медленно протянула руку к бокалу, поднесла его к губам и сделала глоток. Кровь была остывшей и уже загустевала.

– Так уже намного лучше, – Эфрат смотрела на нее, наклонив голову набок. Ее волосы укрывали золотой вуалью все, что попадалось на их пути. Обернутая тонким черным

шелком платья, она почти таяла в темноте комнаты, и только блеск пламени свечей на ее мраморной коже напоминал Шири, что ее подруга все еще здесь, сидит напротив. Огонь переливался на ее скулах, оживая причудливыми узорами, и как будто сама ее кожа обращалась пламенем, готовым взвиться под потолок и уничтожить все вокруг. Шири отвела взгляд, и видение растворилось.

– Он не выжил. Мой пианист. Мой кудрявый мальчик.

– Да, я знаю. Мне чертовски жаль.

Какое-то время они молчали. Свечи снова начали издавать треск, а где-то за окном зазвучала ночь. Эфрат знала это, хотя в комнате окон не было.

– Как вы познакомились с Разом? – спросила она Шири.

– О, замечательнейшая история! – ответила та, – дело было в борделе ...

Ночь окутывала поместье, по-своему согревая его. Где-то, в одной из комнат, собрались остальные члены семьи. Сегодня как никогда им было необходимо псевдо-пустословие Раза, который всегда был рад развлечь публику. Однажды, еще до того, как он сжег любимый особняк Эфрат, она спросила его, почему он столько смеется и так любит, чтобы смеялись другие. Он улыбнулся тогда одним уголком губ и ответил, что когда-то он начал смеяться и смешить других, если ему было больно.

Ночь уже близилась к своему завершению, когда Эфрат вернулась в свою комнату. Что-то было не так. Что-то из-

менилось. Она всмотрелась в темноту: темнота тоже изменилась. Она искрилась, как если бы крошечные искры разлетались из ниоткуда. Но это просто Рахмиэль, сидевший у книжного шкафа, открыл глаза и посмотрел на нее. Какое-то время Эфрат просто стояла на пороге и наслаждалась неожиданным зрелищем. Сама комната была наполнена не только старинной итальянской мебелью, но и той самой подвижной и живой тьмой, которая все еще живет в некоторых уголках этого мира. Ее может почувствовать почти каждый, но каждый чувствует ее по-своему. Эфрат всегда ощущала ее как океан, теплый, глубокий, способный скрыть тебя от любой опасности мира и подарить любые приключения на твой вкус, поднять со дня любые сокровища и приоткрыть двери в чужие тайны. В нем было столько неизведанного, такого, что даже она еще не знала и что, может быть, было известно только Старейшинам.

Казалось, что там, куда летели сияющие оранжевые искры, сами искры становились ярче, а тьма еще больше сгущалась, как если бы они усиливали друг друга. Искры перемещались по комнате, не останавливаясь ни на чем конкретном, как если бы у них не было никакой особой цели, и они не искали ничего конкретного, так движется внимание того, чьи мысли далеко от реальности и настоящего момента.

– Если бы он был тем, за кого она его принимала, он бы смог, он бы выжил, – ответила Эфрат на его не произнесенный вопрос.

– Смог что?

– Придержаться тьме... справиться с ней, сделав ее частью своей природы, сохранить себя, она сделала паузу, – если бы она помогла ему перейти, он бы не прожил долго.

– Он был таким изначально или что-то так его изменило?

– Это вечный вопрос, который задают все и на который есть только один однозначный ответ.

– Какой? – искры продолжали свое движение во тьме, как если бы были самостоятельными существами.

– Это же очевидно, – ответила Эфрат, – это был его выбор. Людей не определяет данность или обстоятельства, они могут прожить половину жизни, преобразая мир вокруг себя в подобие рая, чтобы потом в один прекрасный день сдать его худшим из чертей вместе со всеми прилегающими землями и государствами. Человек может быть невероятно светлой душой, чтобы однажды превратиться в ублюдка, и он будет искренне верить, что стал лучше и теперь весь мир сделает лучше, и хотя он отлично знает, что врет сам себе, он будет продолжать это делать. Потому что переход – это встреча с самим собой, а этой встречи избегает абсолютное большинство.

– Да, – Рахмиэль кивнул, – это был не самый приятный момент.

– Что же ты такое узнал о себе? – спросила она, выходя на центр комнаты. Сияющие искры неторопливо плыли за ней.

– Я расскажу, если ты расскажешь, – ответил он, похлопав

ладонью по месту на полу рядом с собой.

– Не вопрос.

Она села рядом с ним на пол, и, прижавшись поближе, положила голову ему на плечо. Как и следовало ожидать, он обнял ее. Как и всегда, это вызывало у него улыбку. Эфрат снова было тепло и это было странно. Все происходящее казалось ей по меньшей мере странным. У нее толком не было времени осознать случившееся, события происходили как будто были заранее кем-то спланированы, а ей оставалось только успевать озвучивать свои реплики. И вместе с этим она знала, ей это только казалось. Ничто в мире не происходит без нашего соучастия.

– Принципы разрушили больше жизней, чем все прииски Дьявола вместе взятые. Разрушили бы и мою, не будь она вечной. К счастью, у меня было достаточно времени, чтобы понять, как важно ценить кого-то, кто рядом. Вне принципов. Вместо того, чтобы делать кого-то частью уравнения, задачей, которую надо решить, сделай его живым, недели его жизнью, – Эфрат снова согревалась его теплом и тоже улыбалась, – потому что когда ты ставишь принципы выше жизни, под твоими ногами разверзается пропасть, и никто не поймает тебя, пока ты будешь лететь на дно. Но если между пленом собственного разума и жизнью, которая происходит с тобой здесь и сейчас, ты выбираешь жизнь вопреки всяким принципам, то небо над твоей головой загорается миллионами новых звезд, за каждой из которых лежат миллионы но-

вых миров.

– Ты всегда это знала?

– Знала – да, – она немного помолчала, – когда я жила в храме, эти истории были записаны на стенах, у нас были карты, рассказывающие как создать из человека связующее звено между небом и землей, как сделать человека тем, кто объединит в себе небо и землю.

– Судя по тому, что происходит вокруг... что-то пошло не так.

Эфрат молчала, отгоняя от себя воспоминания. Погружаясь лицом в шелк его рубашки, задевая губами ее кожу, ощущая почти что невесомость, она старалась не слышать голоса в своей голове, которые никогда не смолкали, догоняя ее сквозь сменяющие друг друга эпохи. Она изо всех сил пыталась оторваться от них, заглушить громкими звуками музыки и голосами тех, кто рядом. Но всегда слышала те голоса, как будто они звучали в самой ее крови, напоминая, откуда она пришла и как стала той, кем стала.

– Иногда люди совершают что-то настолько плохое, что ткань мира надрывается и приходит тьма, которая начинает менять мир, шаг за шагом присваивая его себе. Кто-то достаточно силен, чтобы перейти на ее сторону и преобразиться в драгоценную, сияющую в ночи звезду...

– Ты – небо, полное звезд.

– Да, как-то так, – она продолжала, не замечая, как он рассматривает ее в открывшемся ему новом мире. Эфрат была

похожа на мерцающее звездами ночное небо, чья тьма ставилась тем глубже, чем ярче сияли звезды. До перехода он только представлял ее такой, сейчас он ясно ее видел. – И так должно быть. Видишь ли, зло содержит зерно разрушения в себе самом, если люди поддаются злу, впускают его в себя и в свой мир, они начинают терять себя и мир, в котором живут. Ведь зло не существует само по себе, ему нужен кто-то, кто проведет его в мир, оно не дает новую жизнь, а только разрушает.

– Разрушение всегда казалось мне естественной частью жизни. Иначе жизни бы стало слишком много, – Рахмиэль размышлял вслух.

– Это так, жизнь материального мира неизбежно подвержена переменам через разрушение. Раньше это называли бесконечным танцем Шивы, который разрушает и созидает одновременно. И пока существует материя, люди будут переживать цикл рождения и смерти. До тех пор, пока они сами – часть материи.

– А может быть иначе?

– А насколько хорошо ты меня видишь?

Рахмиэлю было сложно ответить на ее вопрос. Он почти не чувствовал вес собственного тела, а Эфрат, лежавшая у него на плече, была скорее знанием о том, что она рядом, ощущением на уровне знания.

– ...и я хотел бы умереть у тебя на руках, – отозвался он.

– Знаешь, я уверена, никто, кроме нас двоих, толком не

понимает, что это значит.

– Нас двоих достаточно, – он ненадолго замолчал и закрыл глаза, – почему ты решила, что я смогу перейти?

– Это было против моих принципов. Это – во-первых. И я этого хотела. Это – во-вторых. Две довольно весомые причины. Этого достаточно?

– Что за принципы такие?

– Я не должна обрекать другого на смерть при жизни, или на «нежизнь». И пожалуйста, не спрашивай, почему. У меня нет сил рассказывать, и я не хочу тратить на это половину нашей общей вечности. Кроме того, вероятность, что преобразование пройдет успешно, всегда очень невысока, и даже если ты принимаешь решение обратить кого-то, это никогда не может быть только твоим решением. А потому мы и пришли на зов Старейшин, чтобы заручиться их мудростью и поддержкой, – она сделала паузу, – это официальная версия.

– Мне показалось, это было ваше с Шири общее решение. Вы просто хотели получить ответы.

– Может быть, мы так думали какое-то время, – пожала плечами Эфрат. – Мысли Старейшин – и наши мысли тоже.

– И все так, я – здесь... почему?

– Ты здесь, потому что я... потому что я... потому что любовь сильнее смерти. И я верю в любовь. И всегда буду. Если я перестану верить в любовь, *моя* вечность закончится в ту же минуту.

– Это фигура речи или что-то больше?

– В этом мире выживают только те, в ком есть любовь. Поэтому ты – здесь, а не лежишь на полу рядом с тем, что осталось от Гедальи. Поэтому я —здесь. И на определенном этапе эти слова приобретают буквальное значение. Мое тело поддерживает кровь, но мою душу здесь держит любовь. Благодаря любви души путешествуют из одного мира в другой и остаются в каком-то из них, если захотят. Это как огромная река, а ты – как маленькая лодка. Без реки ты не сможешь плыть.

– Но разве это не ограничивает тебя только теми мирами, между которыми течет река?

– Ты не понял. Она есть повсюду. И все соткано из нее.

– Даже мы?

– Мы – в первую очередь. Буквально – первым делом...

– Да. Но сначала – охота.

– А что же принципы?

– Принципы нужны, чтобы поддерживать жизнь. Но создавать ее может только любовь.

– А мы сейчас живы?

– А как ощущается?

– Как никогда.

– Тогда это точно «да».

– Тогда почему «нежизнь»?

Эфрат на мгновение задумалась.

– А почему переход называется переходом?

– Потому что... мы обретаем другую жизнь?

– Мы все еще здесь, но мы уже там.

– Так значит, получилось?

Эфрат кивнула.

– Ты – небо, полное звезд, – он улыбался, продолжая рассматривать ее.

– И ты полчил новую жизнь из моих рук. – Она взяла его за руку, не особенно отдавая себе в этом отчет.

– Считаешь, строчки нужно изменить?

– Я уверена, что для сохранения *этого* знания нас двоих вполне достаточно.

И они вышли из комнаты, чтобы отправиться на охоту. Вместе. Потому что куда бы они теперь ни направились, их двоих и правда было вполне достаточно.

На улице уже наступила темнота. Летняя ночь, как всегда, была теплой, а воздух – наполнен ароматом цветов апельсина. А для них она наполнилась ароматами новых лакомств и манящими звуками самых разных голосов. Среди которых особенно выделялся один. Одинокий голос, шепотом эха разбежавшийся под высокими сводами. Эфрат и Рахмиэль переглянулись и, все еще держась за руки, пошли на зов. Оба точно знали, куда идти. Как будто бы они уже были там, куда только направлялись, как будто видели всю дорогу заранее и знали, куда должны прийти.

На улицах было шумно, но это был шум счастья, которым обменивались между собой любящие друг друга люди, а если не любящие, то по меньшей мере готовые разделить теп-

ло этого вечера, подогрев его местным вином, которое можно было купить по дороге к центру города, если постучать в одно из маленьких окошечек на фасадах домов.

Тот голос, на зов которого они шли, был другим —одиноким, тихим по меркам людей, и оглушающим для тех, кто был способен *слышать*. Эфрат спрашивала себя, был ли этот голос таким же громким для богов и было ли случайно то, что они его услышали, выйдя на улицу в этот день и в этот час. Рахмиэль не задавал себе вопросов. Он был счастлив. Из всех тех чувств, что он сейчас испытывал, это было самым ярким.

Шумные улицы оставались позади, а ночь становилась громче. Какое-то время они продолжали идти и остановились, когда подошли к очередному католическому храму, коих в городе было в изобилии. Редкие из них, тем не менее, были открыты в ночное время. Они больше не слышали голос, а это означало, что они пришли. Какое-то время Эфрат стояла в нерешительности, прислушиваясь к пространству вокруг. Но все было тихо. Никаких признаков человеческого присутствия. Кроме одного, очень слабого. И этот человек был внутри храма.

Двое вампиров неторопливо подошли к порогу и поднялись по ступеням. Эфрат потянула за тяжелое литое кольцо на двери. Дверь беззвучно отворилась. Внутри было светло, горели свечи. Она сделала шаг вперед, Рахмиэль последовал за ней. Раньше ему никогда не доводилось видеть разницу

между миром внутри храма и за его пределами. А потому сейчас он рассматривал все с большим интересом. Его семья не была религиозной, но по делам бизнеса им иногда приходилось посещать церемонии, важные для бизнес-партнеров, и каждый раз у него болела голова. Как и в любых других обстоятельствах, когда кто-то пытался навязывать ему свое мнение. Но сейчас все было иначе. Их появления как будто никто не заметил, как если бы для них были открыты все двери.

Они беззвучно двигались вдоль прохода между скамьями, к самому первому ряду, где сидела одинокая фигура. Эфрат знаком попросила Рахмиэля остановиться. Она вышла к алтарю и оттуда посмотрела на сидевшую на первой скамье в правом ряду девушку, а та – на нее. Ей было около двадцати. Снова. Когда-то она была красива, но сейчас казалась едва ли не бледнее Эфрат, а смоляные волосы, обрамлявшие ее лицо, только подчеркивали это. На девушке было длинное белое платье, и в отличие от Эфрат, на ней не было обуви. Незнакомка разглядывала вампиршу, окруженную ореолом света. Золотые волосы Эфрат отражали пламя свечей и превращали один огненный цветок в десятки.

– Ты – смерть? – наконец заговорила незнакомка. Это был тот самый голос, на который все это время шли они с Рахмиэлем.

– Да, – мягко ответила Эфрат, – я смерть.

– Посиди со мной.

Эфрат медленно подошла к девушке, которая смотрела на нее со спокойствием и, казалось, тихой радостью. Эфрат села справа от нее, давая возможность Рахмиэлю сесть с левой стороны. Девушка как будто не замечала его.

– Ты красивая, – сказала она, – можно мне до тебя дотронуться?

– Конечно, – ответила Эфрат.

Незнакомка медленно подняла руку и поднесла ее к лицу Эфрат.

– У тебя очень холодная кожа, – ее пальцы слабо касались щеки вампирши, – а волосы сияют, как пламя. Ты похожа на ангела, – вдруг сказала она.

Эфрат удивленно приподняла брови.

– Я не ангел. Любой, кто когда-либо встречал меня, подтвердит это. – Эфрат наблюдала за движениями девушки, им было некуда спешить.

– Даже он? – вдруг спросила та, повернувшись к Рахмиэлю.

– Она не ангел, – кивнул Рахмиэль. – Она – мой бог.

Он смотрел на девушку с таким же спокойствием, с которым она взирала на него. Вена слабо пульсировала на ее щеке. Ее присутствие в мире было едва уловимым. Девушка продолжала смотреть на него, иногда отводя взгляд куда-то в сторону, как будто ее глаза наблюдали за каким-то невидимым движением.

– А что такое бог? – наконец спросила она.

– Это любовь, – ответил Рахмиэль.

– Тогда бог существует, – на ее лице появилась улыбка, спокойная и даже теплая. Она вдохнула, чтобы затем закашляться на выдохе. Следующий вдох дался ей нелегко, кашель усилился. Эфрат обняла ее за плечи.

– А правда, что любовь сильнее смерти? – спросила девушка, когда наконец снова смогла дышать.

– Ты очень скоро это узнаешь, – сказала Эфрат, все еще держа руки на ее плечах.

– Тогда я готова, – она снова повернулась к Эфрат, улыбнулась и закрыла глаза.

В храме было тихо. Только двое вампиров слышали, как ускорило сердцебиение сидевшей между ними девушки, чье имя они никогда не узнают. Ускорило, чтобы потом замедлиться, а затем и вовсе затихнуть. При взгляде на нее можно было сказать, что жизни в ней совсем не осталось, но под своими руками Рахмиэль ощущал тепло, а с каждым новым глотком жизни в нем самом становилось все больше, как если бы все цвета вокруг усиливались, а ощущения становились все острее. Он слышал, как рядом с ним Эфрат тоже делала один глоток за другим и как кровь текла вниз, впитываясь в ткань легкого белого платья. В один момент, когда последняя искра жизни в человеческом теле угасла и кровь потеряла свой вкус, они оторвались от ее шеи, запрокинув головы к потолку. Теперь они видели и слышали все, что происходило под этими сводами с момента того, как они

были возведены. И знали, какие из молитв навсегда останутся тут, а какие смогли найти себе дорогу дальше. И все это происходило в один единственный момент. Они наблюдали за миром вне времени, и если бы кто-то посмотрел сверху на них троих, то увидел бы на их лицах улыбки, спокойные, счастливые и не тронутые временем, как и все настоящее.

Рахмиэль поднялся со скамьи первым. Он подошел к Эфрат и подал ей руку. Она улыбнулась и, опираясь на его руку, поднялась и встала рядом. Вдвоем они смотрели на лежащее на скамье тело. Теперь они почти не видели ее. Зато друг друга они видели так, как никогда прежде. Рассматривая один другого в свете свечей, они видели что-то, о чем не рассказывают словами, но что можно прочесть в улыбке, которой нет на губах. И это была удача, потому что на их губах была кровь. Она остывала, и чтобы она не остыла, а согрела их снова, Эфрат вложила свои руки в руки Рахмиэля и прикоснулась губами к его губам.

Они покинули храм, в котором было все так же тихо, и все так же горели свечи, а под сводами все так же витали чьи-то молитвы, одна из которых сегодня нашла свой путь.

– Вокруг нас всегда будет смерть. Вокруг нас будет столько смерти... – тихо произнес Рахмиэль.

– Не больше, чем вокруг людей, – ответила Эфрат, – просто теперь они предпочитают ее не замечать.

Они шли по набережной, ничем не выделяясь среди других пар. Ничем, кроме невероятно бледной кожи и золотых

волос Эфрат. И тем не менее, им как-то удавалось оставаться незамеченными. Они шли, держась за руки, а Эфрат задумчиво улыбалась, рассматривая стоящие на воде корабли.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Рахмиэль.

– Корабли всегда вызывали у меня смутную тревогу, а потому Овадия однажды взял меня с собой в плавание, чтобы опасения сменились предвкушением, – ответила вампирша.

– И что? Ему удалось поменять твои взгляды?

– Как видишь, – Эфрат продолжала улыбаться, – спроси его как-нибудь, он любит хранить и рассказывать истории.

– Эфрат, – Рахмиэль остановился и повернулся к ней. Эфрат подняла голову, чтобы посмотреть на него.

Вместо того, чтобы что-то сказать, он прижал ее к себе и вернул поцелуй, подаренный ему в храме. В этом поцелуе не было ничего особенного, тысячи и тысячи точно таких же прямо сейчас происходили в этой ночи. Но это был первый их поцелуй. Первый из тысяч и тысяч.

– Я все еще чувствую вкус крови на твоих губах, – он улыбался, вдыхая аромат ее кожи.

– А ты все такой же мальчик со вкусом меда, – ответила Эфрат.

– Точно...

– Что?

– Мне ведь так и не исполнилось двадцать ...

– Нашел, чем выделиться, мне тоже.

В двух вечных подростках, идущих вдоль набережной, не

было ничего особенного, как и во всех остальных парах на этих ночных улицах. Все счастливые – счастливые одинаково. Когда все хорошо – это благословение. И у них все было хорошо. И куда бы они теперь ни направились, их двоих и правда было вполне достаточно.

Шири никогда не умела горевать, ее этому не учили, а потому это чувство не было ей знакомо. По крайней мере настолько, чтобы знать, как это делается.

Не зная, куда себя деть и чем заняться, она взяла в руки ту книжку про мысли и кофе, и открыла ее на случайной странице.

Кофе для вдохновения

Очень часто люди думают, что вдохновение к ним приходит. Это мнение ошибочно. Вдохновение никогда их не покидает, зачем же ему это делать, все потому что людям приходится выбирать между вдохновением и всеми теми увлекательными делами, которые предлагает им повседневность. Как будто от их участия хоть что-то изменится. Повседневность хороша тем, что о ней может позаботиться практически кто угодно, она не особо привередлива. Но человек так устроен, что предпочитает расходовать как можно меньше своих сил, в результате между повседневностью и американскими горками на пути к собственной божественности человек всякий раз выбирает первое. А все

те, кто настойчиво и упрямо делают выбор в пользу второго, оказываются перед еще более сомнительным выбором, который может увести вас в такие метафизические дебри, из которых вы ни в жизнь не выберитесь. Люди знают об этом, а потому относятся к вдохновению и его компаньонам с большой опаской. И тут вступает в игру всем известная фраза: если бы это было легко, все бы это делали. Если кто-то и может пройти с вами через все эти дебри и не разочаровать, ровно так же, как и не разочароваться, то тот самый человек, который будет варить вам кофе и сидеть рядом все то время, пока вы работаете. Он будет делать это не потому, что ему это нужно и не потому, что вы чертовски уникальны и неповторимы. Я толком не знаю, почему так происходит, но, вне всякого сомнения, кофе известен этот секрет. Может быть, однажды он вам его расскажет, если вы еще не будете спать.

– Я не нуждаюсь во сне, особенно сейчас. Так что можешь смело продолжать, – ответила автору Шири.

«Кофе и бессонница» – обещал следующий заголовок.

– Это мне уже значительно ближе, – согласилась на предложение Шири и продолжила чтение.

Никто не хочет просыпаться в том завтра, в котором он проснется несчастным, а потому самое лучшее, что мы

можем сделать сегодня – это не засыпать. Чтобы больше времени провести с теми, с кем мы счастливы. Волшебство чертовски пугливо и ни за что не согласится на компромиссы, нельзя быть наполовину счастливым, вам придется либо целиком остаться, либо целиком уйти, и у вас впереди целая ночь, чтобы принять окончательное решение. Кофе снова будет рядом, потому что ему тоже случалось принимать такие решения, и смотреть, как их принимают другие. Вместе они бодрствовали долгими ночами, отказываясь просыпаться там, где просыпаться не хотелось. Когда ты счастлив, ты во что бы то ни стало захочешь остаться счастливым, потому что все остальное вдруг теряет смысл и перестает справляться даже с ролью репетиции жизни. Очень часто это решение обещает нам многочисленные трудности, а то и самые настоящие крушения, но до тех пор, пока мы по эту границу сна, мы сделаем все что угодно, лишь бы ночь не кончалась. И кому-то, говорят, это даже удалось. Может быть, именно так и появился кофе. Об этом он никогда не рассказывает. Другие утверждают, что мы в этом случае ничего не решаем, а просто люди делятся на тех, кто слушает свое сердце и тех, кто слушает свою голову. Доподлинно неизвестно, кто из них просыпается счастливым, как неизвестно и то, дорога выбирает путника или путник дорогу. Это можно узнать только по пробуждению.

– Люди, – больше подумала, чем сказала Шири, но зная историю человеческого рода, она предположила, что если кто-то и должен был научиться проживать горе, так это они. И доверившись мнению автора сомнительного однодневного бестселлера, она повернулась к кровати. Еще какие-то часы назад они были тут вдвоем. Шелк покрывала еще хранил форму их прикосновений. К шелку и друг к другу. Скоро Шири погрузилась в сон. Это было то сомнительное подобие блуждания между одной реальностью и другой, в которое порой отправляешься, когда нет сил ни на что другое.

–

Если смерть крадет ваших любимых – не прекращайте их любить, и они будут жить вечно, – у Эфрат был как всегда мягкий и отстраненный голос. В отличие от голоса самой Шири, который звучал повсюду, когда она хотела, чтобы ее слышали, этот голос незаметно приподнимал слушателя над реальностью и, возможно, самим временем.

–

Отстань, – ответила Шири, и перевернулась на другой бок.

–

Ну чего ты, хороший же фильм, – Эфрат, сидевшая на кровати, подобрав под себя ноги, развернулась к Шири и погладила ее по плечу, – хоть и грустный.

–

И Брендона застрелили.

–

Верно.

Какое-то время они просто молчали. Снова.

– Знаешь, Раз хороший...

– Ты что хочешь сказать? – Шири повернулась к подруге, наблюдавшей за ней с улыбкой, которую скорее можно было бы ожидать от упомянутого Раза.

– Ну... – Эфрат задумчиво утопила указательный палец в простынях. Она покачивалась из стороны в сторону, ее движения чем-то напоминали змеиные, а волосы подыгрывали ей, и вот уже целый клубок змей сидел под итальянским балдахинном.

– Да как ты смеешь! Бесчувственный кусок кровопийцы! – Шири слышала каждую мысль каждой из этих змей. Услышанное заставило ее подпрыгнуть на кровати и пуститься в погоню за бестиями.

Вооруженная подушкой Шири преодолевала одно препятствие за другим, отбрасывая с дороги мелкую мебель, и рассекая воздух ударами подушки. Она была все в том же безупречном и теперь только слегка помятом платье, в котором сидела за столом два дня назад. С каждым движением хрупкая ткань уступала и раздавался треск рвущихся нитей. Теперь ее элегантное платье больше походило на обычные, часто символические наряды Эфрат.

– Я не кусок! – Эфрат силой чуда и находчивости уклонялась от града подушечных ударов. – Я полноценная личность!

Убегая от Шири, она запрыгивала на мебель и отталкиваясь босыми ногами от поверхности, длинными прыжками двигалась дальше.

– Безнравственное, беспринципное чудовище! – Шири продолжала погоню, меняя траекторию и переходя с бега на прыжки. Если бы кто-то увидел их со стороны, ему бы мало что удалось заметить, скорость их движения не оставляла случайному наблюдателю ни малейшего шанса.

– Я или он? Кто? Кусок? Ай! – Подушка наконец настигла Эфрат и треском рвущегося шелка разлетелась в пространстве тысячами белоснежных перьев.

– Дамы, – раздался как всегда спокойный голос Овадии. Он стоял на пороге, разглядывая двух вампирш и наблюдая как оседают на пол перья. – Простите что прерываю, но если вы хотите присутствовать при написании портрета, то вам лучше присоединиться к нам в большой зале. И, – он сделал небольшую паузу, – не утруждайте себя переодеванием.

Он повернулся и ушел. К тому моменту почти все перья нашли себе место на полу. Две подруги стояли в центре комнаты, несколько пострадавшей от их спора.

– Ты когда-нибудь замечала, что самые отвратительные времена – это те же, что и самые лучшие? – спросила Эфрат, вытаскивая из волос перья.

– О, да. Именно в такие времена для меня все и началось, – кивнула Шири.

– А...?

– Не будем заставлять других ждать. – Шири не дала Эфрат закончить фразу и направилась к двери. – Почему я такая голодная?

– Ты спала почти двое суток, – отозвалась Эфрат, выходя за ней из комнаты.

– Тогда понятно... – в голосе Шири почти не было удивления, – как прошла охота?

– Я бы повторила каждый ее миг тысячи и тысячи раз. А потом еще столько же, – улыбнулась Эфрат.

– Звучит как отличная первая охота.

– Чья-то должна быть такой.

– После всего, что произошло, – начала Шири тихо, – нам просто необходима свадьба!

– Я развелась несколько дней назад. Дайте мне отдохнуть и ощутить свободу!

Все присутствовавшие, кроме художника, обернулись к Эфрат.

– То есть до этого... – осторожно начал Овадия.

– Она была образцом сдержанности и целомудрия, – ответил Раз.

– Мы все умрем... – равнодушно подытожил Овадия.

– Как? Опять? – Раз выглядел не на шутку напуганным.

– Господа! Чтоб вас... – Эфрат посмотрела на них взглядом колоссальной степени выразительности.

– Извинения, – Овадия быстро принял решение, что на Шири сейчас лучше не смотреть.

– Ну что вы, меня первый день знаете, – Раз сдержанно улыбнулся и в отличие от Овадии посмотрел на Шири. Уже без улыбки. Ему очень хотелось сказать что-то такое, от чего та улыбнется, но он промолчал. Шири же без единого слова наблюдала, как краски ложились на холст, и с каждым движением превращались в узнаваемые очертания.

Все это время Рахмиэль сидел неподвижно. Он пока не понимал назначение портрета, но Эфрат обещала ему все объяснить «когда придет время». Он был не против подождать. Рахмиэль думал о своей семье и о том, как теперь будет складываться их будущее. Отец собирался передать ему долю в семейном бизнесе, не сразу, разумеется, со временем, когда Рахмиэль всему научится. Возможно ли это теперь? И пусть он не видел особых препятствий с внешней стороны, эти препятствия были внутри. Внутри их семьи, от которой у него теперь появилась еще одна тайна.

– Хорошо, – неожиданно произнес Рахмиэль, – сколько времени тебе нужно?

– Нужно для чего? – не поняла Эфрат.

– Для отдыха и свободы.

– Ой, перестань, – она отмахнулась, – тогда это была вынужденная мера, а сейчас – это осознанный выбор. А я не могу выбирать, я всего лишь кусок.

– Кусок? – переспросил Овадия.

– Не понял, кусок чего? – попросил уточнения Рахмиэль.

– Ох... – если бы Лия не напоминала о себе время от вре-

мени, то ее можно было бы принять за одну из статуй, стоящих тут и там в главной зале.

– Да ну пожалуйста, – всплеснул руками Раз, – неужели никто из вас не слышал старинную «Легенду о Куске»?

– Легенду? – Овадия пребывал в растерянности.

– Кус-ке? Это что-то времен древнего Китая? – предположила Лия.

Даже если такая легенда и существовала в древние времена в Китае, никому не суждено было об этом узнать, потому что в этот момент художник отложил кисть и отошел в сторону от холста, хотя работа явно не была закончена. Какое-то время он просто стоял на расстоянии, будто наблюдая за происходящим. Затем перевел взгляд на присутствующих.

– Что-то не так? – спросил Раз.

– Посмотрите сами, – ответил мастер.

Раз подошел к холсту. Его спокойно-лукавый взгляд сменился на «вы-все-должны-это-видеть» лукавый взгляд. Все не стали заставляя себя ждать.

– Что за...? – первой нарушила тишину Лия.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Овадия.

– Но это завораживает... – Эфрат рассматривала холст с интересом и любопытством, которое испытываешь на пороге нового открытия.

И пока все смотрели на полотно, Раз смотрел на Эфрат. Никто не узнает, были ли в этом взгляде интерес или любо-

пытство, ведь никто не смотрел на Раза. Никто, кроме Рахмиэля. Ведь он знал, что было на портрете.

– Я уверен, для такого мастера, как вы, нет ничего невозможного, и вы без труда сможете завершить работу, – Рахмиэль обратился к художнику тоном, который невозможно было трактовать неверно.

– Разумеется. Я вас не разочарую, – ответил тот тоном, в котором можно было угадать множество самых разных оттенков.

Мастер снова принялся за работу. По нему было видно, что каждое движение дается ему с определенным усилием. Рахмиэль сидел перед ним в полном спокойствии.

– Раз уж мы все здесь, – тихо начал Рахмиэль, – то мне хотелось бы узнать, зачем нужен портрет?

– Только Эфрат может решать, когда тебе это объяснить, – после некоторой паузы ответил Овадия, – но для начала, он станет отличным экспонатом в нашей общей галерее.

– Как я понимаю, есть общая галерея и есть частные собрания? – Рахмиэль продолжал сидеть без какого-либо заметного движения.

– Все верно, – подтвердила Эфрат, бывшая единственной в комнате, кто имел право озвучить ответ.

– У моего отца обширное собрание живописи. В основном это портреты, – заметил Рахмиэль.

– Ты предполагаешь, что мой портрет оказался в его собрании не случайно? – спросила Эфрат.

– Я думаю, такое вполне может быть, – Рахмиэль кивнул. – Он собирал их по всему миру. Часто заказывал откуда-то, платил за них столько, сколько просили и иногда больше, чтобы точно получить желаемое полотно. И я никогда не мог понять, по какому принципу он их выбирает. Ни я, ни кто-то другой.

– Твой отец интересный человек, – задумчиво сказал Овадия.

– Напомни, дорогой, при каких обстоятельствах ты увидел мой портрет впервые? – наконец сказала Эфрат, обменявшись взглядом с Овадией.

– Он просто висел на стене в гостиной... – ответил Рахмиэль.

– А другие портреты? – поинтересовался Овадия.

– А другие... мы почти никогда не видели, – вдруг осознал Рахмиэль.

В комнате снова стало тихо. Было слышно, как кисть касается холста и как затем художник набирает свежую краску.

– Кажется, – нарушил молчания Овадия, – пора ехать знакомиться с родителями.

– Так все-таки свадьба? – Шири радостно улыбнулась и посмотрела на Эфрат, лицо которой не выражало никакой радости от такого предложения.

– Не волнуйся, – обратился Рахмиэль к звезде поп-музыки, – ты им понравишься.

Он подмигнул Эфрат и снова посмотрел на художника.

Мастер продолжал наносить краски на холст, в его движениях уже не было прежней уверенности, хотя можно было предположить, что за время службы на благо хозяев этого дома он повидал немало. В этом зале не было окон, только свечи обеспечивали возможность разглядеть окружающих. Конечно, если вы не вампир. Сколько всего можно было увидеть и услышать, наблюдая из тени. И ведь совсем не обязательно искать тень. Некоторые будто окружены ею, а то и вовсе сотканы с ней из одного вещества.

– Не отправиться ли нам всем на ужин? – Раз, стоявший все это время в тени и в раздумьях, наконец снова вернулся к общей беседе. – Заодно отметим прошедший развод и стремительно надвигающуюся помолвку.

– Ты хочешь сказать, мы пойдем ужинать все вместе? – уточнила Эфрат, уставшая отбиваться от общих инсинуаций.

– Ну да, – подтвердил он, – я думаю, некоторые даже захотят разделить одно блюдо на двоих, как когда-то давно. Давайте, будет весело.

По его улыбке можно было понять, что весело точно будет, и что от такого предложения грех отказываться. А потому присутствующими было принято положительное решение. Осталось дожидаться окончания работы над портретом. Пусть даже лицо художника не обещало, что это будет легко или быстро.

Как бы там ни было, когда работа была завершена, без ка-

ких-либо особых приготовлений общество покинуло усадьбу и отправилось на поиски приемлемого меню.

– Но ведь совершенно не обязательно именно мне ехать, – Эфрат была полна решимости отстоять с трудом обретенные свободу и независимость, – и, если уж на то пошло, то нам с Рахмиэлем вообще не обязательно ехать. Это может быть кто-то из вас.

– Это как так? – поинтересовался Овадия, тщетно оглядываясь по сторонам в поисках машин, которые должны были бы уже их ждать.

– Это, – сказала Эфрат указывая на пустую площадку перед усадьбой, – значит, что все мы идем пешком с целью прогулки, а вы с Лией летите знакомиться со второй, а официально – единственной семьей Рахмиэля. Вы ведь большие ценители искусства.

– Как и все мы тут, – вмешался Раз, – почему не мы с Шири?

– Потому что... – начала было Эфрат, – не могу придумать подходящую причину.

– Потому что ты, Раз, не похож на покровителя искусств, – ответил Овадия, смеясь.

Они шли через небольшой и аккуратный сад, призванный держать любопытных прохожих на почтительной дистанции от дома, при этом не привлекая внимания. Вечерний воздух благоухал апельсиновым цветом и особенно густым ароматом роз, привезенных из Болгарии.

– Не скажи, – Раз поставил его утверждение под изрядную долю сомнения, – ведь велика сила искусства совсем не в том, как оно выглядит...

– Ой, лезут тут всякие в искусство, не разобравшись, в чем великая сила, – вздохнула Эфрат, выходя из ворот особняка вслед за Шири и Рахмиэлем.

– Тогда просвети нас, моя богиня, – отозвался Овадия, – где или в чем великая сила искусства?

– Тут, как ты понимаешь, все очень зависит от того, кто спрашивает. – Эфрат ускорила шаг, чтобы догнать Рахмиэля и прижаться к нему, требуя незамедлительных нежных объятий. Рахмиэль, впрочем, сопротивления не оказывал. – Люди, вот например, уверены, что великая сила искусства находится там, где у меня написано “Agent Provocateur”. Ну, не конкретно сейчас, – ответила она на безмолвный вопрос Рахмиэля, чьи руки успели спуститься на уровень искусства и не обнаружили под тонкой тканью платья ничего из того, что обычно создавали Agent Provocateur.

– И правильно, – не без удовольствия улыбнулся Овадия, – сейчас нам не нужны барьеры между нами и искусством, в остальном же ты, как всегда, невероятно прозорлива, моя богиня.

Раздалось деликатное покашливание, это напомнила о себе Лия. В ее голосе не было раздражения, только наслаждение происходящим. Ночной воздух, легкий летний ветер, цвет ночи, краски и звуки, которые несли сейчас куда боль-

ше смысла, чем когда-либо – из всего этого Лия создавала наслаждение. Оно удавалось ей лучше прочего и лучше, чем всем прочим, кого встречал Овадия за долгие столетия жизни. За это Овадия ее и полюбил. Он был чуть более чем полностью уверен, что эта жизнь полна удовольствий, и Лия – одно из них. Овадия обнял свою прекрасную во всех отношениях даму чуть выше уровня искусства, и они незаметно слились с толпой прогуливающихся.

При всем том, что местным жителям было известно об особняке, который только что покинули друзья, никого не смущало ни его существование, ни расположение. По какой-то причине всем было комфортно с мыслью о том, что у них тоже есть местная достопримечательность, которую можно окутать тайной. И этих тайн с каждым годом становилось все больше. Но и город с каждым годом процветал все больше, а потому каждый житель бережно хранил эти тайны, и никто даже не задавался вопросом, правильно это или нет.

Так, ничем особенным не выделяясь для посторонних глаз, парами, друзья шли по оживленной улице, шумно переговариваясь и смеясь шуткам друг друга. Если закрыть глаза и прислушаться, станет отчетливо слышно, как стучат каблуки Шири и как дребезжат нотки холода в заливиستم смехе Эфрат, а черная мантия Раза легко скрывает своим шорохом их общие истинные намерения.

– Я говорю вам! Это было отличное плавание! – Овадия тщился убедить всех в правдивости очередной пиратской

байки, вынесенной им из тех славных времен, когда корабли вмещали в себя не только человеческие души, но и другую, совершенно особенную душу, зовущую каждого слышащего в лучшее приключение в его жизни. – Кровь повсюду была фонтаном! Хоть кружку подставляй!

– Жаль, что нельзя превращать ее в вино, чтобы потом поставить на полку и делиться экспонатами коллекций как порционными воспоминаниями, – заметила Лия.

– А согласитесь, это было бы изысканно, – поддержал ее Овадия.

– Пожалуй, настало время согласиться с Лией, —Раз смеялся и, пожалуй, даже искренне.

– О, нет! Нет, нет. Это слишком радикальные перемены. Еще смены эпох нам тут не хватало, – в общем шуме толпы было сложно разобрать чей это был голос.

– Раз в столетие можно, – парировал Раз.

– Будь по-твоему. Тогда следующий переворот только в следующем веке, – и снова было не разобрать, чей голос ему отвечал.

В какой-то момент их голоса стихли, и они опять смешались с толпой на улице, обгоняя идущих перед ними и отставая на пару шагов от едва замечавших их людей. Уличные фонари исправно выполняли свою работу, и все же на некоторых участках улица казалась темнее, чем на других, можно было подумать, что тьма следует по пятам трех веселящихся пар, пока те разрезают и перекраивают полотно мироздания,

даже не подозревая об этом. Впрочем, об этом вообще мало кто подозревает.

Можно было подумать, что под их шагами ткань мира не просто рвется, а и вовсе исчезает, и чем ближе они друг к другу, тем выше шансы всех присутствующих упасть прямо в бездну, и никому не известно, что поджидало бы их там.

Но сегодня у друзей были другие планы, а потому пусть даже они и двигались лишь по черным клеткам шахматной доски, они успешно запутывали следы так, что ни одна сила во вселенной не решилась бы сыграть с ними эту партию. Ведь, как уже было сказано, в их планах не было ничего, кроме хорошего ужина и времени, проведенного вместе. Времени, присутствие которого они могли ощущать только благодаря людям, их самих время давно вычеркнуло из списков тех, с кем необходимо поддерживать связь.

– И все же, какое ассорти! – восхищалась Лия, оглядываясь по сторонам в поисках подходящего блюда для начала ужина.

– Согласен, любимая. Местная кухня всегда славилась своим разнообразием, – Овадия присоединился к ней в поисках первого блюда.

И вот они уже приближались к намеченной добыче, оставляя позади других охотников.

– Предоставим им возможность выбора? – обратилась Эфрат ко всем и ни к кому конкретно.

– Я доверяю их вкусу, – отозвался Раз.

– И я, – поддержала Шири.

Какие-то секунды отделяли их от поворота в переулок, где было темно даже по меркам темноты. И где раздавались не то голоса, не то отголоски чего-то, что было голосом при жизни обладателей. Это звуки окружала громкая тишина. И в этой тишине каждый из друзей уловил нотки приглашения. Никому из них не нужно было смотреть, чтобы видеть, куда идти.

Во тьме, надежно скрывающей ночных хищников, Овадия и Лия держали не оставляющей надежды хваткой двух человек. Люди уже не делали попыток освободиться, их тела почти безжизненно висели на руках у двух вампиров. Четыре тени, прожигавшие своим холодом тьму, пошли на запах, который люди стараются не помнить, от которого бегут и которого боятся до тошноты. Это был запах истекающей жизни, и сейчас жизнь каплями текла по мраморной и мягкой коже Лии, прорывалась сквозь пальцы Овадии, сомкнутые вокруг горла его жертвы.

Эфрат предпочитала кровь со вкусом цветов, а потому присоединилась к Лии, в руках которой была еще трепещущая жизнь юной девушки. Ее примеру последовал и Рахмиэль. Он опустился на колени возле жертвы и приподнял ткань ее платья, открывая путь к бедренной артерии. Эфрат взяла жертву за руку и впиалась в нежную кожу с такой силой, что кровь брызнула ей в лицо.

Рядом с ними Шири разделяла трапезу с Овадией и Ра-

зом. Она делала глоток за глотком, и не было похоже, что она собирается остановиться. Шири не отрывалась от жертвы, как если бы они трое соревновались в том, кто быстрее осушит человека до последней капли. И вот последнее биение жизни оставило тело человека. Было отчетливо понятно, что он мертв. Почувствовав это, Шири схватила жертву за одежду и швырнула головой в стену. Раздался треск, а затем звук падения тела. Вампириша подошла к тому, что осталось от человека, и погрузила ладонь в расколовшуюся чашу черепа. В руке Шири теперь лежал человеческий мозг, разделенный на мелкие фрагменты ударом об стену. Она поднесла это странное, напоминавшее местный десерт, блюдо к губам и оторвала кусок зубами. Чтобы окончательно отделить кусок от общей массы, ей пришлось немного сжать его зубами и потянуть. Медленно пережевывая свою добычу, она поднялась от земли и повернулась туда, где Рахмиэль и Эфрат делили на двоих еще один десерт, представленный в меню.

Хруст костей и хрящей не смущал Рахмиэля, когда он отрывал руку человека от предплечья. Он запустил пальцы в мягкие ткани и крепко ухватившись за край, содрал мясо с кости. Теперь в его руках была свежая плечевая кость, которую он положил на ладонь, чтобы затем раздробить ударом сверху и двумя пальцами извлечь еще теплый костный мозг. Первую пробу он снял сам, затем предложил Эфрат попробовать, на что та охотно согласилась, погрузив его пальцы себе в рот чуть глубже, чем это требовалось.

Когда от людей осталась только остывающая оболочка, Эфрат подошла к той из них, чьи глаза уцелели, чтобы закрыть их мягким движением ладони. Затем она положила руку на лоб человека, чтобы прошептать что-то, что услышит только она и та, к кому она обращалась. Никто из стоящих рядом, каким бы острым слухом ни обладал, не мог слышать *этот* голос. Овадия последовал примеру Эфрат и подошел к тому, что осталось от черепа его жертвы. Поднеся руку к останкам, от прошептал что-то, что не слышала ни Эфрат, ни кто-то либо еще из живых или мертвых.

Друзья стояли в переулке, наслаждаясь жизнью и цветом ночи. Где-то за их спинами остановилась длинная черная машина, салона которой было не видно за темными стеклами. А это означало, что пора заканчивать с ужином и возвращаться в особняк, где их наверняка уже ждал законченный портрет Рахмиэля. Сейчас Рахмиэль стоял рядом со своей любимой и смотрел в ее глаза сквозь темноту. Он задавался вопросом, почему он никогда не делал этого раньше, ведь сквозь тьму все предстает в своем истинном свете, в том случае, конечно, если этот свет есть. И Эфрат сияла. Она светила, как если бы миллионы звезд слились в одну, как если бы солнце перестало обжигать и начало светить. Он был уверен, так и выглядят боги. Только не те, о которых рассказывают люди, а те, другие, настоящие. Не сразу можно было почувствовать, как Овадия положил ему руку на плечо, встав рядом. Остальные, по всей видимости, ничего необыч-

ного не замечали или может быть, только может быть, их вели другие звезды. Или же они просто смотрели в другую сторону. В ту, где в ожидании стоял знакомый им дворецкий.

В темноте переулка было не разглядеть рубины, богато украшавшие одежду друзей. Никто не обратил на них внимания. В этом городе было не принято замечать подобное. А про туристов, которые не вернулись в свои отели, никто не спрашивал. Оставшиеся после них вещи отдавали в благотворительные организации или сжигали с остальным мусором. Лимузин медленно поплыл по улице и скоро уже подъехал к воротам особняка. Один за другим вампиры вошли в открытые двери. Они молчали. Они были счастливы. Мир вокруг них истончился настолько, что его ткань прогибалась под самым легким прикосновением их взгляда, воздух обернулся мягким туманом опия, а прикосновения превратились в змей, вьющихся вдоль холодных тел.

В парадном зале, где тень все еще скрывала тайну Рахмиэля, свечи едва справлялись с натиском ночи. Овадия первым вышел на центр зала и жестом пригласил Лию присоединиться к нему. Прочие удивляются, когда узнают, что куртизанки умеют вальсировать, искушенная же публика отлично знает, на скольких языках говорит по-настоящему дорогостоящий эскорт. Пара кружилась в танце и вокруг них кружились тысячи голосов. Это были крики тех, кто не хотел прощаться с жизнью, и тех, кто отдавал ее добровольно, это были возгласы восторга и ужаса, хор, сливающийся в вихрь, кружащий

танцующих. И можно было поклясться, что за стеной криков проступали лица, и чьи-то руки тянулись прочь от этого танца, как будто пытаюсь спастись, вырваться из заточения и разорвать кольцо, удерживающее душу в плену. Но ничто не уходило из рук Овадии, цепких, как волчьи зубы, и мягких, как океанские воды. Шторм поднимался из глубин, и волны уже кидались к ногам стоящих у стен.

Эфрат любила море. Им с Овадией нередко удавалось отправиться в плавание вместе. Ей нравилось смотреть, как лунный свет выстилает перед ней дорожку, по которой она шла в самую глубину непроницаемой тьмы моря. Капитан корабля славился тем, что не оставлял живых и зубами отрывал от своих жертв мясо, выплевывая его в лицо стоящим рядом. Кровь заливала палубу и никогда не высыхала. А она бежала по ней, собирая этот щедрый урожай подолом белого шелкового платья. И когда удар волны смывал с ее лица следы трапезы, она смеялась. По ночам Эфрат наблюдала, как за бортом корабля в бездну моря кидались бесстрашные звезды, вслед за которыми, как ловцы за жемчугом, отправлялись мертвые тела. Овадия тогда называл ее самой яркой из звезд на небе и на земле, его Звездой. Его жестокость и удача стали легендой. Одной из тех, которые не рассказывают, а если и приходится, то лишь для того, чтобы скорее забыть. А ее красота заставляла людей падать на колени и рыдать, умоляя о пощаде, которой Эфрат не знала. Зато она знала, что очень плохая примета – обижать милых юных дам. Боги

такого не прощают, и она – тому доказательство. С тех самых пор их с Овадией связывает дружба, подобная той, что удерживает мир от распада.

Эфрат сбросила свои туфли на каблуках, кровь на которых уже засохла, и вошла в море, чернеющее перед ней. Она обернулась к Рахмиэлю и жестом пригласила его присоединиться. Шаг, за ним еще один. Ее силуэт уже утопал в густых, непроницаемых для взгляда волнах и криках, все больше напоминавших шум воды и крики чаек. Рахмиэль последовал за ней, и в мире, где вещи и их создатели предстают в своем истинном облики, он увидел ее. А она – его. В этом мире не было ничего, что было бы создано кем-то третьим. И когда они смотрели друг на друга, не было больше ничего, только любовь. Опьяняющая любовь. До верха и через край любовь. Всеобъемлющая и дарующая свободу любовь. «Я сделаю для тебя все что угодно» любовь. «Можно прекратить бежать, потому что теперь ты – дома» любовь.

– Как получилось, что мы встретились, Рахи? – Эфрат прижималась к нему так плотно, что танцы отходили на второй план. В его волосах можно было рассмотреть засохшую кровь, так естественно лежащую на осветленных прядях.

– Я придерживаюсь мысли, что мир слышит нас, что бы мы ни сказали, и что бы мы ни пожелали, – ответил он.

– И Овадия тоже.

– Я в этом не сомневаюсь. Иначе как еще объяснить его сомнительную улыбку.

– Допустим, хорошим ужином и близостью возлюбленной?

– Имеет смысл...

В его прикосновениях к ней читался голод, но вовсе не тот, что они утоляли все вместе в лучах лунного света. Его дыхания больше не было слышно, вместо этого Эфрат наслаждалась сиянием света, исходившего от него. Света, который согревал и дарил покой, безопасность, по которой она так скучала. Когда-то давно она уже испытывала нечто подобное, когда они путешествовали вместе с Овадией, но тогда ей было спокойно, потому что она знала, что никто не переживет встречи с ними, а сейчас все было иначе.

– Расскажи мне про свои татуировки.

– Внезапно, – Рахмиэль тихо рассмеялся. – Теперь это имеет значение?

– Теперь ты будешь жить с ними вечно. А я – какое-то время...

– Прошу прощения?

– Ой ладно, всякое может случиться. Я, например, могу откусить тебе голову. Или Gussi перестанут выпускать твои любимые рубашки...

– Да, такое будет сложно пережить. Чью-то голову точно придется откусить. – Они продолжали медленно двигаться в окружении волн света, пламени свечей и тьмы кружащихся возле Овадии душ. Иногда казалось, что пламя свечей застывает или меняет свой цвет, впрочем, это могло только ка-

заться.

– Хорошо, – Рахмиэль положил ее руки себе на грудь, в вырез рубашки. Прямо там, над сердцем, которое больше не билось, сияло кровавое солнце, на его фоне чернела пирамида. – Эта досталась мне по наследству.

– В смысле?

– В смысле, что у моего отца такая же и тоже на груди, а у матери – уменьшенная копия на запястье. И там еще какие-то надписи.

– Какие-то надписи... понятно. – Эфрат ничего не было понятно, кроме того, что если сразу не говорят, какие именно, то спрашивать не надо.

– А эта, – Рахмиэль поднес ладонь к ее лицу, – эту я сделал, когда влюбился в тебя.

– И когда это было?

– В тот же день, как я увидел твой портрет в доме родителей. С того самого дня тут цветет эта лилия.

– Кости вокруг нее появились до или после?

– В тот же день?

– Почему? Ведь можно было выбрать любой другой символ... любой другой рисунок.

– Потому что кости – это про настоящее. – Лилия медленно скользила по плечу Эфрат, чтобы затем украсить ее талию. – Кости невозможно разрушить. Так же, как и любовь, – на одно неуловимое мгновение он стал серьезным, – настоящая любовь навсегда.

– Дома сгорают, люди умирают...

Ее тонкие пальцы касались его кожи там, где его не закрывала одежда.

– А вот эту, – он положил ее руку косточку чуть ниже ремня, туда, где его тело украшала пятиконечная звезда, – эту я сделал после первого секса...

– Самого первого?

– Такого, какого не было до этого.

– Обожаю ее, – Эфрат отодвинула ремень, и ее рука оказалась прямо на том нежном изгибе, где кожа была такой мягкой и где так легко можно было почувствовать мышцы, – с ума по ней схожу просто. И обожаю «тот секс, которого не было прежде».

– А я схожу с ума по тебе, и по тому, что скоро случится. И да, тут нам тоже повезло.

– Ради того, что скоро случится, можно было прожить пару тысяч лет...

– Хороший секс всегда стоит того, чтобы ждать. Даже если это пара тысяч лет...

– Я категорически согласен с этим утверждением! – раздался голос Овадии откуда-то из темноты. – Простите, что подслушиваю.

– Да, подслушиваешь прямо как не в себе, – парировала Эфрат с усмешкой, – я уверена, ты слышишь куда больше.

– И даже чувствует, – Раз, о котором было невозможно забыть, любовался происходящим в зале и кружил в танце

Шири, которая снова улыбалась. Потому что жизнь прекрасна. Особенно, когда она вечная. – Я, кстати, тоже.

– Тогда просветите меня, клуб особо чувствительных, чьи руки у меня на заднице?

– Мои, прости за очевидный ответ.

Ответ Рахмиэля и правда был очевидным. Друзья рассмеялись и продолжили танцевать. Пары кружились по залу, создавая движением свой особенный узор. Те, кому выпала редкая удача наблюдать Бал Вампиров, знают, что нет зрелища более гармоничного, правильного и умиротворяющего. Пока в мире живут сказки, мир будет жить. Пока двое остаются вместе, потому что так любви в мире становится больше, мир будет жить. Пока любовь превышает любых принципов, пока любовь – единственный принцип, мир будет жить. Овадия знал это. Рахмиэль знал это. И даже Раз тоже был отлично об этом проинформирован. Пусть его любовь сейчас только искала к нему дорогу, он был счастлив, потому что когда в мир приходит истинная любовь, она приходит ко всем, даже если привели ее только двое.

– А у меня вот нет татуировок. – Эфрат положила голову на плечо Рахмиэлю. Где-то рядом поперхнулся Раз.

– А у меня нет парных татуировок.

– Ты думаешь, пора?

– Когда, если не сейчас?

– И что мы выберем?

– Как насчет “We live. We love...”

– ... and we mean it”. Мне нравится. Где она будет?

– Позвольте вмешаться. – Раз не вынес давления происходящего. – Вы уверены, что хотите изобразить на своих телах, которым предстоит прожить еще ни одну тысячу лет, то, что будет указывать на вашу неразрывную и трогательную связь? Чтобы в случае чего ее можно было безошибочно и однозначно отследить?

Эфрат и Рахмиэль переглянулись.

– Да, – ответил Рахмиэль, – я положительно уверен, что это даже куда более изысканно, нежели в том случае, если тело живет меньше сотни лет.

– У меня есть идея, которая приведет вас всех в восторг...

– Шири крепко держала Раза, предвкушая его реакцию.

– Так, нет! – Раз безуспешно пытался вырваться. – Я отказываюсь осквернять свое бессмертное тело!

– Раз, дорогой, в этом мире уже не осталось ничего такого, что твое бессмертное тело восприняло бы как осквернение, – раздался голос Лии.

– Мне любопытно, откуда такие познания, моя госпожа? – Голос Овадии звучал отовсюду и ниоткуда одновременно, как это часто бывало среди членов клана.

– Я просто предполагаю, мой господин, не более.

Лия сладко улыбнулась, продолжая кружиться в танце и глядя Овадии прямо в глаза. Мимо них проносились черные вихри ушедших, но не упокоившихся, раздавались крики, сотни лет рвущиеся на волю из заточения. Со свойствен-

ным ему спокойствием и равнодушием Овадия дирижировал этим сонмом теней и заблудших, подобно якорю он удерживал их от исчезновения в необъятном море мрака, куда они непременно отправились бы, не прибере он их когда-то к рукам.

– Так мы делаем групповые татуировки или нет? – осведомилась Шири, насмешливо глядя на своего партнера по танцу.

– Только через мой труп! – безапелляционно заявил тот.

Зал наполнился смехом. Ночь укрывала их своими заботливыми крыльями, сквозь которые скоро начнет пробиваться золото рассвета. Это солнце возвращается из царства мертвых, чтобы вернуть жизнь в мир. В том случае, если ему это удастся, конечно. А о тех случаях, когда ему это не удавалось, как правило, некому рассказывать. И даже тогда, когда остаются свидетели такой незадачи, им глубоко безразлично, узнает об этом кто-то, кроме них или нет. Так и танцующие предпочитали чуть более чем полностью погрузиться во мрак и друг в друга. Сторонний наблюдатель не смог бы различить отдельных фигур в этом танце, лишь отдельные оттенки, кружащиеся в вихре. Были там искры звезд в окружении цветочной пыли и нежных белых лепестков, образующих шлейф, похожий на хвост кометы. Тут и там сверкала каплями змеиная чешуя, и кровавые вспышки появлялись из ниоткуда, разлетаясь множеством рубиновых капель. Эти капли жадно хватили мечущиеся души, которые древ-

няя магия удерживала лучше всяких пут. Из самого сердца этого вихря неприкаянных проступало сверкание перламутра, как если бы драгоценная жемчужина показалась из приоткрытых створок свой черной раковины. И надо всем этим разносился смех, который вы узнаете из тысяч и тысяч других, смех, который преображал все, к чему прикасался. Редкому человеку удастся наблюдать это чудо, а потому дворецкий, ожидавший возможных пожеланий гостей, никогда не покидал свой пост, и одним только богам известно, как ему это удавалось.

Когда в окна особняка постучали первые солнечные лучи, Шири и Эфрат оставили друзей, чтобы побыть в компании рассвета и тишины, замирающей над городом перед наступлением утра.

Какое-то время они молча стояли на крыше. На их платьях отчетливо просматривалась засохшая кровь. Их глаза сияли и, можно было поспорить, смотрели куда дальше горизонта.

– Как ты думаешь, он где-то там? – Шири кивнула на линию, отмечавшую пределы видимого обычному взгляду мира.

– Прости, – ответила Эфрат, – но я не думаю, что он... что он есть еще где бы то ни было. В этом мире или в любом другом.

– Я уверена, Старейшины знают, что делают.

Шири снова замолчала. Ветер легко шевелил ткань ее платья, она стояла, сложив руки на груди, и на них тоже осталась засохшая кровь. Эфрат отмечала в этом некую красоту круговорота жизни в природе. Ей по-своему нравилось думать о всей той крови, на которой стояли древние храмы и той, что проливалась сегодня при добыче и обработке бриллиантов, которые затем украсят ее кольцо или серьги, которые она наденет один или два раза. Как и подруга, она не раз и не два задавалась вопросом, можно ли было что-то изменить и всякий раз приходила к одному и тому же ответу. Есть те, кто ищет жизнь за пределами жизни, а есть те, кто ищет смерть. И этого не изменить никому, пока у людей есть свобода выбора и воли.

– Шири...

– Да? – Шири повернулась к подруге.

– Больше никаких кудрявых пианистов, — Эфрат протянула ей кулачок.

– Больше никаких кудрявых пианистов, — ответила Шири, ударив в кулачок без потери маникюра.

Они сели на край крыши и свесив ноги вниз, молча любовались рассветом. Одним из тех, глядя на которые, перестанешь сомневаться в том, что солнце — это и есть бог.

– Эфрат... — Шири нарушила тишину.

– Да?

– Раз, если ты помнишь, кудрявый. — И это была истинная

правда.

– И по клавишам фигачит что Рахманинов...

– Это по этой причине ты выбрала его себе в супруги?

– Нет, – ответила Эфрат, – я была с ним так долго, потому что как-то ему удалось меня рассмешить.

– Это было в борделе?

– Нет, к тому моменты мы уже разобрались со всем, что было в борделе, – Эфрат улыбнулась, – и просто шатались по улицам, предпочитая компанию друг друга всем остальным.

– Ты знаешь, кто помог ему совершить переход?

– Нет, он никогда об этом не рассказывал. – Эфрат отрицательно покачала головой. – Я думаю, это была женщина. Он похож на одного из тех, кто предпочитает женщин мужчинам. Женщина, которую мы не знаем.

– Что ж, мир полон приятных неожиданностей.

– Ты думаешь, эта окажется приятной?

– Кто-то подарил тебе чудесного супруга, над шутками которого ты смеялась чуть больше ста лет. У этой дамы, кем бы она ни была, определенно есть вкус.

– Верно, – согласилась Эфрат. – Тебя ведь я тоже какое-то время не знала.

Они вздохнули. Как если бы и правда могли дышать.

– Что ж, жизнь всегда найдет себе дорогу.

– Чтоб ее...

– Жизнь или дорогу?

– Не придирайся. – Они продолжали любоваться закатом,

который обещал им обеим день в дороге, даже если эти дороги на какое-то время будут разными.

Шири и Раз садились в машину. Сейчас Шири можно было принять за аристократку старой школы: бежевый брючный костюм и неизменные высокие шпильки подходили скорее для наблюдения за скачками и подрыва экономики соседних государств, чем для ночной поездки через всю страну. Но это ничуть не смущало Шири. Она с комфортом разместилась на пассажирском сиденье, в то время как Раз сел за руль, с успехом накрыв половину салона своей черной мантией.

– Я поражена, что ты умеешь водить.

– Ты явно льстишь моими навыкам, но привести это в движение я точно смогу.

– Раз...

– Че надо?

– Ты же не хотел давать ей развод?

С неизменной ухмылкой, приподнимавшей вверх левый уголок его губ, он вздохнул и через какое-то время ответил:

– Если бы я уже не был мертв, я бы лучше умер, чем позволил этому случиться.

– Я не понимаю. Она там, она жива... условно жива, но ты меня понимаешь. – Раз кивнул – И вы могли провести

вместе еще одну вечность. Почему?

– Потому что я люблю ее и хочу, чтобы она была счастлива, – он сделал паузу, – я одного боялся все это время, что однажды она так «разгонит свой Бентли», что он слетит с дороги, и я ее потеряю. А если Рахмиэль будет сидеть рядом, она будет вести очень осторожно.

Какое-то время они сидели молча. Раз постукивал пальцами по рулевому колесу, а Шири, казалось, наслаждалась видом, открывающимся перед ними. Перед ними снова открывался путь в ночь.

– А еще я не уверен, что она когда-либо меня любила. Нам было весело, да. Но мы были скорее, как это говорили в двадцатом веке, друзьями с привилегиями.

– С привилегиями официального брака, – поправила его Шири.

– Для нее это никогда не имело особого значения, – отмахнулся Раз, – в конце концов понимаешь, что она просто подросток, который победил смерть. И теперь пытается понять, как с этим жить.

– И теперь их двое.

– Точно же! – Раз повернул ключи в замке зажигания, и мотнул головой, так что рыжие кудри взметнулись пламенем. – Расскажи мне эту дивную историю в деталях, ведь ты же там была.

– Еще как, – подтвердила Шири. Она потянулась к звуковой системе, чтобы включить музыку. И услышал уже знако-

мый голос, который последний раз слышала будто бы в очень далеком прошлом.

*You are unseizable like the sand that runs through my hands
And you're flowing away with the waves
To alley the pain you can't stand any more⁵*

– А я вот больше не могу слышать эту песню! Да что с ним такое случилось, что она так страдает? Что *с ним* могло случиться?! – она раздраженно ткнула ногтем в кнопку «стоп».

– Я знаю его, кстати, – Раз спокойно выводил машину на дорогу, – хороший парень. Просто не прижился в этом мире.

– В смысле?

– В смысле он принял за чистую монету то, что в этом мире думают о таких, как он, в то время как ему под силу дотянуться до небес и вернуться обратно.

– Ладно, убедил. – Шири снова включила музыку.

– Давай что-то повеселее, а то мы тоже начнем сомневаться в своей совместимости с реальностью. Включи следующую, это сборник.

– Хорошо.

*You're walking through the streets at night
And your heart is full of pain
You don't know where to go*

⁵ Solar Fake, “Where are you”

– Его ты тоже знаешь?

– Да, как ни странно.

We are the angels of the dark

We're everything you'll ever need

We have the darkness on our side⁶

– Как мне удалось прожить столько времени в Германии и не познакомиться с ними?

– Я уверен, что после того, как мы успешно навестим родителей нашего второго чудо-новичка, мы сможем знатья чем угодно, в том числе – завести новых друзей.

Шири слегка улыбнулась и закрыв глаза, откинулась на спинку сиденья. Машина плавно двигалась вдоль ночной дороги. Никаких фар, никакого света, кроме света луны в небе, которая, как и всегда, прокладывала путь для тех, кто знал, где он.

⁶ BlutEngel, “The Angels of the Night”

Глава девятая. Навстречу ночи

Эфрат и Рахмиэль тоже собирались в дорогу. Проведя в особняке приятнейший из дней, полный блаженного ничего не делания, они собирались вернуться туда, где бьется сердце Европы, а небо любит тысячей спицей. А перед этим, конечно же, заехать в Берлин. Потому что кого ни спроси, всякий скажет, что если у Эфрат и есть сердце, бьется оно именно там. Неизменно молчаливый дворецкий должен был отвезти их в аэропорт, где они сядут в самолет и на какое-то время покинут древнюю землю, полную своих легенд и необъяснимых привычек.

Подходя к дверям, ведущим на улицу, Эфрат невольно загрустила. Всего несколько дней назад они вчетвером входили в эти двери с совсем другим настроением и совсем другими планами на будущее. Но будущее, как выяснилось, тоже имело свои планы.

– Рахмиэль, было приятно познакомиться, – Овадия протянул ему руку, – и особенно приятно, что ты теперь с нами.

– Взаимно. – Вампиры обменялись рукопожатиями и Рахмиэль отошел к машине, чтобы дать Эфрат возможность попрощаться с Овадией и Лией, которые не спешили покидать особняк.

– Надеюсь, – Эфрат заключила Овадию в крепкие объятия, – мы еще нескоро увидимся.

– Взаимно, моя богиня.

Только им одним было известно, почему они обменивались именно этими прощальными словами и никакими другими.

– Лия, я бесконечно рада, что у Овадии теперь есть такая спутница, как ты. Я желаю вам большого счастья вместе.

Девушки обменялись символическими поцелуями и Эфрат присоединилась к уже сидевшему в машине Рахмиэлю. Двери машины захлопнулись, и она медленно поплыла к воротам, которые так же медленно открылись, чтобы еще одна сказка, написанная чернилами крови по страницам ночи, могла увидеть свет и быть прочитанной другими.

Овадия и Лия продолжали стоять у порога, провожая взглядом уезжающих друзей.

– Подождем, какие вести принесут Раз и Шири, – Лия первой нарушила тишину.

– Надеюсь, у них получится, – Овадия взял ее за руку, и они вернулись в дом, который в самое ближайшее время не собирались покидать.

Берлин встречал отвратительно хорошей погодой, что прямо-таки вызывала у Эфрат аллергию на жизнь. В берлинском аэропорту их встречал уже знакомый водитель, который в этот раз оказался на удивление молчалив. Может быть, потому что ему стали лучше платить, а может быть, потому что на сиденье машины Эфрат и Рахмиэля ждал обед, разлитый по пакетам с маркировкой «Первая отрицательная».

Сейчас уже не было нужды притворяться дивой и ее той-бо-ем, не было нужды поддерживать образ недалекого наследника. От водителя их отделяла перегородка, а потому они могли спокойно общаться и утолять голод. И это вызывало у обоих улыбку удовольствия.

– Сегодня идем в клуб, – сказала Эфрат, оторвавшись от пакета, – ничто не сравнится со вкусом берлинской ночи. Здесь свобода буквально плещется в крови, а ты знаешь, что именно ее я ценю как ничто другое.

– Да мы же шутили, – Рахмиэль обнял ее за плечи, – кому нужна эта свадьба.

– Есть мнение, что двое встречаются на небесах, и лишь тогда, когда их союз благословлен богами, а души слышат друг друга как одна, тогда они встречаются на земле, чтобы сочетаться браком и ходить по ней, держась за руки. Потому что на небесах они могут быть одним, но если спуститься с небес на землю, целое распадется на две половинки, и поэтому невероятно важно найти друг друга. Вот таким и нужна свадьба.

– Начнем с татуировки? – спросил Рахмиэль, откладывая в сторону опустевший пакет.

– Легко, – отозвалась Эфрат.

– Тогда давай завтра, а потом вернемся домой. Кстати, было бы неплохо определиться, как и где мы будем жить.

– О! Вампиры в кампусе, мечта всех студентов мира! – Эфрат рассмеялась и вытянула ноги на сиденье. Еда всегда

умиротворяла ее. Жаль, что никто не додумался выпустить вампирский Сникерс, это было бы ее любимое лакомство. Откусываешь кусочек, а оттуда нуга и поток первой отрицательной. Красота.

– Я серьезно, я смогу всех отвлечь от твоего долговременного отсутствия, – продолжала Эфрат, – появлюсь разок другой на твоих лекциях, и все разговоры будут только обо мне. И нашей татуировке на двоих.

– Звучит заманчиво, – ответил Рахмиэль. – Уверен, ты будешь отлично смотреться в классе по корпоративным финансам.

– Непременно! Разделаюсь с ними в два счета в ближайшей столице моды. И в нашем случае это снова Берлин, кстати.

– А у тебя есть любимые бренды происхождением из Берлина?

– Как минимум два, – кивнула Эфрат, – что-то там Берлин и от чего-то там до Лос-Анжелеса⁷. Создатели очень приятные люди. Ни за что не стану их есть. Хотя иногда... очень хочется.

– Такие аппетитные?

– О, да! – подтвердила Эфрат, – И просто хорошие... а это редкость для людей.

– Точно. По моим наблюдениям большинство из них ско-

⁷ Искушенному читателю возможно будет интересно узнать, что речь идет о небезызвестных в определенных кругах La-La-Berlin и Magdeburg-Los-Angeles.

рее напоминают стервятников. Им только и надо что оторвать кусок и убежать с ним. Они разрушают лучшее, что есть в этом мире, ради собственного удовольствия. Даже не целей, а просто развлечения.

– Лучшее? Что например?

– Например дружбу, доверие, – Рахмиэль сделал паузу, – или любовь.

– Расскажи мне, детка, – Эфрат удобно устраивалась на сиденье, облакачиваясь на Рахмиэля и устраиваясь головой у него на коленях, – расскажи мне, что такое любовь. И открой еще один пакет, пожалуйста.

– Любовь – это выбор, детка. – Он потянулся за новым пакетом первой отрицательной, открыл его и поднес к губам любимой. – Я тебя выбрал, и выбирал каждый раз с момента, как встретил. Каждый раз. Просто потому, что я этого хотел.

– Даже когда сказал, что я – чудовище?

– Эфрат... – Он провел пальцами по ее лицу. – Любовь – это приключение, которому нужно доверять и которому нужно верить. Даже тогда, когда это означает проходить через что-то, что ты не мог себе даже представить.

– Как ты выжил? – непринужденным тоном поинтересовалась Эфрат, оторвавшись от пакета, который стремительно опустошала.

– Кем ты была, прежде чем...? Вообще, как это случилось?

Эфрат не ответила, только снова приложила к пакету.

– Я думаю, – ответил Рахмиэль за нее, – ты сделала выбор, ты хотела выжить любой ценой, потому что... знала, что можешь. И нашлась та сила, которая смогла вернуть тебя к жизни. К той жизни, которую ты в действительности хотела прожить. Пусть даже для этого пришлось пройти сквозь время.

Эфрат молчала. Затем все-таки собралась с мыслями и заговорила.

– Когда я родилась, люди еще верили в богов. По крайней мере, остатки этой веры все еще жили в них, и мир кое-как удерживал ту хрупкую стабильность, которая скоро полетела ко всем чертям, а я сама оказалась глубоко под землей. И я отлично помню все подробности. И отлично помню, что жизни во мне не осталось ни капли. Но я, тем не менее, была жива. Каждое мгновение под землей будто наполняло меня силой, а потом что-то буквально потащило меня на поверхность, а может быть, земля начала сама выталкивать меня наверх. Я помню, как впервые *прикоснулась* к лунному свету и ощутила его плотность, мягкость и помню, как мое тело впитывало его с невероятной жадой, тогда я приложила все силы и выбралась на поверхность, прямо под этот мерцающий поток. Луна в ту ночь была так близко к земле. В храме нам рассказывали истории, мы слушали их как красивые древние легенды, призванные сохранить в нас веру в лучшее в мире. И в одной из таких историй говорилось, что когда человек умирает, ворон относит его душу в страну теней. Но

иногда может произойти что-то плохое, настолько плохое, что ворон приносит душу обратно в мир живых, чтобы та могла исправить зло. – Эфрат замолчала и подняла глаза на Рахмиэля. – Теперь ты.

– Я помню, что когда бежал по коридору, то не испытывал страха. Вообще. Я просто делал то, что ты сказала, бежал так быстро, как мог. И только тогда, когда я начал чувствовать, что теряю сознание вместе с последними каплями крови, тогда я почувствовал... твоё тепло.

– Что прости? – Эфрат слегка поперхнулась кровью.

– Тепло, – повторил Рахмиэль, – ты теплая.

– Я думаю, ты просто умирал. Когда человеческое тело умирает, оно ощущает тепло, как и всякое живое существо перед смертью. Наступает покой.

– Нет, когда ты отпустила меня и каменный пол начал неотвратно приближаться, мне стало холодно. А ещё я очень не хотел тебя отпускать. Настолько, что сделал все, чтобы остаться в сознании.

– Но я слышала, как остановилось твоё сердце.

– А разве оно обязательно должно биться, чтобы я продолжал жить?

Вопрос был с подвохом. Они оба были прямым доказательством того, что необходимость сердцебиения – всего лишь ловкий коммерческий трюк. Рахмиэль продолжал.

– И когда ты села рядом со мной, моим единственным желанием было остаться в этом мгновении на целую вечность,

чтобы провести ее с тобой.

– Что сказать, мечты сбываются! – Эфрат похлопала его по груди.

– Так где мы будем жить? – снова спросил Рахмиэль, переводя тему в безопасное русло.

– А почему это так важно?

– Я буду скучать по тебе в кампусе. А еще я боюсь случайно, как бы это сказать, заметно сократить число студентов.

– Да, лучше бы ты сделал это незаметно! – рассмеялась Эфрат.

Где-то в салоне заиграла приятная мелодия.

– Это мой. – Эфрат потянулась за сумочкой – на этот раз миниатюрная зеленая Versace, немного ретро, но ей она всегда нравилась. На протяжении вот уже почти тридцати лет. Она купила ее во время предыдущей поездки по Италии.

«Город и его жители с нетерпением ждут вашего возвращения, Госпожа Эфрат» – гласило сообщение. Номер был неизвестен, но Эфрат точно знала, кто отправитель.

– Проклятие... – едва слышно произнесла она, – я знала, что что-то происходит.

– Что происходит? – не понял Рахмиэль, но внезапная перемена настроения спутницы давала понять, что нечто важное.

– Мы не сможем вернуться, – ответила Эфрат, – по крайней мере, я не смогу. Поговорим позже. Сейчас мне нужно подумать.

Эфрат погрузилась в размышления. Она вытянула ноги перед собой, так что высокие шпильки туфель стучали по стеклу окна, если машина покачивалась. За этими окнами проплывали огни ночного города и сливались в один сияющий поток. Она закрыла глаза и позволила шуму за окнами машины долететь до ее слуха, окутать и оградить от всего, что ей так хотелось бы исключить из своего мира. Из своего и не только. Ее жизнь была так прекрасна, спокойна и сейчас, лежа на груди у Рахмиэля, она готова была поверить, что ее жизнь идеальна.

– История повторяется, – вздохнула Эфрат. Ее глаза по-прежнему были закрыты, она сложила руки на груди, одна ладонь поверх другой, между ними она все еще сжимала опустевший пакет. Капля крови подбиралась к краю и уже готова была упасть на нежное кремовое кружево ее платья, но Рахмиэль вовремя это заметил и осторожно подставил ладонь. Темная густая капля рубином упала на его пальцы, а за ней еще одна. Наконец он осторожно вытащил пакет из рук Эфрат и спросил:

– Повторяется?

– Мы с Разом не виделись десятки лет. И не потому что не знали, где друг друга искать. Он кажется очень милым, и он действительно очень милый, но это не все, – Эфрат задумчиво крутила в пальцах рубиновую подвеску, – видишь ли, когда мы становимся вампирами, все черты нашего характера начинают проявляться намного ярче, иногда мы даже те-

ряем над ними контроль. Я не знала, что не так с Разом, но у меня было какое-то предчувствие, а потому я никогда не обещала ему бессмертие.

– Но я был уверен, что это ты помогла ему совершить переход, – в голосе Рахмиэля звучало удивление.

– Как ни странно, нет. Никто толком не знает, кто это был, есть только догадки и предположения, – ответила Эфрат.

– И что с ним оказалось не так? – спросил Рахмиэль.

– Разу с самого начала не хватало, как бы это сказать, – Эфрат задумалась, – человечности. Он был чуть меньше человеком, чем все те, кого я знала. Как будто какая-то незаметная, но очень важная деталь отсутствовала в нем. И если для меня это было сигналом держать вечность на безопасном расстоянии от него, то для кого-то другого это стало сигналом к действию. Впрочем, мы никогда не узнаем, что случилось на самом деле. Раз уговорит кого угодно.

– Почему вы не виделись столько лет? – снова задал вопрос Рахмиэль.

– После того как Раз сжег мой любимый особняк, – начала Эфрат, – о чем ты уже знаешь, мы поехали в ближайший большой город, с намерением затеряться в нем на какое-то время. В этот самый город мы, кстати, и едем. Сначала все было как всегда, но потом я начала замечать что происходит что-то странное. Куда бы я ни пошла, я всегда ощущала на себе какой-то странный взгляд.

– Ты же вампир, которому столько лет, сколько я даже

представить не могу, – прерывал ее Рахмиэль, – и в мире все еще существуют вещи, которые тебя тревожат?

– Ты забываешь, мой дорогой, что мир меняется, а уж что до этого города, то здесь никогда все не было так просто как в других городах, – пояснила Эфрат, – тут за тобой могут наблюдать существа, о которых тебе никогда не приходилось и, возможно, никогда не придется слышать. Однажды ночью, – продолжала она, – когда я вышла на охоту, я почувствовала этот взгляд настолько близко, что мне казалось, если я обернусь, то увижу наблюдателя, но сколько бы я ни оборачивалась, я никого не видела.

– Но при чем тут Раз? – недоумевал Рахмиэль.

– Раз всегда знал, где я была, что делала и куда ходила. Это сводило меня с ума. В первую очередь потому что не имело совершенно никакого значения, как именно я перемещаюсь по городу, незримый наблюдатель всегда оставался где-то рядом, а Раз всегда знал, что я делаю.

– Это странно ... – произнес Рахмиэль. – А еще это нездорово как-то.

– Согласна, – кивнула Эфрат, – а потому однажды ночью я утщила моего мужа в подземелье, закрыла там, и больше никогда туда не спускалась, – сказав это Эфрат замолчала.

– Что ж, – задумчиво произнес Рахмиэль, – это похоже на нормальную здоровую реакцию.

– Так я узнала, что легенды о насыщенной подземной жизни этого города – правда. Раз очень скоро дал понять, что

оставаться в заточении не входит в его планы и несмотря на то, что я больше никогда не чувствовала на себе того тяжелого взгляда, Раз всегда давал знать, что ему хорошо известно, где я и что со мной происходит. Потом он исчез. Внезапно. Без предупреждений, без ультиматумов и без малейшего видимого повода. Но вот появился ты, и теперь история повторяется.

– А кто прислал тебе сообщение?

– Это мой хороший знакомый, – ответила Эфрат, – он управляет заведением в центре города, куда я иногда навещаюсь.

Рахмиэль вопросительно посмотрел на нее.

– Заведение принадлежит Разу, – пояснила Эфрат, – он думает, я ни о чем не подозреваю, но я знала с самого начала.

– Тогда понятно, о заведении какого типа идет речь, – Рахмиэль покачал головой.

– Раз открыл его, чтобы обеспечить мне безопасность, а наш теперь уже общий с ним друг ему в этом помогал. Никогда не мешает перестраховаться.

– То есть, в действительности вы никогда не теряли связь?

– Конечно нет. Мы можем не общаться друг с другом и при этом мы будем знать, что происходит. Не в деталях, конечно, но общее понимание будет.

– Так какие у нас планы? – осведомился Рахмиэль.

– Я думаю, – Эфрат помедлила с ответом, – нам нужен крик!

Рахмиэль был уверен, что это означает еще один ночной клуб. Один такой они как раз проезжали, и он был бы очень не против «почувствовать пульс» города. Особенно, если он пульсирует в чьих-то венах.

– Мы возвращаемся в аэропорт! – крикнула Эфрат водителю, опустив перегородку.

Никаких вопросов или возражений не последовало. Только один короткий кивок.

– Я думал...

– Нет. Это мой город. И никто не будет мне говорить, когда я могу вернуться, – Эфрат все также лежала у него на коленях, глядя в потолок.

– Понятно.

Ему мало что было понятно, но его это не беспокоило. Мир переливался вокруг новыми красками, и жизнь наконец имела смысл. Настоящий, со вкусом, приводящий все в движение смысл. Сейчас, когда сердце больше не билось в груди Рахмиэля, когда тело больше не ощущало боли, а память не хлестала воспоминаниями, сейчас он чувствовал себя живым. А каждое прикосновение Эфрат, каждый ее взгляд доставал до самого дна, возвращая его в реальность и напоминая, что это – быть собой. Рядом с ней он чувствовал эту свободу. И знал, что какими бы пугающими ни были ее действия, какими бы внезапными ни были решения, Эфрат знает правильный путь. И она может создать мир, в котором они оба будут счастливы.

– О чем ты думаешь? – спросила Эфрат.

– В мире происходит столько всего, что не должно было бы происходить.

– Это точно.

– Как ты думаешь? Это можно изменить?

– А для чего, по-твоему, мы возвращаемся в аэропорт?

– Какой жизнью ты хотела жить пока... пока не...

– Пока меня не убили? – Эфрат помогла ему с формулировкой. – Я хотела жить в храме и каждый день своей жизни проводить именно там. Потому что для меня нет другого голоса, который я слышала бы так же громко, как тот, что раздавался по теми сводами. Я была счастлива каждый день и каждую минуту своей жизни. И все то, что я делала, создавало вокруг меня мир прекраснее которого сложно себе представить. Как если бы граница между небесами и землей перестала существовать, и боги бы снова почувствовали себя на земле как дома.

– А сейчас?

– А сейчас я хочу сделать то, что не могла сделать тогда.

Рахмиэль больше не задавал вопросов. Он хорошо знал, что можно спрашивать, а что – нет, и когда можно продолжать расспросы, а когда стоит замолчать. Это знание было у него в крови. Как и многие другие знания. Возможно, именно поэтому за чистотой крови так следили во всех благородных домах, в которых было то, чего не было во всех прочих.

И вот второй самолет за эту ночь заходил на посадку. Все-таки удобно, когда страны на расстоянии полутора часов полета. Уже светало, а Рахмиэлю было немного жаль, что не удалось погулять в Берлине. Несмотря на всю очевидную серьезность происходящего, мир казался ему каким-то нереальным. Как если бы все происходящее в действительности происходило не с ним или не имело такого значения, как ему казалось. Начинался дождь. Это было не то солнечное утро, когда хочется идти на улицу и наслаждаться чистым воздухом или есть свежие круассаны, запивая крепким кофе. Это было совсем другое утро. Как и каждое новое утро теперь, как и каждый новый день, и каждая следующая ночь. Весь мир, который он знал до этого, будто бы таял, и казалось, никто и ничто больше не сможет убедить Рахмиля в реальности происходящего. Какая-то новая реальность открывалась перед ним, и он еще не понимал, как ему удастся ее видеть или чувствовать, но совершенно определенно он уже начинал в ней ориентироваться. Что-то из глубины его подсознания говорило с ним. Это не было голосом и вообще не походило ни на один из тех звуков, которые ему приходилось слышать. И тем не менее, это звучало в каждой клетке его тела, во всем, что он видел вокруг, и весь мир, который теперь его окружал, был соткан из звука этих переплетающихся между собой струн. Мир вибрировал и оставался неподвижным,

менял очертания и сохранял абсолютную статичность. В какие-то минуты ему казалось, что это зависит от него самого, от того, как он смотрит на этот мир. Но ему не было никакого дела до мира. Он смотрел на Эфрат, и перед его взглядом открывалась бездна, в которую ему хотелось падать целую вечность.

Ее Бентли ждала их на парковке возле аэропорта. Эфрат шла, покачивая миниатюрной сумочкой из стороны в сторону, напевая мелодию, которая не была ему знакома.

– Что это? – спросил он.

– Прости?

– Что это за мелодия?

– А, это. Я написала эту песню очень давно. Хотя ее и песней толком не назовешь, это скорее слова под музыку, – она обернулась, чтобы взять его за руку, – зато это самые важные слова, которые мне тогда хотелось произнести. И мне хотелось, чтобы все их слышали. Это было так важно для меня. Вот, – она достала из сумочки телефон и в воздухе начала пульсировать музыка. Несмотря на обработку, голос Эфрат оставался узнаваемым и этот голос рассказывал всем, что ее сердце бьется в такт с Берлином. Маленькая милая иллюзия, в которую невозможно было не поверить, так убедительно звучал ее голос.

Она подошла ближе, чтобы обнять его. Положив голову ему на плечо, она продолжила:

– Тогда я восхищалась буквально всем, что проживала и

переживала.

– А сейчас?

– Сейчас у меня не осталось ни ценностей, ни желаний, которые облекались бы в слова. Есть такой горизонт, из-за которого не возвращаются, – она посмотрела на поднимающееся над миром солнце, – кто знает, дорогой, может быть однажды в той комнате, в глубинах итальянского особняка, окажемся мы с тобой.

– Кто они? Эти существа?

– О, они были здесь задолго до того, как были построены наши храмы.

– Это их принято называть Первородные?

– Конечно нет, – Эфрат ухмыльнулась, – я не думаю, что с Первородными вообще можно встретиться. В привычном понимании этого слова.

– Как тогда... общаться с ними?

– Но зачем с ними общаться?

– Зачем люди хотят говорить с богами?

– А они хотят?

– Я хотел. Когда был человеком.

Неожиданно отстранившись от него, Эфрат всмотрелась в его глаза и задала всего один вопрос:

– Думаешь, ты когда-то был человеком?

– Не уверен, – ответил Рахмиэль. – Я всегда отличался от всех, кого знал. И все, кого я знал, чувствовали, что я от них отличаюсь. Никто не мог объяснить, как именно, но

все это знали. Сначала это было забавно, а потом они стали понимать, что...

– Что ты можешь быть не человеком? – помогла ему Эфрат.

– Что-то в таком духе да, – согласился Рахмиэль. – Я помню тогда отец отправил меня на подготовительные курсы, чтобы я выучил язык и привык к новому городу, именно так он и сказал. Даже с какой-то надеждой в голосе.

– Так он сказал, хотя на самом деле...

– На самом деле я попал в частный вуз, куда официально может поступать любой, но его двери надежно охраняют стоимость обучения и подписи в рекомендательных письмах.

– Надо думать, подписи на твоих были очень убедительны.

– Я... я не помню, чтобы вообще привозил их, – и в его голосе звучало весьма искреннее удивление.

– А кому, – произнесла Эфрат после некоторого раздумья, – принадлежит тот университет, в котором ты учишься? Дорогой, – она сделала шаг назад, и взяла его за руки, – ты увидел мой портрет в родительском доме далеко не случайно. И уж точно не случайно ты оказался в этом городе. Все, кого это касается, знают, что это – мой город.

– Подожди, – события пролетали перед ним одно за другим, все виделось в совершенно новом свете и то, что когда-то казалось незначительным, наконец обрело смысл, – тот прием. Кто? Кто составляет список гостей для твоих приемов?

– Признаться, – Эфрат помедлила с ответом, – я понятия не имею. У меня же человек двадцать только в основном штате, они зарабатывают достаточно, чтобы не тревожить меня своим существованием и не задавать лишних вопросов. И никто из них, я уверена, никто не знает, кто я на самом деле.

– А может быть, что они... что они решили поймать серийного убийцу?

– Что?

– Ну да, – кивнул он, – сама подумай, они же люди. А вокруг тебя народ пропадает. Может быть, кто-то подсказал им, что твоя эксцентричность перешла разумные пределы? И они привели тебе потенциальную жертву, исчезновение которой не удалось бы просто так скрыть?

– Что ж, – она снова посмотрела на неспешно светлеющее небо, – тогда пора напомнить этим таинственным личностям, кто устанавливает пределы моей эксцентричности. Идем.

We're living in the darkness, we hate the day

We're hunting in the night, take your children away

Your blood is our pleasure we want your soul

You will never die as a child of the night

We're living in the darkness, we hate the day

We're hiding in the shadow, to the moon we pray

We are the creatures of the night, we want your blood

We're the seduction of evil, want to conquer your world⁸

Эфрат всегда вела машину под музыку. Как если бы эти процессы были неотделимы друг от друга.

– Куда мы едем... моя госпожа? – осведомился Рахмиэль, проведя долгие десять минут в тишине и в ожидании разъяснений.

– Мы едем на встречу.

– На встречу? – переспросил он. – Но я не помню, чтобы ты о чем-то с кем-то договаривалась?

– О, это будет сюрприз. – Эфрат смотрела на дорогу и улыбалась восходящему солнцу. И это была не та улыбка, которую солнце хотело бы видеть.

– Понял. – И хотя Рахмиэль ровным счетом ничего не понял, он был уверен, что приключение ему предстоит незабываемое. – А что насчет татуировок?

– Точно! Едва не забыла. Передай мне сумочку, будь добр.

– Тебе нужен телефон?

⁸ BlutEngel, "The Children of the Night".

– Да.

Рахмиэль расстегнул винтажный замок той самой зеленой Versace, достал iPhone последней модели и подключил к громкой связи.

– Сири, позвони Йозефу Лехманну, – произнесла Эфрат.

– Госпожа Эфрат. – Буквально сразу же из динамиков раздался голос с другой стороны.

– Йозеф, у меня для тебя две новости.

– Я весь внимание.

– Во-первых, я все знаю.

– Я знаю, – без малейшего удивления ответил Йозеф.

– Во-вторых, я в городе.

– Но моя госпожа...

– Я знаю, ты хотел как лучше, но я поступила, как хочу.

– Да, моя госпожа, – и снова никакого удивления в голосе Йозефа не было.

– Вот еще что, – немного подумав сказала Эфрат, – помнишь ту славную и немного безумную девушку, Натали? Ту, которая делает незабываемую клубничную Маргариту.

– Да, моя госпожа, она все еще работает у меня, – как будто нехотя ответил Йозеф, – и все также безумна, как мартовский кролик, а потому мои заведения известны не только отменным персоналом, но и напитками, способными отправить вас почти куда угодно без отрыва от барной стойки.

– Заяц, – отозвалась Эфрат.

– Прошу прощения?

– Мартовский заяц, – повторила Эфрат. – Неважно. Передай ей, что я скучаю по ее Маргарите и что начиная с сегодняшнего дня она может спать чуточку спокойнее.

– Я все передам. Стоит ли мне беспокоиться, моя госпожа?

– Скорее... – Эфрат повернулась к Рахмиэлю, который внимательно следил за ходом беседы, – скажи мне, тот тату-мастер, что может поймать тьму за руку и незаметно привести в мир живых, он еще в городе? Мы можем к нему попасть?

– Я уверен, что для вас и вашего спутника, добрый вечер, господин Рахмиэль...

– Добрый, – невозмутимо отозвался Рахмиэль.

– ... для вас он всегда в городе и будет рад встрече с вами.

– Отлично. Мы будем рады посвятить этому наступающий день.

– Да, моя госпожа. Что-нибудь еще моя госпожа? – осведомился Йозеф.

– Да, – ответила Эфрат, – мы с Разом в разводе.

– Я знаю, госпожа, – казалось, ничто не могло удивить хозяина одного из лучших борделей города, – господин просил передать, что, цитирую: «Ему это глубоко безразлично» и он намерен продолжать оберегать вас и город от вас же самой.

Рахмиэль бесшумно рассмеялся.

– Благодарю, Йозеф, – Эфрат закончила разговор. – Глубоко безразлично ему, проститутка прокаженная.

Рахмиэль смеялся в голос.

– Что ты смеешься? Мой бывший муж и правда когда-то был проституткой. И, надо сказать, отменной. – Заразительный смех перешел и к ней. Теперь они наслаждались им вместе. Им и утренним ветром, влетающим в открытые окна машины.

– За это ты его и полюбила?

– И за сговорчивость.

– Прости?

– Тебе понравится, – она улыбалась и смотрела на дорогу, пока он смотрел на нее.

Рахмиэль решил не выяснять, глубока ли кроличья нора. Вместо этого он закрыл глаза и старался различить голос вокалиста в той какофонии звука, которую некоторые называли тяжелой музыкой.

Hold on, hold on, my love

(We're all at, we're all at, we're all at fault)

No one owns your heart

(We're all at, we're all at, we're all at fault)

Don't fall, don't follow blind

(We're all at, we're all at, we're all at fault)

No one turns your mind

Break your priest

Priest⁹

– Почему мы никогда не слушаем твою музыку? – спросил

Рахмиэль.

– Потому что я не люблю слушать свою музыку.

– Почему? – Он снова ничего не понимал, и уже начинал привыкать к этому. – Ты же любишь петь? Почему тогда...

– Потому что это не просто песни. На самом-то деле, – Эфрат крепко сжала пальцы вокруг рулевого колеса, так, чтобы было слышно, как под ними хрустит кожа.

– А я бы все же попробовал. – Рахмиэль продолжал настаивать. – Ты же поп-певица, что страшного может быть в твоих песнях?

– Хорошо. Давай узнаем, что там такое в моих песнях. – Она отвернулась к окну. – Найди мое имя в списке и включи, что тебе самому захочется.

– Какой... жизнеутверждающий список песен, – с явным сарказмом произнес Рахмиэль.

– Ну так...

– Как насчет «The Hunt»?

– Отличный выбор... включай.

Он нажал play. Салон наполнили звуки фортепиано.

⁹ Lord of the Lost, "Priest".

– Пока что никакого апокалипсиса не происходит, – отметил Рахмиэль.

И тут зазвучал голос. Очень странный голос. Преодолевший не один звуковой фильтр и не одну обработку, которая уничтожила все дороги к той, кому этот голос принадлежал, и оставила только сладкий низкий тембр завораживающего голоса Эфрат.

*No matter how fast
And no matter how far
I'll be hunting you
Till the last drop of your blood
I'm the last one you see
I'm the last one you feel
I'm coming for you
I'm chasing to kill¹⁰*

– Поп-музыка сильно изменилась с тех пор, как я ее помню, – с сомнением в голосе прокомментировал он услышанное.

– Это я написала еще в позапрошлом веке, очередной пианист написал музыку, затем он сгинул как все прочие, а вот музыка и я остались ...

Она повернулась к нему. И тогда стало понятно, что ей вовсе не обязательно смотреть на дорогу, чтобы понимать,

¹⁰ YV SALOME, “The Hunt”.

куда ехать.

– Я наверное никогда не пойму, почему ты не ушел. Я же отпускала тебя, – она улыбнулась, как-то по-своему грустно. – Я же чудовище.

– Значит, и я тоже, – ответил он. И тоже улыбнулся. Только спокойно. И даже счастливо. – Расскажи мне, о чем эта песня?

– Ты правда думаешь, что это так просто?

– Вовсе нет. Именно поэтому я спрашиваю тебя, а не строю предположения.

– Мне всегда казалось, что когда ты отпускаешь что-то созданное тобой в мир, оно перестает нести в себе те смыслы, которые ты закладываешь в него при создании. Оно начинает нести в себе универсальные смыслы. И каждый может распоряжаться ими как хочет.

– Мне глубоко безразличен каждый в этом мире. Кроме тебя.

– Хорошо, – кивнула Эфрат, – эта песня, которую ты случайно выбрал, была написана зимой. Это было давно, я не припомню календарный год. Что я точно помню, так это то, что на улицах лежал снег. Его было так много, что мне пришлось оставить машину на подземной парковке и выбрать другой способ перемещения. Но перед этим, – она остановила рассказ, чтобы пропустить вперед внезапно появившуюся машину, – перед этим я долго выслеживала его. Неинтересно просто прийти в чью-то жизнь и забрать ее, особенно ес-

ли это кто-то, кто заслуживает визита. Лучше всего изводить его безумием столько, сколько захочется и только затем, когда в его крови будет плескаться достаточно ужаса и бессилия, затем прийти за ним.

Рахмиэль внимательно слушал. Если бы кто-то присмотрелся к его глазам сейчас, то смог бы увидеть, как зрачки его глаз темнеют и тьма, смотрящая на мир его глазами, начинает поглощать свет вокруг него.

– И когда ты наконец приходишь в его жизнь, как в ту ночь, когда землю накрыло столько снега, что в нем можно было утонуть, когда ты приходишь и спрашиваешь: «Я могу войти?», он просто молча кивает. Потому что единственное, о чем он может думать, это покой. И как этого покоя не хватает. Он узнает тебя еще когда смотрит в окно. Нет нужды появляться из зеркала, в отражении которого тебе уже с десяток раз приходилось мелькать, не нужно проступать из тьмы, сгустившейся в углу. Даже стучать в дверь не надо.

– Они что-нибудь говорят?

– Чаще всего нет.

– Почему так получается?

– Что получается?

– Что... они становятся такими?

– Потому что таков их выбор. Они искренне верят, что поступают правильно.

– Но...

– Но в конце они оборачиваются и видят кого-то из нас. И

в качестве жеста милосердия, мы предлагаем им отправиться к любому богу, на их выбор.

Больше они не разговаривали. Музыка играла, как ей нравилось. Смешивая в одном условном часе голос Эфрат, ее друзей и людей, которых она никогда не знала, что было благом для обеих сторон.

Когда они прибыли в центр города, движение на дорогах уже кипело. В этой стране рассматривать необычные машины и их обладателей стало нормой примерно в то же время, когда исторический центр города превратился в один большой туристический аттракцион. Впрочем, им обоим доводилось бывать в местах куда хуже. Черный Бентли медленно нагревался и переставал быть комфортным. К счастью, цель их путешествия находилась в пределах центра города, а потому уже очень скоро машина повернула на одну из многочисленных узких улочек. Здесь, в тупике, поросшем зеленым плющом, под защитой старинной каменной кладки, их ждал заклинатель змей. По крайней мере, именно так его в шутку называла Эфрат.

В то время, когда строились дома этого города, о таком технологическом чуде как лифт уже успели забыть и пока не успели изобрести заново. Им пришлось преодолеть некоторое количество этажей по весьма узкой, зато невероятно атмосферной лестнице. Окна украшали цветные витражи, а двери квартир остались здесь со времен постройки. К историческому и архитектурному наследию здесь всегда относи-

лись с большим вниманием.

Едва они позвонили в дверь, как двери открылись.

– Здравствуй, – обратилась Эфрат к хозяину, который жестом приглашал их войти. – Спасибо, что нашел для нас время.

– Я всегда рад тебя видеть. – Они обменялись воздушными поцелуями. – Представишь нас?

– Разумеется, Мастер, это Рахмиэль, уверена, вы еще не раз увидите. Рахмиэль, это Мастер, которому предстоит украсить нашу вечность. Я зову его Заклинатель Змей, но полагаю, это исключительно моя привилегия.

– Добытая к тому же бесчестным путем.

– Невероятно, но факт, – подтвердила Эфрат слова хозяина. Хозяин был высоким и невероятно стройным человеком, кто-то бы даже называл его болезненно худым. Бледность его лица и исключительно черная одежда положение не улучшали. Ко всем прочему будучи от природы обладателем русых волос этот покрытый татуировками человек в какой-то момент решил, что стать иссиня-черным брюнетом – это отличная идея, и после этого он практически превратился в тень. Может быть потому ему так хорошо удавалось перемещаться из одного мира в другой, приводя с собой и вовсе не обремененных плотью друзей. Он также обладал исключительным талантом делать их затем частью человеческой плоти.

– Мы хотели бы попросить тебя помочь нам стать еще немного ближе к вечности, – сказала Эфрат усаживаясь в

обитое черным бархатом кресло.

– По моим ощущениям, вы оба и так ближе некуда, – ответил Мастер.

– Это так, – Эфрат рассмеялась шутке. – Но я нахожу уникальным твой талант придавать каждой отдельной вечности свой неповторимый оттенок.

– Пусть даже это только черный. – Рахмиэль разглядывал висящую на стене репродукцию одной из работ мастера. Золотые нити бежали по черному фону, настолько черному, что он казался живым.

– Черный вобрал в себя все остальные цвета, – ответил мастер, заметив его взгляд, – и, если присмотреться, их можно разглядеть. Уверен, у тебя получится.

Рахмиэль повернулся к нему и не сразу понял, что не так. Ничего. Абсолютно ничего. Как если бы самого Мастера кто-то вытатуировал на теле реальности. Тонкий контур его фигуры то и дела убегал от взгляда, стремясь запутать смотрящего, движения были едва уловимы, хотя он совершенно точно двигался. Будто в каком-то тумане. Только туман. И больше ничего. Кроме этого странного чувства, которое испытываешь, когда по какой-то тебе самому не ясной причине приходишь покупаешь входной билет в некую особенную древнюю крипту или молча проходишь между стеллажами в катакомбах Парижа. И этот сладкий, почти неуловимый аромат.

– Ты вообще существуешь? – спросил Рахмиэль.

– А ты? – ответил Мастер.

Рахмиэль тряхнул головой, и хозяин снова стоял перед ним, точь-в-точь такой же, каким был, когда открыл им двери, такой же человек, каких тысячи и тысячи на улицах этого города. Никто бы не заметил подвоха.

– Я подумала, что было бы, – нарушила тишину Эфрат, – ...любопытно иметь татуировку, переходящую из одной вечности в другую, и при этом замкнутую на саму себя. Как если бы змея отправилась в погоню за своим хвостом и при этом не ограничивалась пространством одного тела.

– Проще говоря, пусть это будет бесконечность, созданная двумя сложенными вместе руками, – внезапно для себя самого добавил Рахмиэль.

– Иначе говоря, любовь, – почти шепотом произнес Мастер. Хотя, кто знает, может быть, это была обычная громкость его голоса. Достаточная для того, что он хотел доверить словам. Потому что этого шепота хватило, чтобы стены возрастом в сотни лет снова заинтересованно прислушались к разговору. – Звучит отлично. Но откуда такая спешка? Иосиф сказал, начать надо непременно сегодня.

– Все верно, – кивнула Эфрат, – сегодня для нас особенный день.

– Сегодня мы сможем начать поиски подходящей формы, и дальше действовать в зависимости от того, какие результаты получим сегодня. Я понимаю, что вам все равно, но я все еще умею уставать и к тому же, – тут он сделал паузу, – этот

процесс все-таки требует некоторого времени.

– Конечно, я понимаю, – кивнула Эфрат.

– Тогда не будем терять времени, – он отвернулся и медленно поплыл в соседнюю комнату, – располагайтесь, я позову вас, как закончу.

Когда он скрылся за дверью, Рахмиэль посмотрел на Эфрат без единого слова, что не помешало ему задать вопрос, на который Эфрат утвердительно кивнула.

– Поразительное самообладание.

– Говорят, люди быстро ко всему привыкают. А нелюди – еще быстрее. – Она наблюдала за тем, как в соседней комнате, почти не замечая пола под ногами, Мастер шагал из одной стороны в другую, иногда забывая оставаться непроницаемым для предметов обстановки.

– «Чаша Грааля» – прочитал Рахмиэль на корешке одной из книг, стоящих на полке.

– Что тебя смущает?

– Всеобщий интерес к этой истории.

– Тебя смущает то, что он всеобщий или то, что он еще существует?

– Хороший вопрос, – он немного подумал, – я ставлю под сомнение первое и выбираю удивляться второму.

– Хороший выбор.

– Да, – ответил он, повернувшись к Эфрат, – я тоже думаю, что я сделал хороший выбор.

– Что такое любовь? – Прежде чем голос из соседней ком-

наты долетел до их слуха, ему пришлось преодолеть не только двери и все нарастающий интерес стен, но и настойчивое нежелание говорящего держаться за реальность.

Эфрат повернулась в сторону комнаты, где Мастер продолжал шагать по комнате, напоминая той, что она тоже все еще существует. В какой-то момент он замер и посмотрел в окно. Оттуда открывался отличный панорамный вид на город. Этот город когда-то выбрал возникнуть на этом месте. Легенды говорят, что он, а точнее, она, ведь именно так об этом городе говорили от самого ее начала, появилась здесь вместе, принесенная словом. И это слово прочило ей славу, блеск и любовь. Потому что все, что приходит в этот мир, проходит через ее порог.

– Это выбор, – тихо произнесла Эфрат. – Так ты выбрал когда-то свое дело, так мой бывший муж согласился дать мне развод, так возник этот город и так мы все оказались в этих комнатах. Даже эти самые комнаты не возникли бы если...

– Вы с Разом в разводе?! – В три шага, Эфрат готова была поклясться, что не больше, Мастер преодолел разделявшее их расстояние. – Вы меня просто убиваете! Почему я обо всем узнаю последним?

– Да он буквально повсюду... – Куда-то в сторону сказала Эфрат уже уставшая удивляться этому факту. – Да, вот уже несколько дней как я официально не состою в браке, – уже громче добавила она, наблюдая как Мастер садится в кресло напротив них, накрывая кресло и все вокруг него черной

мантией.

– Я полагаю, нужно пополнить запасы виски, ведь скоро он непременно навестит меня.

– Прошу прощения? – Эта реплика Мастера все же сумела удивить Эфрат.

– Мы проводили много времени вместе в последние годы, – ответил тот, – я нахожу Раза невероятно интересным собеседником.

– Да, ты и правда Заклинатель Змей. – Эфрат все еще можно было удивить, ей это нравилось, – Раз редко кому отвечает взаимностью в этом вопросе.

– Может быть, это просто коллекционный виски, – усмехнулся Мастер, – впрочем, я сомневаюсь.

– Как и я, – согласилась Эфрат.

– Вы знаете, – после некоторого раздумья произнес Мастер, – вы можете в полной мере насладиться прогулкой по городу, погода сегодня как раз пасмурная и располагает.

– Мы тебе не нужны? – уточнила Эфрат.

– Здесь? Нет. Мне нужно, чтобы вы отправились на прогулку по городу, – ответил он и снова скрылся в своей мастерской.

Эфрат и Рахмиэль закрыли за собой двери и спустились вниз по узкой лестнице, которая, если увлечься, способна привести в один из подвалов, а оттуда есть все шансы попасть в один из подземных ходов, созданных здесь когда-то давно. Видимо, в один «прекрасный» день кому-то надоело

имитировать любовь к людям и было принято решение улучшить качество жизни. Эфрат всецело разделяла такую позицию, а потому держала в памяти карту подземных ходов, пусть и никогда ей не пользовалась. Или почти никогда.

– Как насчет ресторана? – поинтересовалась Эфрат, наблюдая за движением ветра во дворе дома.

Глава десятая. В крови и пламени

– Когда душе не за что держаться на земле, она начинает хвататься за небо, чтобы сохранить равновесие, а если и тогда ей это не удастся, душа покидает этот мир и отправляется в следующий, – прочитала Эфрат и тихо закрыла книгу.

– Я не знал, что ты читаешь на иврите, – ответил Рахмиэль.

– Я не знала, что ты – нет. Зато теперь у тебя будет достаточно времени для того, чтобы это исправить. Это и вообще все что угодно, если ты будешь достаточно осторожным.

– Это как?

– Например, не будешь одеваться во все черное и носить одежду прошлых веков. Не будешь жить на одном месте дольше десяти лет. Научишься выдерживать срок годности дружбы и... – Эфрат не успела закончить предложение.

– Срок годности дружбы? – перебил ее Рахмиэль.

– Да. Ты всегда будешь выглядеть примерно одинаково. Люди захотят узнать, а как это тебе это удастся. Одно дело, если ты просто не скажешь им, они будут тебя ненавидеть, лезть в твою жизнь, демонстративно исключать из своего бесценного общества, все это создаст некоторые осложнения, не более. А вот если они вдруг поймут, что ты не делаешь ничего сверх того, что делают они... вот тут ты попался. Если они вдруг поймут, что то, что есть у тебя, нельзя

купить за деньги и вообще, им это недоступно. Нет. Никогда. Никак. В этот момент у твоего порога появятся крестьяне с вилами.

– То есть тот факт, что мы говорим об этом в книжном магазине, где слышно каждое твое слово, не считается за излишнюю разговорчивость?

– Здесь можно, – Эфрат улыбнулась и поставила объемную книгу обратно на полку. – Во-первых, здесь просто можно, а во-вторых, в мире сегодняшнего дня люди не признают даже Господа бога, даже если та или тот по неосторожности спустятся на землю, ошибившись дверью.

– То есть мы с тобой открыли правильную дверь?

– Я ни на секунду в этом не сомневаюсь. – Эфрат коротко кивнула стоящему за кассой продавцу, тот ни слова не говоря скрылся за дверью для персонала и через несколько минут вышел оттуда с подносом, на котором стояли два бумажных стаканчика. Он молча поставил поднос на стеллаж с книгами в нескольких шагах от Эфрат и Рахмиэля. Затем так же, ни слова не произнося, вернулся к своим обязанностям.

Рахмиэль подошел к подносу. Со дна безупречно белых стаканов на него смотрела густая бордовая жидкость.

– Я не уверен, должен ли сохранять молчание. – Он взял стаканы с подноса и протянул один из них Эфрат.

– Да вообще без разницы, – ответила она и поднесла стакан к губам.

– Что еще в этом городе принадлежит ... , – он на мгнове-

ние замешкался, – где еще можно свободно разговаривать?

– Спроси лучше, где нельзя, – со вздохом ответила Эфрат.

– Мы весь день бродим по городу, – Рахмиэль тоже сделал глоток, – и мне кажется, не осталось такого исторического памятника, который мы бы ни удостоили своим вниманием. Мы также сделали тысячу и одну фотографию, чтобы затем в твоих соцсетях появилась тысяча и одна сториз. Что мы делаем?

– Ясно даем понять, что вернулись в город, – ответила Эфрат и добавила, – тебя там тоже отмечают. Хотя, теперь я уже не уверена, что твои родители так уж за тебя переживают.

– Это при том, что Йозеф ясно дал понять, что делать этого не стоит?

– Это при том, что Йозеф ясно дал понять, что делать этого не стоит, – подтвердила Эфрат.

– Я так понимаю, у нас есть какие-то дальнейшие планы? – Рахмиэль поставил было опустевший стакан обратно на поднос, но Эфрат жестом остановила его и сжала свой стакан чуть крепче.

– О, еще как, пойдем, я тебя просвещу. – Она взяла его за руку и, улыбнувшись продавцу в знак прощания, направилась к двери.

На улице они снова сели в припаркованную неподалеку машину. Весь день они только и делали, что переезжали от одной туристической локации к другой. Эфрат бросила пустой стакан на заднее сиденье, несколько капель крови ока-

зались на черной кожаной поверхности. Машина пришла в движение, и вскоре они выехали из пространства узкой улочки на дорогу. Затем преодолели мост. И когда Рахмиэль уже был абсолютно уверен, что они едут к замку, Эфрат повернула в другую сторону, уходя с туристического маршрута. Прошло какое-то время, прежде чем машина снова остановилась. На этот раз у довольно обветшалого, но по-прежнему привлекающего взгляд здания. Табличка у дверей указывала, что здание находилось в собственности городского управления и служило пристанищем для какого-то бюрократического института.

– Я не совсем уверен, что мы вписываемся в их рабочий график, – произнес Рахмиэль, сверяясь со смартфоном и несуществующим расписанием под вывеской.

– Я не совсем уверена, что ты понимаешь, где мы, – ответила Эфрат и подошла к дверям, чтобы позвонить в единственный звонок.

Раздался неприятный жужжащий звук, который означал, что теперь двери больше не являются препятствием на пути гостей.

– Что это за место? – спросил Рахмиэль. – И что мы здесь делаем?

Эфрат ничего не ответила. Вместо ответа она медленно пошла вперед по тускло освещенному коридору, по обеим сторонам которого располагались многочисленные двери, их вид говорил о том, что ими давно не пользовались, а может

быть, и вовсе никогда.

– С улицы все выглядит совсем иначе, – отметил Рахмиэль.

– Все так и задумано, – отозвалась идущая впереди Эфрат, – люди редко интересуются тем, чем интересоваться не принято, а даже если им и случается забрести в эту часть города, они не видят ничего, кроме обветшалого здания, принадлежащего администрации города. У них не возникает никаких вопросов. Кроме может быть предположения, что в недалеком будущем этому зданию предстоит снос.

– Что, надо понимать, далеко от правды.

– Ты даже не представляешь, – подтвердила его предположение Эфрат.

Она сделала шаг на старую широкую лестницу. При прочей сомнительной обстановке вокруг было безупречно чисто. Они поднялись на второй этаж, где Эфрат без каких-либо раздумий повернула в сторону и подошла к одной из дверей, которая тут же открылась. Абсолютно бесшумно и без видимых участников этого действия. Перед ними был неширокий коридор, аккуратно покрашенные белые стены, без малейших признаков декора, идеально лакированный деревянный пол. Вокруг стояла какая-то странная тишина, и даже каблук Эфрат не смогли ее нарушить. Рахмиэль послушно шел следом за ней. Он улыбался, хотя вряд ли отдавал себе в этом отчет. Ему было невероятно любопытно, что скрывается за каждой из тех дверей, которые они прошли. По ка-

кой-то причине так было всегда. Все, чем можно накормить разум, невероятно занимало его с самого детства. Он был равнодушен к прочей пище, как и ко всему тому, что так занимало его сверстников. Те тоже будто чувствовали, что он отличается от них, а потому всегда сторонились его. Было бы справедливо предположить, что дети издевались над ним, но это было не так. Самому же Рахмиэлю такое никогда не приходило в голову. Его голова была занята совсем другим. Например, многочисленными книгами в кабинете отца. Странными экспонатами, которые тот привозил с аукционов или после визита к друзьям, о которых мать ничего ему не рассказывала, как бы он и просил.

Пока Рахмиэль был охвачен нарастающим любопытством, смешанным с почти детской радостью предстоящего открытия, они дошли до конца коридора, где их ждала еще одна, слегка приоткрытая дверь.

– Госпожа Эфрат! – Раздался довольно тихий, но жизне-радостный голос. – Я уж и не ждал, что вы ко мне загляните. Что вас привело? Вас и вашего спутника?

Дверь открылась, и Рахмиэль увидел невысокого пожилого мужчину, черты лица которого показались ему смутно знакомыми.

– Господин Рахмиэль... – в голосе мужчины прозвучало удивление, и на долю секунды Рахмиэлю показалось, что тот напуган, но это впечатление ушло так же быстро как появилось. – Вы повзрослели, Господин, и выглядите чудесно.

– Разве мы знакомы? – спросил Рахмиэль, проходя в двери следом за Эфрат.

– Вы верно не помните меня, – ответил мужчина, – я был частым гостем в доме ваших родителей. Вы были тогда еще совсем юны. Я же выглядел почти так же, как выгляжу сегодня.

– Мой дорогой друг, – обратилась Эфрат к говорящему, – нам нужна информация, которой, как я помню, у тебя в достатке.

– О, я с радостью помогу всем, что будет в моих силах, – ответил тот, – вы голодны, госпожа, или вы, господин?

– Мы недавно поели, спасибо, – ответила за обоих Эфрат.

– Чем же я могу быть вам полезен, госпожа?

– Я хотела бы знать, кому принадлежит частный университет в центре нашего города.

– Это всем известно, – ответил мужчина.

– Это верно, – согласилась Эфрат, – я бы хотела узнать то, что всем не известно.

– Что ж, – мужчина посмотрел на стоящий перед ним стол, – это займет некоторое время.

– Его у нас в избытке, – ответила Эфрат.

Мужчина выдержал паузу. Затем подошел к столу и медленно опустился в кресло, как если бы ему было не так просто это сделать. Нет, физически он был вполне здоров. Ему не хотелось начинать этот разговор. И еще меньше ему хотелось быть первым, кто приоткроет завесу этой тайны.

– Может быть, кофе? – спросил он с некоторой надеждой в голосе.

– Премного благодарны, но нет, – снова ответила Эфрат.

– Вы редко отказываетесь от кофе, госпожа, – он говорил все медленнее, – видимо, на то есть причины.

Эфрат была абсолютно искренна, когда сказала, что им с Рахмиэлем некуда спешить и времени у них в достатке, это было чистой правдой, а потому она не торопила старого знакомого, который был весьма за это признателен, хоть и старался не подавать виду.

– Господин Рахмиэль, ваш отец ... что-то рассказывал вам об истории вашей семьи? – медленно начал он.

– Нет, насколько я помню, у нас никогда не было подобных разговоров, – ответил Рахмиэль, заручившись молчаливым разрешением Эфрат отвечать честно, но умеренно.

– Я вижу, тем не менее, что вы уже носите фамильные знаки, – он взглядом указал на татуировки Рахмиэля, которые было отлично видно благодаря расстегнутому вороту рубашки. – Обратили ли вы внимание на то, как часто они встречаются... практически везде?

– Нет, если честно, мне никогда не было это интересно.

– Твой отец и твоя мать носят одинаковые татуировки, и ты начал носить аналогичную, надо понимать еще в школе... – недоумевала Эфрат.

– В старших классах, – уточнил Рахмиэль.

– В старших классах тебе сделали татуировку, аналогичную татуировке твоего отца, и тебя это никак не озадачило? – Она посмотрела на него с явным недоумением.

– Нет, – ответил Рахмиэль после некоторого раздумья, – мне просто очень нравилось носить такую же татуировку, как у членов моей семьи, я был уверен, что это что-то вроде фамильного герба или традиции какой-нибудь...

– Видите ли, господин, – произнес пожилой мужчина, – это не совсем так...

– Этот город, как и ты, вовсе не то, чем кажется на первый взгляд. Эти улицы – не то, чем кажутся, – как-то особенно спокойно произнесла Эфрат, когда они вышли на улицу.

Вечерние сумерки уже опустились на город, и пара стояла на крыльце в облаке зыбкого тумана. Кажется, если бы не последние лучи заходящего солнца, все еще поддерживающие порядок, туман в мгновение обернулся бы своим истинным лицом, но ему приходилось выжидать.

– Однажды на одной из этих улиц, – продолжала Эфрат, – я увидела нищего, я протянула ему свое обручальное кольцо и спросила: «Ты просишь денег – возьми это кольцо. Хочешь это кольцо?». «А ты?» – ответил он. Я не ответила. А он не взял кольцо. В тот день я даже не заметила, как потеряла его, огромный сапфир, окруженный бриллиантами. Раз подарил

его мне, зная мою любовь к этим камням. И может быть, пытаясь привлечь хотя бы какую-то ее часть к себе. Больше я никогда не видела этого человека. Нигде в городе. Я даже просила Раза узнать, кто он и чем я могла бы ему помочь. Но никто так и не смог его найти. Это случилось вскоре после того как мы с Разом переехали сюда из небольшой город неподалеку... ну, а чем все закончилось, ты уже знаешь. Кстати, зачем ты подслушивал под дверью, когда мы были в доме Старейшин?

– Я не подслушивал, – возразил Рахмиэль. – Я пытался найти тебя.

– Зачем?

– Во-первых, чтобы извиниться за то, что назвал тебя чудовищем, а во-вторых, чтобы мир снова стал полным, – ответил он. Они взялись за руки и медленно пошли к машине. – Когда я подумал, что все останется по-прежнему, кроме одного, я не захотел жить в такой реальности. Ты – тот мир, который меня полностью устраивает и вообще... кажется идеальным.

– Это любопытно, – улыбнулась Эфрат. – Расскажи, как так получилась, что мир, живущий под покровом постоянной тайны, на поверхности которой тут и там поступают рубиново-красные нити, удерживающие ее от распада, вдруг стал для тебя идеальным?

– Это немногим отличается от жизни в моей семье... у меня всегда было чувство, что они в тайне наблюдают за мной.

Постоянно. Как будто не перестают думать, что я сделаю что-то не то или скажу что-то кому не надо. Это хуже любых запретов и ограничений, как будто твоя жизнь превращается в телешоу. Только в отличии от телешоу, тут все по-настоящему и никаких срежиссированных сюжетных поворотов.

– Я все жду, когда закончится это долгое вступление и начнется основная часть твоей истории...

– Как ты уже понимаешь, – вздохнул он, – я сам не знаю и половины собственной истории. Могу рассказать только о том, в чем принимал осознанное участие и что имеет для меня смысл. Одно я знаю точно, если бы ты была миром, меня бы полностью устраивали все твои законы и правила. Может быть здесь, близко к земле и людям, твой огонь испепеляет, но если посмотреть чуть выше, если подняться всего на пару ступеней вверх, огонь превратится в теплое облако, а ты сам как будто утратишь вес собственного тела, тебя окутает эфир и вознесет высоко, туда, откуда приходят звезды. И когда это произойдет, в мире не останется ничего, кроме этого света.

Какое-то время Эфрат молчала. Потом заговорила.

– Однажды я видела работу уличного художника. Очень простую, всего три слова. Его работа говорила: «I love you», большими красными буквами, и рядом с этими словами из одной чаши песочных часов в другую бежало рубиново-красное сердце. Когда я читала об этой работе, я узнала, что “however this painting was painted over”¹¹. Вот так просто,

¹¹ «Однако, эта картина была закрашена» – пер. автора

“however”. И знаешь, что забавно? Я видела множество сувениров и репродукций самых разных его работ, но не этой.

– Я видел его работы только на выставке, – поняв, о ком идет речь.

– Ты ходил на выставку Банкси? – искренне изумилась Эфрат, – ты же мальчик, который носит Gucci, что ты там делал?

– А ты что делала так далеко от Лондона, Provocateur-girl? – парировал Рахмиэль.

– Восхищалась разнообразием местной кухни, – буднично ответила Эфрат. – И потом он же уличный художник, его работы оживают только на улицах.

– Улицы всегда не то, чем они кажутся?

– Я думаю, в большинстве случаев так и есть. Они живут и существуют как часть человеческой жизни, артерии, по которым из стороны в сторону бегут деньги. Но если мы приглядимся к ним чуть лучше, мы увидим тонкую красную нить, сшивающую ткань мироздания и удерживающую ее от распада, ведь по этим артериям бегут жизни. И это будет та же самая нить, которая удерживает от распада покров нашей тайны, это жизни, истории, судьбы, которые вместе образуют то, что принято называть миром.

– Для той, кто известна своей кровожадностью, ты довольно странно определила для себя значение человеческой жизни.

– Я верю, что жизнь представляет из себя такую же сти-

хию, как вода или огонь. – Эфрат не находила ничего удивительного в этой информации, а потому не заметила, с каким вниманием ее слушал Рахмиэль. – Однажды я задалась вопросом, может ли любовь быть стихией?

– И как, тебе удалось ответить на этот вопрос?

– Я думаю, на него отвечают все, кто произносит эти три слова.

– Яркой красной краской?

– Особенно яркой красной краской. Мы, кстати, пришли. – Эфрат открыла дверь машины.

Вокруг было как-то особенно тихо. Как если бы кто-то убавил громкость всего происходящего, чтобы прислушаться. Или чтобы не мешать. Они вернулись в исторический центр. На улицах было шумно. Эфрат особенно забавляло то, что ее средство передвижения всегда воспринимали как еще один аттракцион для туристов и можно было перемещаться по городу, оставаясь почти незамеченными.

– А вот и наша остановка, – Эфрат кивнула в сторону одной из множества улочек. На первый взгляд тут не было ничего примечательного, но как только машина повернула, Рахмиэль увидел широкие деревянные двери. Таких в центре было великое множество. Они открывались подобно гигантским ставням, приглашая туристов заглянуть в «мир, который был раньше». Но тут все было не так. За деревянными дверьми следовали еще одни, за которыми открывался вид на заведение, в которое ни один человек, обремененный хо-

тя бы слухами о чувстве прекрасного, не зашел бы ни за что в жизни. В нескольких шагах от дверей стояла женщина, она курила сигарету и посматривала на пару с плохо скрываемой ненавистью, уходящей корнями в отчаянную зависть и еще более отчаянную беспомощность. Эфрат знала, что она на них смотрит. И знала, кто она. Однако, Рахмиэль вовремя отвлек ее вопросом.

– Ты говоришь мне, что вот это, – он указал на двери и происходившее за ними, – этот скотный двор, это цель нашего путешествия?

– Да. Тебе он тоже не нравится? Это одно из заведений Раза, – Эфрат усмехнулась, – как и всякий, кто провел в закулисье жизни больше, чем прочие, Раз хорошо знает, что грязь – это неиссякаемый источник дохода. Мне же никогда не нравилось это заведение. А это, как мы уже выяснили, мой город.

С этими словами Эфрат толкнула пластиковые двери и они вошли в помещение, воздух которого и правда переносил в атмосферу скотного двора, под стать всем присутствующим.

С первых шагов их окружил шум, оглушающий и тошнотворный. Оба прекрасно чувствовали, что стояло за формой и вещами, а потому с трудом скрывали отвращение к происходящему.

– Мне рассказывали, что однажды, когда эти черти праздновали «Хэллоуин», они зарезали свинью, подвесили ее го-

лову под потолком и залили пол ее кровью. А на одной из стен они этой же кровью начертили пентаграмму.

– И как, им удалось призвать Дьявола?

– А как бы ты ответил на такое приглашение? – отозвалась Эфрат. Рахмиэль хотел было ответить, но она опередила его. – Вот именно. О, у них сегодня, – она сделала паузу, – живая музыка.

– Что не так с живой музыкой?

– Все как раз складывается как нельзя лучше. Настолько хорошо, что я начинаю думать, что сегодня мой день рождения.

– А ты помнишь, когда у тебя день рождения? – спросил Рахмиэль, пока они садились за стол.

– Нет, – Эфрат посмотрела куда-то в сторону, – помню только, что когда-то летом. Помню, что всегда было жарко. Хотя у нас всегда было жарко, поэтому я могу ошибаться.

– Зачем мы здесь?

– Скоро увидишь.

Эфрат была спокойна, как и всегда, она знала, что старый друг не одобрит ее идею, а потому ничего не сказала Йозефу, решив ограничиться кратким сообщением, которое набирала сейчас. Закончив с сообщением, она снова посмотрела на Рахмиэля, который уже отвернулся к сцене. И сделал это точно в тот момент, когда на сцену поднялся высокий молодой, как можно было подумать, парень. На первый взгляд ему было не больше двадцати пяти, но за первым взглядом

следовал второй, и улыбка сходила с лица смотрящего. Первому взгляду представала милая улыбка в сопровождении голубых глаз и почти романтических кудряшек. Второму повезло куда меньше, ведь если присмотреться внимательнее, можно было заметить, что эти голубые глаза почти не моргают, они без усталости смотрят на любого, кто заговорит с их обладателем, они заняты поиском слабости, которая позволит обездвижить жертву. Эфрат был хорошо знаком этот взгляд. Такой был у половины ее жертв. Они всегда смотрели на нее в упор, когда она шла им навстречу по темной аллее. Психопатов отличает особенное умение подолгу смотреть людям в глаза и не моргать. Эти глаза ждут, прощупывают, пытаются понять, как получить желаемое на этот раз. Из этих глаз сочится яд. И когда наблюдателю удавалось его почуять, на смену улыбке приходила гримаса, и обнаруживалось, что кудри едва закрывают горб. И даже кажущийся таким мягким и искренним голос превращался в то, чем он был на самом деле, голосом дешевой и грязной столовой, куда по водостоку стекалась вся городская грязь.

– Видишь его? – спросила Эфрат. Рахмиэль кивнул.

– Это очаровательное создание, от которого даже меня начинает подташнивать, супруг той дамы, что так приветливо на нас посмотрела при входе.

– Оу... теперь понятно, отчего такое чувство, что его одевает бабушка.

– Держу пари, она даже пахнет этой бабушкой. Ну или ма-

мой... – добавила Эфрат, – как ты понимаешь, это не то место, где при появлении клиента будут выбрасывать сигарету.

– Или шлюхой. Я может быть слишком консервативен, но в моем мире на улице курят или парижанки или шлюхи. А мы не в Париже.

– Ты правд, мы неприлично далеко от Парижа, – Эфрат любезно улыбнулась далеко не любезной официантке, которая подошла принять у них заказ, – это, кстати была «менеджер ресторана».

– То есть в данном случае свинопас? – уточнил Рахмиэль.

– Свинопаска, не забывай про феминитивы. В данном случае это может быть единственным свидетельством в пользу принадлежности этого существа к женскому полу.

– Да уж, у нее побольше чем у меня будет, – рассмеялся Рахмэль.

– Хотя у тебя немаленький, – Эфрат пыталась сохранять серьезность, но получалось плохо.

Эфрат что-то сказала официантке, и та ушла.

– Что ты сейчас сказала?

– Я попросила две кружки пива.

– А на каком языке ты попросила две кружки пива?

– Тебе лучше не знать, – ответила Эфрат, – но поверь мне, в этом городе мало кто хочет его слышать.

– Так что мы здесь делаем? – спросил он и Эфрат его услышала, несмотря на музыку.

– Ты любишь кино?

– Внезапно, – слегка удивился он, – но допустим, что люблю. С попкорном. А что?

– Если бы ты любил кино получше, то мне бы пришлось куда меньше объяснять.

В этот момент официантка вернулась с двумя бокалами светлого пива. Эфрат вежливо кивнула в знак благодарности, но не притронулась к напитку. Как и Рахмиэль. Сидевшие вокруг не скрываясь разглядывали их, издавая при этом самые разнообразные звуки, часть из которых даже могла быть речью.

– Есть хороший фильм, про мафию, полицию и двух страных парней. Они тоже не знали особенно, куда им ехать и кого искать, но так получалось, что им всегда удавалось находить плохих парней. И когда другие были бессильны, когда система правосудия не могла дотянуться туда, где скопилось слишком много грязи, когда мелкие гнусности превращались в настоящую скверну, тогда... наступало время Святого Лорана!

Эфрат ударила в пол тонким каблуком, не столько тонким, сколько внешне хрупким, переплетенные между собой золотые буквы YSL казались иллюзорными, но в действительности могли преодолеть любые преграды. Эфрат встала и медленно пошла в сторону коридора, в конце которого должны были находиться комнаты для дам и джентльменов, если бы таковые посещали это заведение. По дороге она не забыла посмотреть на сцену самым однозначным из своих

взглядов. Ее туфли и правда носили имя упомянутого святого. Но никто из тех, кто провожал ее глазами, об этом не знал. Не знал этого и кудрявый музыкант, который, выдержав небольшую паузу спустился со сцены и пошел за ней следом.

Пройдя несколько метров по коридору, Эфрат повернула за угол, где и остановилась. Не прошло и минуты, как из-за поворота показался музыкант. Весь его вид должен был внушить потенциальной жертве доверие и ту самую уникальность, которую каждый психопат создает для своей добычи. Эфрат мило улыбнулась и облокотилась спиной о стену, расставив ноги чуть шире, чем это можно было ожидать. Кудряшка, ничего не подозревая, подошел к ней. Эфрат имитировала дыхание так, чтобы он думал, чтоб смог установить близкий контакт со своей жертвой. Ведь именно этого психопаты всего мира хотят больше всего на свете, близости, контакта, принятия, иллюзии контроля. И Эфрат собиралась обеспечить ему наивысшую из возможных степеней принятия, ту самую, которой он втайне жаждал, потому что был не в силах справиться с реальностью, будучи слишком жалким для того чуда, которое принято называть жизнью.

– I will bite it with my teeth as one bites a ripe fruit. Yes, I will kiss thy mouth¹² ... – ее белоснежные клыки нехотя показали в ореоле алых губ, как раз в тот момент, когда сон-

¹² Цитирует Саломею Оскара Уайльда.

ная артерия пульсировала под ними. И это был момент, когда она остановилась. Остановилось и ее притворное дыхание. Пространство вокруг них стало чуть плотнее обычного, как будто помогая Эфрат удерживать жертву. Она опустила руки на его голову, утопив пальцы в кудрях. В уплотнившемся пространстве звук показался сдавленным и приглушенным, разрывающаяся плоть приветствовала мир алыми брызгами крови. Кружевное платье, которое так оберегал Рахмиэль, тут же намокло. Кровь просочилась сквозь тонкую материю, коснулась кожи Эфрат и тут же исчезла. Эфрат держала в руках оторванную голову, почти не слыша, как туловище в судорогах и конвульсиях опустилось на пол.

– But, wherefore dost thou not look at me...? – произнесла она и усмехнулась. Это не был тот свойственный ей веселый, немного ироничный смешок, на этот раз в ее голосе слышалась какая-то далекая тоска.

– Мой дорогой друг, – медленно прошептала Эфрат, держа перед собой оторванную голову, – это была не любовь, даже на первый взгляд. Ты думал, что пьешь ее мед с его губ, но каждый день ты принимал яд, и однажды он превратил тебя в живой труп. Тебя, который так настойчиво отказывался стать моим компаньоном в вечности, несмотря на все мои уговоры и на все уговоры твоей семьи. Ты остался, и его яд отравил твою жизнь. А ты мог бы жить. И не только любить, но и быть любимым. – Она смотрела в тускнеющие голубые глаза, затем накрыла их ладонью. Ее губы беззвучно

двигались, произнося только ей известные слова. Она опустила ладонь вниз, чтобы опустить веки и подарить этому взгляду покой, которого ему желали очень и очень многие.

Она перехватила оторванную голову так, что ее окровавленные пальцы снова утонули в кудрях, перешагнула через лежащее на полу тело, осторожно обошла растекающуюся по полу кровь, чтобы не поскользнуться, и медленно начала свой обратный путь в зал. Капли превращались в тонкие линии, затем объединялись в поток и наконец Эфрат накрыла вуаль их стремительного танца. Эфрат не спешила, она прокладывала себя путь сквозь пространство и время, сливаясь с ними и проницая их насквозь. Обычно она не обращала на это внимания, но сейчас они говорили о совершенно новых условиях совместной жизни.

You spin me right 'round, baby, right 'round
Like a record, baby, right 'round, 'round, 'round¹³

Присутствующие не сразу поняли, что произошло. И лишь, когда кудрявая голова, подобно комете с сияющим рубиновым хвостом, преодолела половину зала и повисла на люстре в самом его центре, веселье наконец стихло. Теперь только медленный стук ее каблучков эхом разносился по помещению. Эфрат дошла до границы между коридором и залом дошла до границы между коридором и залом, остано-

¹³ Dead or Alive, "You Spin me Round".

лась, не спеша выйти из тени, и дала публике возможность как следует себя рассмотреть. Теперь их взгляды были совершенно иными. Впрочем, и она смотрела на них совсем иначе. Ее глаза чернели на фоне бледной кожи, губы сияли свежей алой кровью, и на короткое мгновение могло показаться, что тьма вокруг нее рассеивается, это золото ее волос расплескалось в воздухе и струилось теперь по хрупким плечам, смешиваясь с окровавленным кружевом платья.

– Меня зовут Эфрат. – Она сделала еще несколько шагов вперед и продолжила. – Я жрица храма богов, что древнее этого мира. И это – мой город.

Рахмиэль вздохнул, увидев, во что превратилось платье его спутницы. В эту минуту он понял, что на его едва двадцатилетние плечи спустились события не одной сотни лет. Прямо перед его глазами разворачивалась бездна, в которую он падал так же стремительно, как падают с небосвода звезды. Он улыбнулся. Его первые сто лет обещали быть жаркими. А потому сделать несколько глотков стоящего перед ним пива было отличным решением, к тому же, вкус оказался неожиданно приятным. Это, по словам пивоваров, из-за текущей под землей воды. Если бы кто-то сейчас посмотрел сквозь дешевые пластиковые двери, то увидел бы, как Йозеф, заручившись помощью друзей, закрывает тяжелые деревянные двери, чтобы скрыть от случайного взгляда происходящее за ними.

Рахмиэль поставил бокал на стол. Как раз вовремя, чтобы

поднять глаза и встретиться взглядом с Эфрат:

– Всех до единого! – закричала Эфрат, и крик перешел в рычание. Из широко распахнутого оскаленного рта лете-ли брызги крови. На мгновение Рахмиэлю показалось, что тьма вырвалась из ее глаз и порывом ветра устремилась в зал, где тишина взорвалась человеческими криками. Самым лучшим было то, что ему не показалось. Черный ветер на-полнил плохо освещенный зал. Поначалу за его движением было непросто уследить, но вот он настиг бегущего к выхо-ду человека и исчез. Лишь для того, чтобы очень скоро по-явиться вновь, прокладывая себе дорогу обратно сквозь ко-сти, внутренности и плоть, кровь летела во все стороны, но тьма, клубящаяся в воздухе, перехватывала ее на лету, стре-мясь поглотить каждую каплю. И вот сотканный из тьмы и крови вихрь уже не казался таким призрачным.

Почти ленивым и полным удовольствия движением Рах-миэль повернул голову в сторону своей первой жертвы. Мол-ниеносно оказавшись рядом с ней, он сомкнул свои пальцы вокруг ее горла так, что она начала хрипеть и задыхаться. И это мало отличалось от тех звуков, которые менеджер ресто-рана обыкновенно издавала до этого дня.

– Я буду убивать тебя медленно, – пообещал Рахмиэль, глядя в ее глаза. А затем он опустил свободную руку к пред-плечью жертвы, сжал почти также сильно, как сжимал ее горло, и с силой дернул вниз. Раздался звук рвущейся тка-ни, хруст сухожилий и связок, костей, покидающих суставы.

Рахмиэль отбросил оторванную руку в сторону, превратив тело женщины в бутылку кровавого шампанского. Он рассмеялся и направил рубиновый поток в зал, как если бы хотел оповестить всех, до кого мог дотянуться, об их будущей участи.

– Мне нравится эта идея! – Голос Эфрат был не таким, как всегда. Сейчас он был звонким и искрящимся, только искрился он холодом. Вампирша стояла на барной стойке, по которой уже бежала тонкими ручейками чья-то кровь. Не желая расставаться со своими неизменными каблуками, одним только чудом она удерживала равновесие, можно было подумать, что ей и вовсе не нужно касаться поверхности, что почтение к земному притяжению для нее не более чем галантная любезность по отношению к миру приютившему ее.

Длинным прыжком Эфрат преодолела расстояние до ближайшего человека и появилась прямо перед ним как раз тогда, когда он спрятался за ближайшей колонной, думая, что ему удалось скрыться. Но Эфрат двигалась слишком быстро, чтобы хоть кто-то мог ее заметить или предугадать, где она окажется в следующий момент, ведь кроме нее по залу метался смерч, поглощающий любую жизнь на своем пути.

– Не так быстро, детка, – Резкая боль пронзила все тело ее жертвы, подобно тонкой нити, удерживающей душу в теле, боль рассекала пополам незадачливого выпивоху, подвернувшегося под длинную руку полуночного правосудия.

Эфрат разрывала плоть зубами, выплевывая куски мяса и

снова возвращаясь к кровоточающему телу. Человек еще пытался вырваться из ее хватки, как и все живое, он стремился избежать смерти, и как и все живое, был обречен с ней однажды встретиться. Этому повезло чуть больше, чем другим, смерть милосердно пришла к нему раньше запланированного часа. Вовсе не потому, что он как-то по-особенному провинился, просто потому что таких, как он, не считают. Эфрат было очень много лет, но ей все еще было семнадцать, и она все еще видела мир, в котором люди куда старше ее, не достойны даже жалости, они соревнуются с детьми, с теми, кто заведомо слабее, чтобы хоть на мгновение забыть о собственной убогости или о том, что они и только они несут за нее ответственность. Жалкие, слабые, подлые твари, по собственной воле отвернувшиеся от искры божества, что вдохнула в них жизнь. Зато теперь, когда этой искры нет, когда все вокруг погружено во мрак, несмотря на яркие огни, все происходящее здесь не имело для богов совершенно никакого значения и оставалось на усмотрение тем, кто был достаточно силен, чтобы находиться между небом и землей, пересекая границы миров и иногда, только иногда останавливаясь в одном из них ради пары хороших туфель.

Яркие рубиновые капли стремились украсить собою каждый изгиб ее каблука. YSL, и до этого испивший немало крови своих поклонников, теперь мог наслаждаться истинным гедонизмом, красотой ради красоты, в одном остановившемся мгновении, когда золото каблуков Эфрат окрасилось баг-

рянцем. Кровь была повсюду. Весь пол был залит ею и, если присмотреться, можно было разглядеть, как поднимается пар. Свежая, теплая, искрящаяся огнями, обволакивающая подобно сновидению, этот несущий в себе жизнь эликсир сейчас был разлит по полу и превратился в море, где волны прилива подчиняются не только и не столько ритмам луны, сколько ритмичным ударам каблуков. Рахмиэль любовался этим движением стихии, каждым ударом волны, нежно-розовыми барашками, украшавшими поверхность этого внезапно разлившегося моря. Он держал в руках тело менеджера, которое все еще подавало признаки жизни, что ничуть не смутило Рахмиэля – он хорошо знал таких дам. И хорошо знал, что мир стал бы лучше, не будь их, а потому решил сделать мир чуточку лучше. Он швырнул тело на пол, в лужу крови. В полете то, что осталось от «дамы» встретилось со столом и парой стульев, что безусловно привнесло новые ощущения в ее бесславное существование. И все же, стоит отдать должное силе человеческой злобы, когда тело закончило свое путешествие в пространстве и наконец замерло, наполовину укрытое багряными волнами, откуда-то сквозь этот алый бархат все еще сияли полные злобы и ненависти глаза бывшего менеджера «ресторана». Кто знает, может быть, злоба и ненависть и были единственным источником этой жизни, может быть, только ими и была жива эта человекообразная оболочка, судорожно дергающаяся теперь на полу, в грязи и ужасе, атмосфера как раз ей под стать.

Именно так думал Рахмиэль, наблюдая за тем, как тело хватало ртом воздух.

– Воистину, жизнь, которую стоило прожить, – пренебрежительно произнес он и устремился к следующей жертве. Для него не имело никакого значения, кто это будет, все были перед ним равны: сплошная серая масса, чудовища, способные поглотить свет, но не способные противостоять свету с другой стороны. Свет солнца подобен человеческой жизни, размышлял Рахмиэль, ступая по поверхности кровавого моря, скоротечен и условно ярок, свет луны подчиняет себе все, не зная препятствий. Настигнув следующую жертву, он не дал себе труда превратить ее в пищу, вместо этого он разорвал надвое мягкую плоть человеческого тела. Скорость, с которой он это сделал, превратила обычный мешок с кровью в фонтан игристых рубинов, ударивших в потолок. На долю секунды грязный подвал превратился в волшебный грот, чьи своды украшали настоящие драгоценности.

Наконец шум и крики успокоились. Похоже, в помещении не осталось ни одной живой души. Вихрь стих. А кровавые волны все еще ударялись о каблуки Эфрат, стоящей сейчас в центре зала. Рахмиэль подошел к ней. Какое-то время они смотрели друг на друга, и только им одним было известно, что открывалось по ту сторону взгляда.

Рахмиэль достал из кармана джинс смартфон, и зал заполнил мягкий голос Криса Айзека.

– Вы позволите? – Рахмиэль протянул Эфрат руку, приглашая к танцу.

Эфрат улыбнулась, шагнула ему навстречу и вложила свою руку в его. Их одежда была мокрой от крови, а кожа из мраморной стала слегка розовой, и можно было заметить, как, попадая на кожу вампиров, кровь медленно исчезает. Они мерно покачивались на кровавых волнах, обнимая друг друга. Иногда им под ноги попадали чьи-то руки, иногда просто неопределенного происхождения части тел, вампиры успешно обходили препятствия, и пока они медленно кружились в танце со стен на пол устремились багряные реки. Вся кровь вокруг будто стремилась к одному источнику, который сейчас двигался по залу. Эфрат и Рахмиэль смеялись, совсем как когда-то на веранде ресторана, как в берлинских клубах, как и всегда, когда оставались одни, наедине с миром, куда более древним, чем любой из городов, которые они уже видели и которые им только предстоит увидеть. В зале почти не осталось света и уж точно не было ярче того, который окружал танцующую пару. Кровавый пар поднимался в воздух и таял, уходя в неизвестность.

Like the river flows

Shortly to the sea

Darling, so we go

Some things were meant to be, oh

*Take my hand, take my whole life too
'Cause I can't help falling in love with you
'Cause I can't help falling in love with you¹⁴*

За их спинами раздался звук открывающихся дверей.

– Госпожа Эфрат, господин Рахмиэль, – в проеме открывшихся дверей показался Йозеф, – я вовсе не хочу вас прерывать, но время истекает и вам пора уезжать.

– Да, Йозеф, спасибо, – ответила Эфрат, все еще обнимая Рахмиэля.

– И вы, возможно, захотите переодеться, – с легкой ноткой иронии закончил свою мысль Йозеф.

– Пожалуй, – согласился с ним Рахмиэль. – Идем?

Эфрат оглядела помещение. В этот момент кудрявая голова сорвалась с люстры и упала вниз. Как раз возле того, что когда-то было менеджером ресторана. Вампиры переглянулись и засмеялись звонким, искрящимся смехом. Так смеются дети, чья шалость успешно удалась.

– Как это трогательно. – Рахмиэль прижал руку к груди в жесте умиления.

– Это судьба, – поддержала его Эфрат.

– Ты так думаешь? – внезапно серьезно спросил Рахмиэль.

– Нет, – Эфрат перестала смеяться и теперь просто улыба-

¹⁴ Chris Isaak, “Can’t help falling in Love”.

лась, – я думаю, они выбрали закончить свою жизнь на полу этого «ресторана». Каждый их них, – она обвела зал глазами, повсюду лежали человеческие останки, где-то все еще кровоточащие тела, где-то просто бесформенные груды мяса, – мог сделать другой выбор, но сделал такой. И...

Ее речь нарушило какое-то странное колебание. Эфрат посмотрела на пол, туда, где среди прочих останков лежала оторванная голова. Ей показалось что она заметила какое-то движение.

– Она что, еще жива? – кивнула Эфрат на останки менеджера.

– А она когда-то жила? – Рахмиэль вопросительно посмотрел на нее.

– Тоже верно, – Эфрат пожала плечами, – как бы то ни было, это не продлится долго.

– Совершенно очевидно, – хотел было согласиться Рахмиэль, как вдруг он заметил во взгляде Эфрат какой-то незнакомый огонек. Этот огонек разгорался все ярче и ярче, и когда пожар должен был вот-вот вспыхнуть, как открылись двери и в них вошел Йозеф в сопровождении друзей. Все они держали в руках большие канистры.

– Я правильно угадал ваши желания, госпожа? – осведомился Йозеф.

Тем временем его молчаливые спутники уже начали поливать все вокруг бензином из канистр.

– Ты обладаешь редким даром точно угадывать мои же-

лания, Йозеф, я это ценю, – ответила Эфрат. – Может быть назовем какой-нибудь квартал в городе в твою честь?

– Премного благодарен за столь высокую оценку моей службы, однако боюсь, это может вызвать массу осложнений, госпожа, – Йозеф почтительно поклонился и опустил взгляд.

– Мы можем сделать это задним числом, – буднично произнесла Эфрат, – ты же знаешь, у нас особые отношения со временем.

– Знаю госпожа, как вам будет угодно, госпожа, – Йозеф показывал, что оставляет выбор вознаграждения за Эфрат, – а пока позвольте предугадать еще одно ваше желание.

– Извольте. – В голосе Эфрат звучало удовольствие и любопытство.

– На улице вас ждет ваша машина и небольшой сюрприз, – Йозеф снова слегка поклонился, открыл канистру и присоединился к своим друзьям.

Эфрат и Рахмиэль вышли на улицу. Подозрительно пустую и тихую. Перед ними стоял черный Бентли, а перед машиной – Натали, невысокая брюнетка, облаченная в незначительное кружевное белье и туфли на высоких каблуках. Ее волосы волнами падали на плечи и почти доставали до подноса, который она держала в руках. На подносе стояли три клубничные Маргариты.

– Добрый вечер, госпожа Эфрат, – произнесла Натали. По ее голосу можно было понять, что она не забыла как следует продегустировать напиток, прежде чем подать его.

– Натали, ты обворожительна... вот прямо все в тебе прекрасно, – Эфрат подошла к девушке и провела пальцами по ее губам, – благодарю.

Вампирша взяла два бокала с подноса и протянула один Рахмиэлю, который тоже не без удовольствия рассматривал Натали. Йозеф вышел из дверей ресторана и встал рядом с ними.

– Желаете сделать это сами, госпожа?

– Нет, – ответила Эфрат, делая первый глоток.

– Нет? – Йозеф выглядел немного удивленным.

– Пусть в этот раз это будет кто-то другой.

Йозеф беззвучно усмехнулся и протянул Рахмиэлю металлическую зажигалку. Тот молча принял ее и покрутил в пальцах, дожидаясь, пока вернутся все их помощники. Он все еще держал бокал Маргариты в руках, когда подходил к дверям, и сделал глоток, прежде чем щелкнуть зажигалкой. Сквозь это спокойное, казавшееся безопасным пламя, он посмотрел в угасающие глаза той, которой обещал долгую и мучительную смерть. Рахмиэль всегда держал слово. Может быть поэтому все его слова обладали силой. Как и слова любого бессмертного. Прошептав что-то одними губами, Рахмиэль отправил зажигалку в полет и попал точно в кудрявую голову, которая наконец получила столько внимания, сколько ей всегда хотелось. Пламя вспыхнуло в одно мгновение, и начало быстро распространяться по помещению.

– Я – то добро, которое поставит зло на колени и звер-

ски уьбет, – задумчиво произнесла Эфрат, делая следующий глоток.

– Мне нравится думать, что я на стороне добра, – поддержал ее Йозеф, который теперь тоже держал в руке бокал Маргариты. В воздухе уже ощущался запах дыма.

– Позвольте, друзья мои, я расскажу вам историю, – обратился Эфрат к присутствующим, – однажды, когда я только начала увлекаться поп-культурой, мне попался один отменный сериал.

– Про вампиров? – поинтересовался Йозеф.

– Ну разумеется, – улыбнулся в ответ Эфрат, – и вот в этом сериале главный героя, двухметровый северянин, приходит в бордель, где, так уж получается, оказывается в одном номере с мадам. И я уже не помню, как сюжет к этому подошел, но мадам рассказывает ему историю об одной из своих девиц, которая попала в заведение в очень юном возрасте, обладала привлекательной наружностью и всегда считала, что она слишком хороша, чтобы быть шлюхой. Мадам же была уверена, что не смотря на все амбиции, эта юная леди всегда была не более чем шлюхой. Тот факт, что вскоре юная леди скончалась в стенах заведения, на мой взгляд, подтверждает правоту мадам как нельзя лучше. К чему это я? – Эфрат сделала большой глоток Маргариты, наблюдая как в воздухе начал плыть дым, – Натали, иногда люди говорят, что это у тебя проблемы, чтобы не чувствовать вину за то, как они с тобой поступили, но что бы с тобой ни случилось из-за этого

кудрявого ублюдка, он всегда был не более чем шлюхой, а твоя Маргарита по-прежнему бесподобна и мы всегда будем это ценить.

– Моя Маргарита по вам скучает, – лукаво ответила де-вушка.

– Дамы, ваши беседы будоражат мою фантазию, а я этого совсем не хочу, – вмешался в разговор Рахмиэль, который уже вернулся к машине.

– Почему? – искренне удивилась Эфрат, и повернулась к нему.

– Потому что я не понимаю, хочу ли ее убить, съесть или я просто ее хочу, – ответил Рахмиэль, кивая в сторону Натали, – а я считаю величайшим расточительством рисковать кем-то столь всесторонне одаренным. Маргарита и правда что надо.

– Всесторонне... – недвусмысленно произнесла Эфрат, – согласна с тобой. А потому предлагаю оставить наших друзей и отправиться в дорогу. Кстати, Йозеф, какого черта во-круг так тихо?

– Я как раз хотел сказать вам, госпожа, что полиция не сможет держать эту улицу перекрытой слишком долго, и было бы отлично, если бы мы отправились в путь. К тому же, – добавил он, указывая на разгорающийся пожар, который все набирал обороты, – скоро здесь будут пожарные.

– В таком случае, я не вижу смысла задерживаться. – Эфрат отдала бокал Натали и обошла машину, чтобы сесть за

руль.

– Было приятно познакомиться, Йозеф, Натали, – Рахмиэль также вернул девушке бокал и последовал за Эфрат.

– Мы будем счастливы видеть вас снова. – Йозеф и Натали смотрели вслед уезжающей машине. Рядом с ними уже бушевал пожар, от которого еще одному городу уже в который раз станет легче дышать. Где-то вдалеке слышались пожарные сирены.

– Детка, ...

– Да? – отозвалась Эфрат, не отрывая глаз от дороги.

– Что мы будем делать дальше? – Рахмиэль смотрел на нее, и в его глазах отражалось небо, полное звезд.

– Мы, – она повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза, и взяла его за руку. Сейчас, если посмотреть внимательнее, в свете луны, который указывает на каждую истинную вещь в этом и других мирах, можно было увидеть, как слова змеей обвивают их запястья, приводя обещание Мастера в исполнение, – мы создадим новый мир.

Очень осторожно, чтобы машина без единого рывка продолжала свое плавание по ночной дороге, Эфрат вжала педаль в пол. *We live. We love. And we mean it.*¹⁵

¹⁵ Мы живем. Мы любим. И это всерьез.